Г. А. НЕВЕЛЕВ „ИСТИНА СИЛЬНЕЕ ЦАРЯ...“

Г. А. НЕВЕЛЕВ

„ИСТИНА СИЛЬНЕЕ ЦАРЯ...“

„САМАЯ СЕРЬЁЗНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ ЕСТЬ ПОТРЕБНОСТЬ ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ“

(ГЕГЕЛЬ)

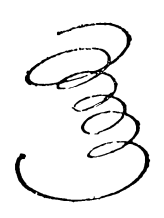

Г. А. НЕВЕЛЕВ

„ИСТИНА СИЛЬНЕЕ ЦАРЯ...“

(А. С. ПУШКИН В РАБОТЕ НАД ИСТОРИЕЙ ДЕКАБРИСТОВ)

МОСКВА "МЫСЛЬ" 1985

ББК 63.3(2)47
Н 40

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

доктор исторических наук В. А. ФЕДОРОВ,
доктор филологических наук Я. С. БИЛИНКИС

Н $\frac{0505010000-107}{004(01)-85}$ 74-85

«...ВЗГЛЯДОМ ШЕКСПИРА»

Идейное влияние «первой фаланги русского освобождения» на умственную жизнь русского общества, по словам А. И. Герцена, «можно далеко проследить в печальной николаевской России... Мысли, посеянные 14 декабря, зрели, разъедали груди и подтачивали незаметно дубовые ворота николаевского острога» [1]. В эти годы строжайшего цензурного запрета и особенно сильной, как писал Н. Г. Чернышевский, «потребности мыслить» исторический анализ идей и опыта декабристов был одной из идеологических форм развития передовой общественной мысли и поисков «правильной революционной теории» [2].

Во второй половне 1820-х — начале 1830-х гг. процесс осмысления событий 14 декабря 1825 г. происходил особенно интенсивно. Эта «умственная» работа захватила практически все слои общества. Она способствовала усилению оппозиционных настроений, вызревавших в передовых общественных кругах России параллельно, «рядоположенно» декабризму, организационно не соприкасаясь с замкнутыми конспиративными обществами дворянских революционеров. Наблюдательный современник Н. С. Щукин писал об атмосфере в русском обществе после 14 декабря 1825 г.: «Всеобщее настроение умов было против правительства, не щадили и государя. Молодежь распевала бранные песни, переписывали возмутительные стихи, бранить правительство считалось модным разговором. Одни проповедовали конституцию, другие республику, для примера указывали на Англию и Союзные Штаты. Из старших были и разумные люди. Они уверяли, что при крепостных крестьянах невозможна ни конституция, ни республика, что народ без царя быть не может. Над ними смеялись и называли отсталыми» [3]. Вольномыслие не было привилегией декабристских кругов. 14 декабря явилось выражением глубокой общественной потребности, и дворянские революционеры, вышедшие на Сенатскую площадь и провозгласившие идеи, рожденные эпохой, говорили и действовали от имени многих современников, ненавидевших деспотизм и рабство, мечтавших о свободной России. Лозунги 14 декабря — уничтожение самодержавия и крепостного права — были близки и понятны свободомыслящим людям 1820-х гг. «Русским недоставало отнюдь не либеральных стремлений или понимания совершавшихся злоупотреблений,— отмечал А. И. Герцен,— им недоставало случая, который дал бы им смелость инициативы» [4].

Казнь декабристов 13 июля 1826 г. «заставила содрогнуться всю Россию» [5]. «Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, нет возможности» [6],— свидетельствовал современник. Один из агентов III Отделения сообщал в своем

донесении: «Казнь, слишком заслуженная, но давно в России не бывалая, заставила кроме истинных патриотов и массы народа многих, особливо женщин, кричать: quelle horreur! et avec quelle précipitation etc.» [7]. «В этот день,— писал Ф. Ф. Вигель,— жители Петербурга исполнились ужаса и печали» [8]. «Приговор в Москве,— вспоминала П. Е. Анненкова,— произвел страшное впечатление, снова все впали в глубокое уныние» [9]. По мере политического и идейного развития русского общества и освободительного движения казнь декабристов из события, завершившего процесс по делу участников первых тайных обществ в России, превратилась в исторический и нравственный символ революционного героизма людей, взошедших на эшафот, чтобы «с высоты своей виселицы» пробудить «душу у нового поколения», сорвать «повязку» с глаз [10]. «Этот тупой тиран,— писал А. И. Герцен о Николае I,— не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения» [11]. Герои Сенатской площади и кронверка Петропавловской крепости сливались в передовом общественном сознании в единый образ революционеров 1825 г., воодушевлявший новые поколения борцов.

Восстание 14 декабря 1825 г. и жестокая расправа над декабристами политически сплотили протестующие элементы общества в борьбе против самодержавного деспотизма. Наиболее радикальная часть передовой молодежи от форм индивидуального протеста переходит к созданию в конце 1820-х — начале 1830-х гг. политических кружков и тайных обществ, развивавшихся в русле декабристских идей [12]. И наоборот, после 14 декабря значительная часть «вольнодумцев», которые прежде разделяли оппозиционные настроения и, как им казалось, входили в «революционную партию», сравнительно быстро изживали прежний образ мыслей. В обстановке политической реакции выявился неглубокий характер вольномыслия многих представителей дворянской интеллигенции, чей либерализм основывался не на твердых убеждениях, но был результатом лишь неосознанных оппозиционных настроений, порывом благородных чувств. Массовые аресты, обстановка подавленности и страха, решительные меры правительства по борьбе с вольномыслием действовали отрезвляюще. Недостаток убеждений и слабость духа порождали разочарование и скепсис. Однако правительственный террор не мог изменить «направление умов» и лишь вызвал к жизни новые формы общественного и политического поведения. Общественная мысль, сопротивляясь официальной пропаганде, стремилась выработать собственное понимание происшедших событий. В обществе, как доносили секретные агенты, «упорно продолжают анализировать причины, возбудившие взрыв 14 декабря» [13].

Начавшийся процесс осмысления «происшествия» 14 декабря, связанный с общим движением освободительной мысли в России, вызвал напряженный общественный интерес к истории, к ее

методологическим и философским проблемам. «Современное направление человеческого духа,— отмечал П. Я. Чаадаев,— побуждает его облекать все виды познания в историческую форму... Можно сказать, что ум чувствует себя теперь привольно лишь в сфере истории»[14]. Историческая наука, понимаемая как «центр всех познаний, наука наук, единственное условие всякого развития», должна была, по мнению современников, дать ответы на важнейшие вопросы действительности после восстания на Сенатской площади. Однако преимущественное внимание к «теоретической» историографии ограничивало познавательные возможности исторической науки и уже не могло удовлетворить новых потребностей идейного развития. В общественном сознании проявлялось стремление перейти от рассмотрения проблем философии истории к анализу современного исторического опыта. Необходимость «постигнуть дух своего времени» заставляла обращаться к историческому изучению современности. «Понятие настоящего направления времени,— отмечал И. В. Киреевский,— сделалось доступно для каждого мыслящего и предполагает в нем только внимательный взгляд на окружающий мир, холодный расчет и беспристрастное соображение»[15]. «Подробное описание событий и происшествий после смерти императора Александра и вступления на престол вел. кн. Николая»[16] составляет поручик л.-гв. Семеновского полка П. Ф. Гаккель. К написанию политической хроники «Современные записки» приступает чиновник московского архива министерства иностранных дел А. Я. Булгаков[17]. Историческое исследование «вероятного хода и начала мятежей, ныне возникающих» предпринимает генерал-майор А. И. Михайловский-Данилевский[18].

«Период мышления», по словам Д. И. Завалишина, наступил и в казематах Читы и Петровского Завода. «Там писались уже ученые, философские, исторические, а преимущественно экономические трактаты»[19]. «Постепенно зреющая мысль» узников начала постигать подлинный исторический смысл событий, приведших их в «каторжные норы» Сибири. «...С каждым днем,— вспоминал И. Д. Якушкин,— становилось все более понятным все то, что относилось до этого дела, все более и более пояснялось значение нашего общества, существовавшего девять лет вопреки всем препятствиям, встречавшимся при его действиях; пояснялось также и значение 14 декабря, а вместе с тем становились известными все действия комитета при допросе подсудимых и уловки его при составлении доклада, в котором очень немного лжи, но зато который весь не что иное, как обман»[20]. От осознания исторического значения своей революционной борьбы у декабристов возникало убеждение в том, что и в Сибири, в условиях каторги, они «призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили»[21]. Свою важнейшую обязанность они видели теперь в том, чтобы сохранить истину, опровергнуть ложь правительственных сообщений, донести до современников и по-

томков правду о 14 декабря 1825 г. «Всякая преследуемая истина,— писал А. М. Муравьев,— есть сила, которая накопляется, есть подготовляемый день торжества»[22].

По свидетельству Д. И. Завалишина, замысел создания коллективной «Истории 14 декабря» возник еще в Читинской тюрьме, вероятно в 1828 г. Для этого была создана специальная комиссия, приступившая к собиранию исторических материалов[23]. В Чите и Петровском Заводе многие декабристы писали воспоминания, в большинстве своем до нас не дошедшие. Осознавая ответственность перед историей, «обреченные на жертву... старались погибнуть с пользою для отечества» и «не уносить в могилу нераскрытой истины». Узников, по словам В. И. Штейнгеля, согревала утешительная надежда, что «потомство отдаст им хотя эту справедливость»[24]. События 14 декабря 1825 г. принадлежали истории, и теперь историография («Клии страшный глас...») должна была «огласить правду» и подготовить «день торжества» истины. Убежденный в том, что «катастрофа 1825 года» в полном свете предстанет «на суд беспристрастного потомства», П. Г. Каховский писал из Петропавловской крепости: «...деяния века нашего заслуживают иметь своего летописца Тацита. Кто знает, может быть, и есть он, но таится в толпе народа, работая для веков и потомства. Он возвестит нам истину — и благословение и проклятия потомков обнаружат дела, поразят и украсят венценосцев»[25].

Таким летописцем своего времени стал Александр Сергеевич Пушкин. До восстания декабристов он был современником совершающейся истории, заносившим важнейшие события общественной и личной жизни в уничтоженные «при открытии несчастного заговора» автобиографические «Записки»[26]. После 14 декабря он стал историком своего времени. Подтверждая справедливость известных слов Ф.-А. Шатобриана: «Когда посреди омерзительного молчания слышатся только лязг цепей раба и голос доносчика; когда все трепещет перед тираном; когда навлечь на себя его благоволение так же опасно, как и заслужить его немилость, появляется историк, на которого возложено отмщение народов»[27], Пушкин сознательно взял на себя роль историка, исторической правдой мстящего тирану за совершенные преступления, ибо «...гений с одного взгляда открывает истину, а *истина сильнее царя*...»[28] (выделено Пушкиным.— *Г. Н.*).

После Сенатской площади Пушкин оказался между противоположными полюсами исторического развития: победившей «исторической необходимостью» в лице самодержавия и потерпевшей поражение в борьбе с «супративлением стихий» «человеческой волей» заговорщиков, в которой он прежде видел выражение народной потребности и за которую он нес ответственность перед историей поэтическим прославлением и утверждением в умах современников идеи революции. Это положение заставляло его вести напряженные поиски исторической истины, вскрывая

философско-исторический подтекст современных политических событий. Подчиниться логике исторического развития, чтобы понять ее, раскрыть «момент истины» на собственном историческом опыте, чтобы передать ее будущим поколениям в виде истории своего времени,— такова формула и смысл общественного и политического поведения Пушкина после 14 декабря. Эта сторона деятельности Пушкина-историка, замаскированная для современников внешне традиционным стилем поведения, его «другая жизнь» — жизнь участника суда истории («ибо на царей и на мертвых нет *иного суда*»[29] (выделено Пушкиным.— *Г. Н.*)), зашифрованная для потомков в фактах его жизни и творчества, составляла важнейшую сферу бытия поэта в конце 20-х — начале 30-х гг. К этой деятельности призывал Пушкина после 1825 г. П. Я. Чаадаев: «Мое пламеннейшее желание, друг мой, видеть вас, посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание»[30]. Понять «свой век» значило «воскресить минувший век во всей его истине»[31], «вывести» настоящее из прошедшего.

В начале февраля 1826 г. Пушкин писал А. А. Дельвигу: «Не будем ни суеверны, ни односторонни — как фр.[анцузские] трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира». Чтобы бесстрашно и непредвзято взглянуть на совершившуюся 14 декабря историческую трагедию объективно беспристрастным «взглядом Шекспира», внутренне свободным от страстей и настроений момента, поэт должен был соединить свое перо со «скальпелем» историка, ведущего «глубокое, добросовестное исследование истины»[32]. Это относилось и ко «взгляду» на «исторический день» 13 июля, который стал для Пушкина и всего декабристского окружения личной трагедией, вызвавшей невольный ужас и нравственное потрясение своей жестокой правдой, несбывшимися надеждами на великодушие власти. Не случайно, получив сообщение о казни декабристов, П. А. Вяземский записал в свой дневник: «Для меня этот день ужаснее 14-го»[33].

Слова Пушкина, сказанные им в разговоре с А. Н. Вульфом 15 сентября 1827 г.: «Я непременно напишу историю Петра I, а Александрову — пером Курбского. Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать царствование Николая и об 14-м декабря»[34] — отразили реальный исторический замысел поэта*.

---

* По мнению И. Л. Фейнберга, посвятившего историческому замыслу поэта специальное исследование, эти слова Пушкина в разговоре с А. Н. Вульфом свидетельствовали, в частности, о его намерении писать «историю своего времени» (*Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. Изд. 7-е. М., 1979, с. 297—318). Такое толкование не адекватно смыслу сказанного Пушкиным: быть историком своего времени и писать «историю своего времени» не одно и то же. Из записи А. Н. Вульфа о состоявшемся разговоре явствует, что речь шла только о политической истории России и назывались ее конкретные исторические сюжеты: история

Попытка восстановить творческую историю замысла Пушкина «писать... об 14-м декабря» и документально проследить работу поэта над историей декабристов составляет задачу настоящего исследования. Сформулированная проблема — Пушкин в работе над историей декабристов — не являлась до сих пор предметом специального изучения. Она оказалась растворенной в необычайно обширной и многообразной пушкиноведческой и декабристоведческой литературе, посвященной взаимоотношениям Пушкина и декабристов [35]. В историографической литературе деятельность Пушкина — историка декабризма также не получила освещения и остается ей неизвестной [36].

Научная актуальность предлагаемой работы определяется неисследованностью проблемы, открывающей новые возможности для изучения истории и историографии декабристов, взглядов, творческой эволюции и политической биографии поэта, каждое новое знание о котором представляет научную и культурную ценность, а также широким кругом привлеченных документальных материалов, преимущественно малоизвестных и архивных.

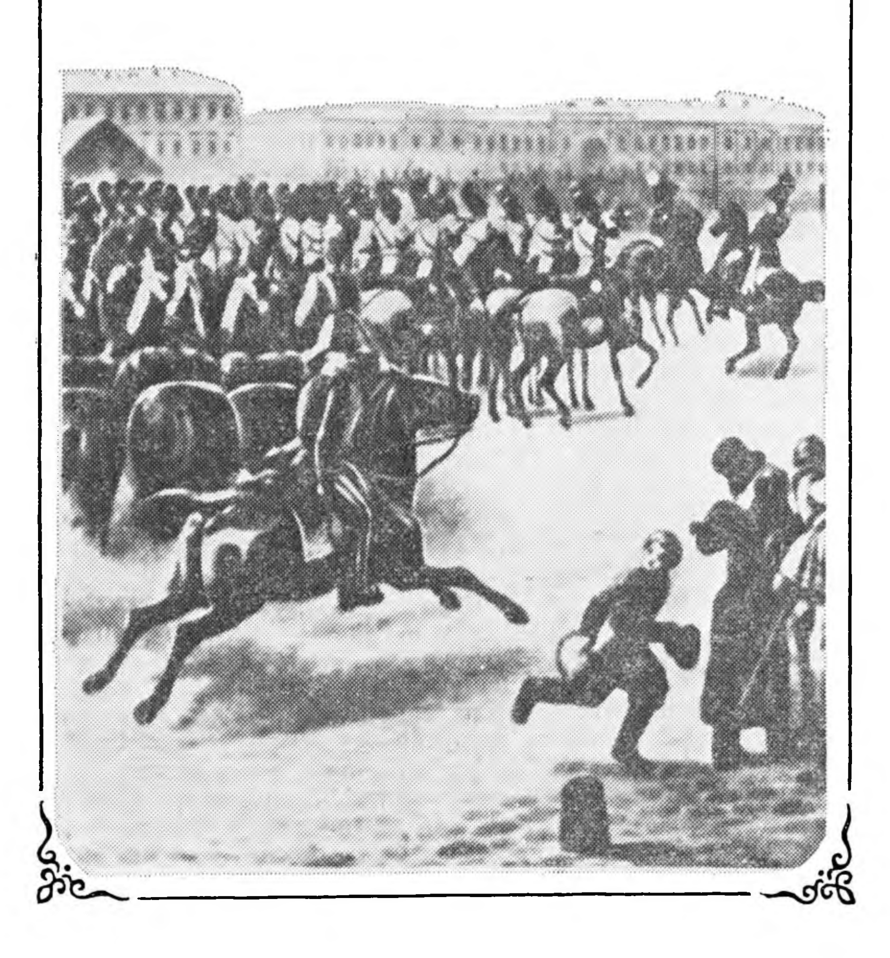
Источники изучения жизни и творчества Пушкина, выявленные и в значительной части опубликованные, тщательно описаны и библиографированы [37]. Столь же основательно, хотя и не так исчерпывающе обследованы и систематизированы источники по истории декабризма [38]. Это освобождает от необходимости традиционного обзора использованных документальных материалов. Характеристика источников, положенных в основу исследования, содержится в тексте работы и в примечаниях. Там же по возможности полно учтена и проанализирована существующая литература вопроса.

Структура исследования отражает логику исторической работы Пушкина: в первой главе — «После 14 декабря 1825 года» — рассматривается его деятельность по разысканию достоверных исторических свидетельств об участниках восстания; во второй главе — «Исследование истины» — анализируются рисунки поэта как графические конспекты собранных им исторических сведений; в третьей — «На тайные листы записывал я жизнь...» — текстовые документальные записи о декабристах.

Петра I, история Александра I («пером Курбского»), царствование Николая I и «об 14-м декабря».

И. Л. Фейнберг, анализируя запись о Николае I в день казни декабристов в пушкинском «Дневнике» 1833—1835 гг., предположил, что поэт собирался писать о событиях 13 июля 1826 г. в задуманной им «истории своего времени». Это предположение, однако, не получило развития. Дальнейшее изучение вопроса И. Л. Фейнберг считал невозможным, полагая, что для этого сохранилось очень «не многое: буквы тайной записи о казни, рисунки поэта, изображающие вал Петропавловской крепости, на нем виселицы с пятью повешенными декабристами и портрет Николая в день казни — в «Дневнике» Пушкина» (там же, с. 310—315).

ПОСЛЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

ИСТОЧНИКИ И КАНАЛЫ ИНФОРМАЦИИ

Не будучи членом тайного общества, Пушкин стал активным участником истории декабристов. Он был знаком со всеми виднейшими деятелями движения. Осведомленность Пушкина и понимание им подлинного смысла политической деятельности его друзей несомненны. Однако личная осведомленность стала приобретать характер исторического знания и понимание проницательного очевидца сменилось «взглядом Шекспира», когда члены тайного общества «сделались историческими лицами», а поэт, современник и друг декабристов, стал их историком. Это произошло после 14 декабря 1825 г.

1

Вечером 14 декабря 1825 г., когда Сенатская площадь была очищена от мятежников, в Зимнем дворце спешно разрабатывалась официальная версия «возмутительного происшествия». Испуг, пережитый Николаем I в день восстания, и необычные обстоятельства его воцарения заставили нового императора лихорадочно искать такое «объяснение» петербургским событиям, которое бы, подчеркивая законность восшествия его на престол и скрывая действительный страх и неуверенность царского правительства, представило бы в глазах общества случившееся как досадное недоразумение. Н. М. Карамзин, растерянный и встревоженный пережитым, не в состоянии был владеть пером. По его совету составление описания происшествия для всеобщего обнародования было поручено вызванному во дворец Д. Н. Блудову, которому Николай I приказал «сделать сие поспешно тут же, не выходя из его кабинета» [1].

На следующий день, 15 декабря, блудовское обозрение было напечатано в виде «прибавления» к «Санкт-Петербургским ведомостям». «Вчерашний день,— гласило газетное сообщение,— будет без сомнения эпохой в истории России. В оный жители столицы узнали с чувством радости и надежды, что государь император Николай Павлович воспринимает венец своих предков... Но провидению было угодно сей столь вожделенный день ознаменовать и печальным происшествием, которое внезапно, но лишь на несколько часов возмутило спокойствие в некоторых частях города» [2]. Описывая «печальное происшествие» минувшего дня, правительство пыталось убедить общественное мнение в незначительности выступления декабристов. Сообщение рисова-

ло события 14 декабря как бунт горстки «безумцев», которыми «начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединились несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшие толпы черни окружали их и кричали «ура!»». Значительная часть правительственной реляции была посвящена доказательству антиобщественного и глубоко безнравственного характера событий, «зачинщики» которых, «пробыв четыре часа на площади, в большую часть сего времени открытой, не нашли себе других пособников, кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных» [3]*. Так в ночь с 14 на 15 декабря в обстановке всеобщего замешательства в Зимнем дворце наспех была создана версия о «пьяных», устроивших бунт в Петербурге.

Однако уже через несколько дней правительство было вынуждено изменить официальную трактовку событий, поскольку их действительный характер открылся сравнительно быстро. Первые же показания «бунтовщиков» привели к «обнаружению страшнейшего из заговоров» [4]. 15 декабря Николай I писал брату Константину в письме, начатом еще накануне вечером: «Всего любопытнее то, что перемена государя послужила лишь предлогом для этого взрыва, подготовленного с давних пор и с целью умертвить нас всех, чтобы установить республиканское конституционное правление. Судя по допросам членов здешней шайки, продолжающимся в самом дворце, нет сомнений, что все составляет одно целое, и что также устанавливается определенно на основании слов наиболее дерзких, это — что дело шло о покушении на жизнь покойного императора, если бы он не скончался ранее того». Открытие «тайных пружин» 14 декабря привело к существенным изменениям в официальной трактовке восстания. Убедившись в том, что возмущение на Сенатской площади и тайные общества с их «ужасными» планами перемены правления, введения безначалия и умерщвления царской семьи «составляет одно целое», Николай I, первоначально рассматривавший мятеж как выступление против себя лично и пытавшийся, кстати еще и поэтому, замять дело, изобразив события как «пьяный бунт», принимает решение дать следствию и последующему суду возможно большую огласку. «Я думаю, что это и долг, и хорошая и мудрая политика» [5],— пишет он Константину 28 декабря.

Формирование официальной версии восстания в Петербурге по преимуществу было реакцией правительства на развитие европейского общественного мнения. Мнение русского общества, потрясенного событиями на Сенатской площади, беспокоило

---

* Н. И. Сазонов в своей книге «Правда об императоре Николае», вышедшей в Париже в 1854 г., писал о сообщении Д. Н. Блудова: «Нельзя представить себе ничего более забавного и более невероятного, чем официальный отчет о заговоре, опубликованный «Санкт-Петербургской газетой»» (Литературное наследство, т. 41—42. М., 1941, с. 209).

власть в данном случае значительно меньше. По свидетельству Н. М. Карамзина, который весь день 14 декабря провел в Зимнем дворце, вдовствующая императрица Мария Федоровна беспрестанно восклицала: «Что скажет Европа!» [6]

С напряженным вниманием Европа следила за драматическими событиями династического кризиса в России. Неожиданная смерть Александра I, со значительным опозданием официально подтвержденная Петербургом, и наступившее за тем время полной неосведомленности о событиях, происходивших в России, произвели сильное впечатление в европейских странах. Проявляя сугубую осторожность, русское правительство ограничилось лишь кратким сообщением о болезни и обстоятельствах смерти Александра, помещенном в «Journal de Saint-Pétersbourg», и тем самым дало повод ко всякого рода слухам и измышлениям. Европейские газеты, подвергая сомнению достоверность официального сообщения, усиленно муссировали версию о насильственной смерти Александра. Английские «Times», «Morning Post», «Globe», «Morgan Herald» поместили обширные исторические справки с описанием обстоятельств смерти Петра III и Павла I. Вслед за официальным известием о смерти Александра и неофициальным — о присяге новому императору Константину, полученными из России в начале декабря, распространился слух, что Константин, с излишней поспешностью объявленный императором, отказался от короны. Этот слух был мгновенно подхвачен европейской печатью. Публиковались самые противоречивые подробности о событиях междуцарствия в России.

В Австрии последние сообщения из России вызвали сильное беспокойство. В правительственных кругах одни полагали, что Константин действительно не хочет быть императором, другие склонялись к мысли о том, что он слишком поторопился с отказом от престола и, предположив, что Николай уже взял в руки правление, занял выжидательную позицию. В Лондоне вести об отречении Константина были встречены с сомнением. Вечерняя газета «Sun» назвала их клеветой. «Courier» назидательно писала о том, что «государи не сходят с трона так просто, как извозчики перебираются из одного помещения в другое». «Morgan Herald» обвиняла в появлении этих слухов биржевых спекулянтов, заинтересованных в повышении курса русских ценных бумаг [7]. Французский посол в России граф П. Л. де Лаферроннэ убеждал свое правительство, что «провозглашенный императором вел. кн. Константин примет корону» [8]. В Пруссии полагали, что Константин играет роль отречения, втайне надеясь на русский престол. Берлинская «Konversationsblatt» сообщила, что в одном из прусских календарей вел. кн. Николай Павлович назван преемником Александра I. Эти сведения попали во французские газеты. Разразился политический скандал. Прусское правительство, полагая, что этот факт может скомпрометировать его, издало приказ о запрещении злополучной газеты за распро-

странение «умышленной лжи» (хотя календарь был обнаружен и сообщения газеты подтвердились) [9].

В то время, когда неизвестность и общее недоумение достигли, казалось, апогея, в Европу из России пришли наконец официальные документы о вступлении на престол Николая и первые смутные известия о событиях на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г. Эти сообщения вызвали сильное беспокойство в европейских странах. В дипломатических кругах восстание 14 декабря было воспринято как событие огромной важности. Правительства европейских стран, воздерживаясь от каких-либо заявлений, публиковали только официальные документы. Газеты были наполнены всевозможными толками и догадками. Вокруг русских событий складывалась обстановка сенсационности. Царское правительство с нарастающим беспокойством следило за развитием европейского общественного мнения. В Петербурге не могли не считаться с высказываниями и направлением мысли иностранной прессы и стремились создать в Европе представление о России как о могущественной монархии, народ которой бесконечно предан своему государю. Если 14 декабря Николай мог заявить иностранным дипломатам, предложившим стать в свиту государя в подтверждение законности его прав на престол, что это — «семейное дело, в которое Европе нечего вмешиваться» [10], то теперь положение существенным образом изменилось. Речь шла о престиже нового императора и всей монархии.

В Петербурге были приняты все меры к быстрому и самому широкому распространению в Европе правительственных реляций о мятеже. 15 декабря 1825 г. министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде сообщил иностранным послам и посланникам, аккредитованным при русском дворе, что «его величество составил описание вчерашних событий, но, прежде чем его опубликовать, он желает, чтобы дипломатический корпус познакомился с ним». «Завтра утром,— писал в Вену в тот же день австрийский посол граф Л.-А. Лебцельтерн,— я отправлюсь к Нессельроде для присутствия на этом экзамене» *. 16 декабря К. В. Нессельроде зачитал дипломатам правительственную реляцию о происшествии 14 декабря, в основу которой была положена статья из «Санкт-Петербургских ведомостей», очищенная от чересчур сильных выражений (так, «несколько человек гнусного вида во фраках» было заменено на «несколько человек во фраках, наружность которых выдавала их намерения»). Послы официально заверили К. В. Нессельроде, а в его лице русское правительство, что «эта реляция точна настолько, что совершенно не отличается от их собственных сообщений, которые они отправят по этому поводу для информации своих дворов» [11].

---

* После этого «экзамена» К. В. Нессельроде «по желанию» Николая I разослал членам дипломатического корпуса официальное описание «происшествия», чтобы они поспешили «подтвердить своим правительствам его верность» (ГБЛ, ф. 743, 30,18).

Реляция была тотчас отправлена в виде циркуляра русским дипломатическим представителям за границей. Нессельроде указывал, что документы предназначены для самого широкого оглашения, поскольку «желание его величества обнародовать с полной откровенностью все обстоятельства дня 14 декабря, а также и все результаты вызванных ими прискорбных, но полезных открытий» [12]. В своей депеше от 10 января 1826 г. русскому послу в Лондоне князю Х. А. Ливену К. В. Нессельроде писал: «По желанию императора прошу вас сообщить приложенные к сему документы двору, при котором вы аккредитированы, и дать этим документам самую широкую огласку» [13]. Русское министерство иностранных дел, убеждая своих представителей в Европе в незначительности и маловажности происшествия 14 декабря, настоятельно просило указать европейским правительствам, что в петербургском восстании принимало участие «несколько молодых офицеров, которые со свойственной их возрасту неосторожностью дали себя завлечь в общество, преступные цели которого они не понимали и печальные результаты не могли предвидеть» [14].

Однако, несмотря на все меры, предпринятые русским правительством, европейское общественное мнение с недоверием отнеслось к версии о бунте «пьяных» в Петербурге. Если газеты в первое время после официальных разъяснений Петербурга продолжали трактовать события в России как борьбу за престол, то в правительственных сферах все более склонялись к тому, что «беспорядки» 14 декабря следует рассматривать как революционный взрыв. Тревожные донесения послов, полученные в европейских столицах вслед за документами русского правительства, заставляли еще более усомниться в официальной версии. Так, П. Л. де Лаферроннэ сообщал в своей депеше от 15 декабря 1825 г. министру иностранных дел французского правительства барону А.-Г. Дама: «Несомненно, если бы... восставшие возымели несчастную мысль двинуться ко дворцу, ничто не могло бы помешать им достигнуть его». Заговорщики, «чье вчерашнее возмущение было лишь частным эпизодом, являются еще только новичками, но они могут сделать быстрые успехи. Их главари преследовали совершенно другие цели, чем спор о выборе императора; среди них были найдены воззвания, которые заставляют содрогаться благонамеренных людей. Не следует скрывать, господин барон, что положение нового императора очень трудное и критическое. Подавление этого первого возмущения еще не устраняет того возмущения, которое царит среди молодых офицеров, а настроение это мятежное» [15]. В начале января 1826 г., когда подлинный характер событий, происшедших в Петербурге, стал постепенно выясняться, европейская печать уже открыто выражала свое недоверие официальным сообщениям.

Русское правительство оказалось в довольно сложном положении. Официальная версия о бунте «пьяных» 14 декабря, при-

готовленная в большей степени для «внешнего употребления», не только не достигла цели, но, напротив, создала в Европе впечатление, наносившее существенный ущерб престижу русской монархии. Освещение событий в первом правительственном сообщении как просто бунта «пьяных солдат» и «людей во фраках», вызванного осложнением в престолонаследии, давало повод трактовать происшествие 14 декабря как эпизод борьбы за русскую корону, а Николая I рассматривать как узурпатора, силой овладевшего престолом. С другой стороны, несмотря на все старания Петербурга, на глазах рушилась легенда о неприступности «девственной России» для революционного движения. Русское правительство не могло не считаться с очевидным понижением своего международного авторитета. В Петербурге были поставлены перед необходимостью найти такое объяснение событиям, которое сумело бы если не скрыть, то, во всяком случае, убедить Европу в том, что 14 декабря хотя и представляло собой попытку революции, но тем не менее было лишь совершенно случайным и кратковременным испытанием для русского престола. Основные мысли новой правительственной версии восстания были сформулированы в составленном Николаем I и написанном для печати М. М. Сперанским манифесте 19 декабря [16].

Манифест 19 декабря, опубликованный в русских газетах 22 декабря, был первым правительственным документом, в котором предпринималась попытка раскрыть причины декабрьского возмущения и осветить политические цели «бунтовщиков». Настаивая на случайности происшедшей революционной «вспышки», русское правительство изо всех сил стремилось показать «всему свету, что российский народ, всегда верный своему государю и законам, в коренном составе... неприступен тайному злу безначалия» и дать практический пример, «как истреблять сие зло, и доказательство, что оно не везде неисцельно». Главную причину событий 14 декабря манифест усматривал во влиянии на мятежников западных революционных учений. «Сия зараза», извне занесенная в Россию, утверждал он, явилась источником всех действий злоумышленников, которые «желали и искали, пользуясь мгновением, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные... испровергнуть престол и отечественные законы, прекратить порядок государственный, ввести безначалие...» [17].

20 декабря дипломатические представители были приглашены во дворец на аудиенцию, которая носила, однако, частный характер, поскольку ни один из них к этому времени не успел еще вручить своих верительных грамот новому императору. В своем выступлении перед дипломатами Николай I изложил основные идеи новой официальной версии. «Я хочу,— заявил он,— чтобы вся Европа узнала всю истину о событиях 14 декабря. Объявляю вам: ничто не будет скрыто, причины, последствия, виновники заговора станут известны всему миру». В своей

речи Николай I утверждал, что 14 декабря в Петербурге был «вовсе не военный мятеж» и что армия проявила непоколебимую верность престолу. Русский император старательно подчеркивал «особый» характер петербургских событий в отличие от революционных выступлений на Западе: «Восстание это нельзя сравнивать с теми, что происходили в Испании и Пьемонте. Слава богу, мы до этого еще не дошли и не дойдем никогда... еще раз повторяю вам: то было не восстание». При этом Николай I настойчиво проводил мысль о нерусском происхождении событий, доказывая, что их источником явилось влияние на вождей иноземных революционных учений. «Революционный дух,— заявил он,— внесенный в Россию горстью людей, заразившихся в чужих краях новыми теориями, пустил несколько ложных ростков и внушил нескольким злодеям и безумцам мечту о возможности революции, для которой, благодаря богу, в России нет данных. Вы можете уверить ваши правительства, что эта дерзкая попытка не будет иметь никаких последствий»[18].

Однако «успокоительная» речь Николая I не смогла убедить европейских дипломатов в незначительности происшедших событий. «Я должен заверить вас, господин барон,— писал П. Л. де Лаферроннэ своему министру 26 декабря,— что я далеко не разделяю чувства беспечности, которую проявляет император в отношении только что развернувшегося заговора. Все, что я узнаю от людей благоразумных и хорошо осведомленных о настроении умов, внушает мне еще более беспокойства относительно последствий этого крупного события»[19]. Австрийский канцлер К. В. Меттерних, получив донесение своего посла из русской столицы, с беспокойством отмечал: «Новости из России очень тревожные для безопасности и внутреннего спокойствия этой страны. Разветвления заговора огромны; количество арестованных доходит от двух до трехсот, в том числе лица из первых категорий русского общества. Чем окончится дело, сказать невозможно»[20].

В январе 1826 г. многие европейские газеты, публикуя официальные документы, изображали положение в Петербурге как состояние ужаса, страха и самого глухого молчания. В печати сообщалось о том, что в Зимнем дворце боятся продолжать следствие. Русский посол в Париже К. О. Поццо ди Борго в депеше от 21 января писал в Петербург, что некоторые французские газеты и журналы пытаются «предвещать катастрофы еще более страшные, бросать сомнения на самые достоверные сведения, наконец, оправдать мятеж и измену»[21]. Николай I в первых числах января был вынужден вновь пригласить во дворец для дополнительных разъяснений французского посла П. Л. де Лаферроннэ, заявив ему: «Я сам хотел известить вас о результатах наших первых расследований, дабы облегчить вам средство сообщить королю самые точные сведения об этом заговоре, который наделает столько шума, вызовет столько предположений и предсказа-

ний. Нелепые басни, распространяемые даже здесь, дают понятие о тех, что будут выдуманы в чужих краях, и все, что я прочел о смерти императора в ваших газетах, собирающих и переводящих вести из газет английских, должно подготовить меня к весьма странным рассуждениям относительно происшедшего здесь. Я предвижу, что потребуется много времени, чтобы ослабить впечатление и успокоить страх, порожденный этим заговором во всей Европе». Внося определенные коррективы во вторую редакцию официальной версии восстания, изложенную в речи перед дипломатами 20 декабря, Николай I старался убедить своего собеседника, а вместе с ним европейское общественное мнение в том, что «ужасное происшествие», случившееся в Петербурге,— ответвление общеевропейского заговора. При этом он особенно подчеркивал, что «дело идет не только о существовании России, но и о спокойствии Европы». Теперь русский император был заинтересован в том, чтобы представить начавшееся следствие о злоумышленных обществах как значительную услугу, оказываемую им Европе. «Новая попытка, совершенная здесь,— продолжал Николай I,— надеюсь, поможет нам дойти до источника зла и разоблачить, наконец, истинные намерения заговорщиков. Мы следили за всеми разветвлениями заговора и знаем уже, что они простираются до Варшавы и Дрездена, а может быть, еще далее. Доселе мы не нашли прямого сообщения с Парижем, тем не менее несколько заговорщиков находятся там в настоящую минуту. Другие заговорщики живут в Италии». Впрочем, как бы невзначай заметил Николай, заканчивая беседу, «все дело это кончено, по крайней мере в последствиях, коими оно угрожало спокойствию Европы» [22].

Указывая на существование всеевропейского заговора, лишь случайно проявившегося 14 декабря 1825 г. в Петербурге, русский император рассчитывал запугать Европу «ужасающими последствиями» революционного движения и таким образом отвлечь внимание европейской общественности от оставшихся во многом непонятными для нее обстоятельств междуцарствия, от подробностей кровавого подавления восстания, а также, опираясь на поддержку европейской реакции, оправдать преследования и будущий суровый приговор участникам тайных обществ. Чрезвычайным представителям западноевропейских стран, прибывшим в Россию с поздравлениями новому императору, было официально объявлено о том, что следствием обнаружены тесные связи заговорщиков с европейскими тайными обществами. Беря на себя заботу о сохранении «порядка» и «законности» в Европе, Николай I заявил, что считает «долгом своей совести» предупредить западные державы о возможных последствиях общеевропейского революционного заговора. Желая подсказать загранице нужный образ действий, он говорил шведскому посланнику Н. Ф. Пальмшерне: «Если явилась бы необходимость, я приказал бы арестовать половину нации ради того, чтобы другая по-

ловина осталась незараженной»[23]. Продолжая подчеркивать «особый» характер мятежа 14 декабря и его иностранные источники, официальный Петербург внушал правительствам европейских стран мысль о необходимости совместных согласованных действий в борьбе со всеобщей революционной опасностью.

Замысел Николая I заключался в том, чтобы, изобразив события 14 декабря как можно ужаснее и в подробностях описав «бесчеловеческие умыслы» и «зверскую наружность» восставших, представить происшествие как крайне опасное, но лишенное социального содержания, не имеющее никаких исторических корней и совершенно чуждое русскому народу революционное «злодейство» горстки антиобщественных элементов, попавших под влияние революционных идей Запада. Пытаясь представить грядущую расправу над декабристами «делом всей России», Николай тем самым стремился еще теснее сплотить вокруг престола напуганных угрозой революции «верных сынов отечества» и, кроме того, сгладить неприятное впечатление, произведенное в самой России и за границей явно затянувшимся диалогом двух братьев по поводу престолонаследия. Обнародовав и разоблачив «все тайны ненавистной и гнусной шайки, все злодейские умыслы заговорщиков» и вызвав таким образом гнев людей благонамеренных и страх обывателей, Николай I задумал превратить процесс над декабристами во «внушительный пример». В беседе с П. Л. де Лаферроннэ он заявил: «Это должно послужить примером и для России и для Европы»[24].

Вечером 17 декабря во дворце начал свои заседания высочайше утвержденный Тайный комитет. Царский указ поручал ему «принять деятельные меры к изысканию соучастников сего гибельного общества, внимательно со всей осторожностью рассмотреть и определить предмет намерений и действий каждого из них ко вреду государственного состояния, постановить свое заключение и представить... как о поступлении с виновными, так и о средствах истребить возникшее злоупотребление»[25]. Этот указ остался необнародованным. Только 5 января 1826 г. в «Journal de Saint-Pétersbourg» и «Санкт-Петербургских ведомостях» и 7 января в «Русском инвалиде» появилась небольшая заметка, в которой сообщалось об учреждении Тайного комитета для расследования открытого заговора, имевшего целью «истребление всей императорской фамилии, грабеж, расхищение имуществ, убиение не принадлежащих к мятежническому их сообщничеству граждан...»[26].

Первоначально в состав комитета, согласно записке Николая, составленной им к концу дня 14 декабря, вошли военный министр А. И. Татищев, великий князь Михаил Павлович, генерал-адъютанты А. Ф. Орлов, П. В. Голенищев-Кутузов, А. Х. Бенкендорф. 16 декабря вместо вычеркнутого А. Ф. Орлова, брат которого, Михаил Орлов, был привлечен по делу о возмущении, в список членов комитета были включены генерал-адъютанты

А. Н. Голицын и В. В. Левашов; позднее в комитет вошли генерал-адъютанты А. Н. Потапов, А. И. Чернышев и И. И. Дибич. 17 декабря 1825 г. Николай I писал Константину: «Наши аресты проходят очень успешно, и у нас в руках все главные герои этого дня». 23 декабря: «Наше следствие идет прекрасно, так же как и аресты всех имеющихся под рукой участников этого ужасного, необычайного заговора... Я завален работой». 29 декабря: «Показания прекрасны, и в нашей власти почти все главные лица»[27]. Собранный комитетом материал позволил составить 21 декабря «Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», напечатанное в русских газетах в конце декабря 1825 — начале января 1826 г. за подписью генерал-адъютанта А. Н. Потапова*, но написанное, по всей видимости, Д. Н. Блудовым, автором первого газетного сообщения[28].

Николай I, движимый желанием поскорее окончить дело, всячески торопил следствие. Члены комитета, убежденные, что «в этом случае не следует ничем пренебрегать» и что «в подобном деле не может быть речи о пощаде»[29], настойчиво вели дознание, используя различные способы нравственной пытки, доставляя физические страдания, «изнуряя голодом и обременяя цепями». Расследование продвигалось быстро. Уже 16 января Николай сообщал Константину: «Теперь мы разобрались в ходе заговора, начиная с 15 года до дня 14/26 декабря»[30]. Нетерпение Николая I было столь велико, что он собственноручно, не ожидая завершения следствия, составил проект манифеста о раскрытом заговоре[31]. Для редактирования нового акта был призван М. М. Сперанский, который после удачного написания манифестов 12 декабря о восшествии на престол и 19 декабря о мятеже на Сенатской площади был вновь приближен ко двору.

Однако Сперанский в своей докладной записке от 22 января возразил против опубликования манифеста, полагая, что «удобнее было бы отложить сей проект до того времени, когда дело созреет до суда, и тогда вместе возвестить и суд и предметы его, следствием открытые». Преждевременность обнародования такого манифеста была очевидной, и царь от его публикования воздержался. «Мне досадно, что не могу ускорить дела,— писал он Константину 28 января,— но это значило бы все испортить»[32]. Но, видимо, мысль о необходимости хотя бы предварительного сообщения о сведениях, добытых комитетом, не оставляла Николая I. В конце января — начале февраля в газетах было помещено без оглавления и подписи довольно обширное обозрение

---

* Задержка с опубликованием «Подробного описания...» трудно объяснима, тем более что по высочайшему повелению 21 декабря 1825 г. оно уже было выслано «во все армии и полки для объявления войскам» (ГПБ, ф. 859, карт. 37, д. 23, л. 153). Через несколько дней было опубликовано «Прибавление к подробному описанию происшествия, случившегося в Санкт-петербурге 14 декабря 1825 года» (Русский инвалид, 1826, 7 января, № 5, с. 19—20).

истории заговора, основанное на материалах, «почерпнутых из допросов и признаний самих виновных»[33]. Оно было написано, по всей видимости, правителем дел комитета А. Д. Боровковым и представляло собой извлечение из его доклада о составе и цели тайных политических обществ, представленного Николаю I в середине февраля.

Очерк А. Д. Боровкова был «высочайше» одобрен, и ему было поручено составить донесение комитета. Но работа задерживалась тем, что Боровков, возглавлявший все следственное делопроизводство, был занят написанием записок для императора о каждом «прикосновенном» к следствию. Председатель комитета военный министр А. И. Татищев, старик, крайне утомленный от усердных трудов по службе и желавший только одного: поскорее избавиться от новой должности «следователя» и уйти наконец в отставку, беспрестанно напоминал Боровкову о скорейшем завершении донесения. В это время в комитет для составления статьи о тайных обществах по заданию министерства иностранных дел был прислан автор первого публичного объявления о восстании Д. Н. Блудов. Боровков предложил Татищеву: «Если непременно надобно ускорить, так прикажите статью, подготовляемую Д. Н. Блудовым для журналистов, обратить в донесение. В ней немного нужно пополнить и переделать, и она достаточна будет, чтобы показать вообще ход дела и замыслы общества»[34]. Мысль была принята, и 2 мая 1826 г. проект «Донесения» в первой редакции Д. Н. Блудов прочел А. И. Чернышеву и новому флигель-адъютанту царя В. Ф. Адлербергу, которые внесли в текст ряд изменений[35]. Отредактированное «Донесение» было заслушано 10 мая у Николая I в присутствии всех членов комитета. «Наше следствие закончено, за исключением кое-каких дополнений,— сообщает Николай Константину 21 мая.— Теперь составляют сводку всего материала, а я предполагаю, что к концу будущей недели все будет в моих руках и я смогу начать процесс»[36].

30 мая 1826 г. «Донесение» Следственной комиссии (так теперь назывался комитет) было официально представлено Николаю I. Оно имело значение важнейшего правительственного документа, долгие годы остававшегося наиболее полным обозрением и собранием сведений об «открытых в России тайных обществах, уличенных в злоумышлении, о начале оных, ходе, изменениях, планах». Основная цель «Донесения», «призванного объять дело сие во всем его составе, дойти до самых сокровенных его корней, обнаружить его начало и расширение, все его связи и постепенности», состояла в окончательном утверждении правительственной концепции событий.

Не стремясь выяснить сущность и действительный характер происшедшего, Следственная комиссия ограничилась подысканием наиболее страшных слов, сказанных «бунтовщиками» во время следствия, и выставляла все действия декабристов или

до крайности нелепыми, или чудовищными. Поставив на первый план «самое ужасное», как бы перекрывающее все прочие злодеяния — умысел на цареубийство, «Донесение» пыталось таким образом скрыть от общественного мнения политическую и социальную программу декабристов. В особом приложении к нему об этом говорилось недвусмысленно: «При составлении общего донесения о замыслах и действиях бывших в России злоумышленных тайных обществ комиссия старалась не упоминать о тех обстоятельствах, кои, сделавшись известными, могли бы обратиться в орудие зложелательства, дать повод к неосновательным толкам или быть причиною какого-либо, даже самого малейшего, волнения в умах непросвещенных, наипаче же в низших состояниях» [37]. По замыслу Николая I «Донесение» Следственной комиссии должно было «посредством точных изысканий очистить государство от зловредных начал», уничтожить всевозможные «слухи и толки», предотвратить возможное появление «ложных, нелепых и вредных... рукописных реляций» о событиях на Сенатской площади, обеспечить тишину и порядок, содействуя «устрашению злонамеренных» и «успокоению» граждан мирных, преданных престолу и закону, и, наконец, доказать, что ничего страшного нет и бояться ни загранице, ни благонамеренной части русского общества нечего [38].

12 июня 1826 г. «Донесение» было опубликовано «в общее известие» в качестве приложения к «Русскому инвалиду», а позднее и к другим газетам [39]. Затем оно вышло отдельным изданием на русском и французском языках, было в свободной продаже в книжном магазине А. Ф. Смирдина в Петербурге, а также в университетской книжной лавке А. С. Ширяева в Москве [40]. Редакция «Русского инвалида» рассылала «Донесение» «иногородним жителям», объявления об этом были опубликованы в газетах и вывешены в провинции на улицах городов [41]. В июле 1826 г. «Донесение» было помещено практически во всех крупнейших европейских газетах, причем большинство французских газет печатали его в виде приложения с 7 по 11 июля в нескольких номерах, что было совершенно необычно для европейской прессы. Органы консерваторов «Quotidiènne», «Drapeau blanc», «Moniteur» восхищались «великодушным поведением» Николая I и в один голос утверждали, что следствие обеспечило обвиняемым «гарантию правосудия» *. Либеральные газеты, с сомнением относившиеся к сообщениям из Петербурга, отмечали, что произведенное следствие «носит печать тирании и беззакония» [42]. Прусские газеты поместили «Донесение» 4 июля одними из первых, но были весьма сдержанны в своих оценках. Лишь «Allge-

---

* Одна из этих статей в «Quotidiènne», оправдывавшая «самобытные» формы русского правосудия, определенно приписывалась перу русского посла во Франции К. О. Поццо ди Борго (*Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulierement pendant la crise de 1825. T. II. Paris, 1847, p. 315).

meine Literaturzeitung» напечатала о нем обширную статью, автором которой, по мнению Н. И. Тургенева, был начальник прусской тайной полиции Кампц [43]. В Англии «Донесение» было встречено молчанием и никак не комментировалось обозревателями, хотя и было приведено почти полностью во всех крупных газетах. «Английские газеты,— писал Н. И. Тургенев,— не принимали за чистую монету все, что говорилось в докладе Следственной комиссии; ни одна не желала придавать этой канцелярской стряпне той веры, которой заслуживают в подобных случаях обвинительные акты» [44]. Только «Times» в своей публикации от 13 июля выступила с решительной критикой «формального следствия» в Петербурге и обвинила николаевское правительство в лицемерии [45].

В целом, однако, европейская печать, сделавшая, по словам А. Стендаля, «поразительное открытие, что свободолюбивые убеждения гнездятся даже в русской армии», не смогла понять смысл и значение восстания 14 декабря 1825 г. Реакционная пресса, выступая как агент царского правительства, усердно распространяла официальные сообщения. Оппозиционные газеты, сопротивляясь официальной версии, отнеслись к восстанию как к политическому выступлению, но, не понимая социальной природы декабризма, были склонны осуждать их выступление, полагая, что оно произошло от того, что лучшие представители русского дворянства недостаточно усвоили передовые идеи европейского конституционализма. Прогрессивная общественность Европы хотя и подчеркивала свою симпатию к «революционерам с берегов Невы», но весьма смутно представляла себе характер происшедших событий. Это объяснялось не только неосведомленностью органов печати, но и тем, что в то время даже в такой богатой революционными традициями стране, как Франция, уже «трудно было сформироваться идеям, подобным тем, которые лежали в основе движения декабристов» [46].

Русская и европейская печать была одним из основных источников информации о процессе декабристов для русской общественности, хотя комментарий европейских обозревателей и не всегда удовлетворял русских читателей *.

С особенным нетерпением распечатывал газеты, с опозданием приходившие в Михайловское, ссыльный Пушкин. В конце декабря 1825 г. он прочитал в газетах статью Д. Н. Блудова; через несколько дней — высочайший манифест 19 декабря 1825 г.; в начале января 1826 г.— «Подробное описание происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14 декабря 1825 года», в котором был помещен список восемнадцати «явно изобличенных зачин-

* Об этом, в частности, свидетельствует незаконченная фраза в записной книжке П. А. Вяземского от 9 июля 1826 г.: «Смешно читать глупости, коими французские ведомости, современные смерти государя, междуцарствию...» (*Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 124).

щиков»; в середине января — «Прибавление к подробному описанию происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го декабря 1825 года» и сообщение об образовании Тайного комитета для расследования открытого заговора; через неделю — известие о восстании Черниговского пехотного полка и аресте С. И. Муравьева-Апостола; в начале февраля — обозрение истории движения декабристов, составленное по результатам «близкого к окончанию» следствия *. Своеобразным графическим дневником официальных и неофициальных известий о «происшествии» 14 декабря 1825 г., полученных в Михайловском, являются серия декабристских портретов на полях черновиков с начальными строфами пятой главы «Евгения Онегина» и лист с портретами декабристов, аннотированный рукой А. Н. Вульфа: «Эскизы разных лиц замечательных по 14 Декб. 825 года работы Алекс. Серг. Пушкина во время пребывания в с. Тригорском в 826 году» [47]. Графические профили «друзей, братьев, товарищей» [48], появляющиеся в рукописях Пушкина следом за правительственными сообщениями о «государственных преступниках», подтверждают его слова из письма В. А. Жуковскому от 20 января 1826 г.: «Я... был в связи с большею частию нынешних заговорщиков» [49]. Однако Пушкин не нашел своего имени в правительственных документах. Это обстоятельство формально давало ему право считать себя непричастным к тайным обществам и существенно меняло его положение и его «точку зрения». Он имел теперь возможность, основываясь на результатах следствия, не только добиваться прекращения ссылки, но и взглянуть на разыгравшуюся 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге трагедию «взглядом Шекспира», глазами современника, которому суждено было видеть «начало» этой трагедии, так или иначе участвовать в ее развитии и затем, в силу обстоятельств став зрителем, наблюдать ее «развязку» и «последствия».

Во второй половине января 1826 г. Пушкин пишет П. А. Плетневу: «Что делается у вас в П.[етер] Б.[урге]? я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую. Кстати: не может ли Ж.[уковский] узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение...» В двадцатых числах января — А. А. Дельвигу: «Милый барон!

---

* При расчете времени возможного ознакомления Пушкина с правительственными документами о процессе декабристов, публиковавшимися в газетах, учитывалось, что доставка почты из Петербурга и Москвы в Михайловское занимала около недели. Из Петербурга почта отправлялась в Псковскую губернию в среду и субботу, из Москвы — по понедельникам и четвергам (Месяцеслов на лето 1826. СПб., 1826, с. 171, 173). «Московские ведомости» выходили в среду и субботу, «Санкт-Петербургские ведомости» — во вторник и пятницу, «Северная пчела» — во вторник, четверг и субботу, «Русский инвалид, или Военные ведомости» — ежедневно.

вы обо мне беспокоитесь и напрасно. Я человек мирный. Но я беспокоюсь — и дай бог, чтобы было понапрасну. Мне сказывали, что А. Раевский под арестом. Не сомневаюсь в его политической безвинности. Но он болен ногами, и сырость казематов будет для него смертельна. Узнай, где он, и успокой меня». В письме к нему же от начала февраля Пушкин вновь жалуется на неизвестность: «Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мне, как будто вчера мы целый день были вместе и наговорились досыта. Конечно, я ни в чем не замешан, и если правительству досуг подумать обо мне, то оно в этом легко удостоверится. Но просить мне как-то совестно особенно ныне; образ мыслей моих известен... С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнародование заговора. Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя». Вскоре Дельвиг в письме Пушкину сообщил, что слухи о А. Н. Раевском оказались ложными, он «на совершенной свободе», но в Варшаве арестован В. К. Кюхельбекер [50]. Впрочем, об освобождении А. Н. Раевского Пушкин узнал «по газетам»: царский рескрипт об этом и сообщение об аресте В. К. Кюхельбекера были напечатаны в одном номере (23) «Русского инвалида» 28 января 1826 г. Отвечая А. А. Дельвигу, он писал 20 февраля: «Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь их должна решиться — сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую. Меры правительства доказали его решимость и могущество. Большего подтверждения, кажется, не нужно. Правительство может пренебречь ожесточение некоторых обличенных... Я писал Ж[уковскому] — и жду ответа» [51]. Он имел в виду свое письмо В. А. Жуковскому (написанное, очевидно, в конце января), в котором делился мыслями о возможности прекращения ссылки, просил совета и помощи: «...мудрено мне требовать твоего заступления перед государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру. Вероятно правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел — но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Все-таки я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно... Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.

Итак остается тебе положиться на мое благоразумие...

Прежде чем сожжешь это письмо, покажи его Кар[амзину] и посоветуйтесь с ним. Кажется, можно сказать царю: В.[аше]

в.[еличество], если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?...»[52]

В письме от 27 февраля 1826 г. П. А. Плетнев передал Пушкину ответ В. А. Жуковского на его просьбу о «заступлении пред государем»: «...его к тебе комиссия состоит в том, чтообы ты написал к нему письмо серьезное, в котором бы сказал, что, оставляя при себе образ мыслей твоих, на кои никто не имеет никакого права, не думаешь играть словами никогда, которые бы противоречили какому-нибудь всеми принятому порядку». Пушкин 7 марта написал Жуковскому такое письмо, в котором вкратце изложил историю своей ссылки в Михайловское и заключил его, по предложенной формуле, следующими словами: «Вступление на престол государя Николая Павловича подает мне радостную надежду. Может быть его величеству угодно будет переменить мою судьбу. Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости»[53]. Жуковский ответил только 12 апреля: «Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо свое. Если оно *только ко мне*, то оно странно. Если ж для того, чтобы его *показать* *, то безрассудно. Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои **. Это худой способ подружиться с правительством». В. А. Жуковский прямо писал: «...в теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать [для тебя] в твою пользу» — и советовал: «...не просись в Петербург. Еще не время».

В день опубликования «Донесения» Следственной комиссии, 12 июня 1826 г., П. А. Вяземский писал Пушкину: «На твоем месте написал бы я письмо к государю искреннее, убедительное: сознался бы в шалостях языка и пера с указанием, однакоже, что поступки твои не были сообщниками твоих слов, ибо ты остался цел и невредим в общую бурю; обещал бы держать впредь язык и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятия, которые могут быть признаваемы (а пуще всего сдержал бы свое слово), и просил бы дозволения ехать лечиться в Петерб.[ург], Москву или чужие края. Вот мой совет!» *** Пушкин 10 июля ответил П. А. Вяземскому: «Твой совет кажется мне хорош — я уже писал царю, тотчас по окончанию

* Выделено В. А. Жуковским.— *Г. Н.*

** В. А. Жуковский имел в виду не только стихи Пушкина, найденные в «бумагах» декабристов, но и следственные показания последних, в которых упоминания о поэте были весьма часты[54].

*** Такой же совет содержался и в письме П. А. Катенина Пушкину от 14 марта 1826 г.: «На друзей надеяться хорошо, но самому плошать не надо; я бы на твоем месте сделал то же, что на своем, написал бы прямо к царю почтительную просьбу в благородном тоне, и тогда я уверен, что он тебе не откажет, да и не за что» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 269).

следствия, заключая прошение точно твоими словами. Жду ответа, но плохо надеюсь» [55].

Официальное следствие было завершено к концу мая. Об этом было объявлено в манифесте 1 июня 1826 г. Слова Пушкина из письма Вяземскому («тотчас по окончанию следствия»), свидетельствующие о том, что он внимательно следил за правительственными реляциями о процессе декабристов и тщательно изучал их, относятся, очевидно, к «Донесению» Следственной комиссии, полученному в Михайловском вместе с почтой, вероятно, в двадцатых числах июня [56]. Именно в это время (конец июня — 10 июля), удостоверившись, что его имя не упомянуто в заключительном документе следствия и, следовательно, существует формальное право на высочайшую милость, он обратился с письмом к Николаю I, в котором обещал «с истинным раскаянием и с твердым намерением не противуречить... мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпискою и честным словом)» и по причине расстроенного здоровья и необходимости «постоянного лечения» просил «позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края» [57].

Заключительные слова пушкинского прошения действительно совпадают с вариантом письма на высочайшее имя, предложенным П. А. Вяземским в его письме от 12 июня, что также может служить датирующим признаком. К прошению Пушкина были приложены истребованное у него 11 мая 1826 г. по высочайшему рескрипту от 21 апреля 1826 г., как и «от всех находившихся на службе отставных чиновников и неслужащих дворян», обязательство в том, «что они ни к каким тайным обществам впредь принадлежать не будут, и если прежде участвовали в тайных организациях», то непременно объявят «об их уставах, программах и цели», а также выписанное в Псковской врачебной управе 19 июля 1826 г. медицинское свидетельство о болезни [58].

По мнению П. В. Анненкова, прошение Пушкина на высочайшее имя было составлено в мае 1826 г. одновременно с подпиской о непринадлежности к тайным обществам [59]. Б. Л. Модзалевский, согласившись с датировкой Анненкова, высказал, однако, предположение, что прошение Пушкина написано между 11 и 27 мая 1826 г. [60] По мнению М. А. Цявловского, Пушкин мог написать прошение Николаю I «никак не ранее манифеста об окончании следствия над декабристами от 1 июня, опубликованного 2 июня и полученного в Пскове, вероятно, 5—6 июня». Однако, сопоставляя даты официальных документов, составленных в Пскове в связи с прошением Пушкина, Цявловский отмечал: «Остается неизвестным, почему губернатор лишь 19 июля предписал врачебной управе освидетельствовать Пушкина и в этот же день послал его прошение в Ригу» [61]. Новый вариант датировки прошения Пушкина (конец июня — 10 июля 1826 г.) устраняет отмеченное М. А. Цявловским противоречие и восстанавливает хронологическое соответствие между прошением и последовавши-

ми по этому поводу документами официального делопроизводства.

Расхождение дат прошения (конец июня — 10 июля 1826 г.), «обязательства» (11 мая 1826 г.) и медицинского свидетельства (19 июля 1826 г.) объясняется прохождением «бумаг» по инстанциям. Поскольку Пушкин состоял под надзором, свое всеподданнейшее прошение он представил по принадлежности в канцелярию псковского гражданского губернатора Б. А. фон Адеркаса, который распорядился о медицинском освидетельствовании просителя и, приложив к письму на высочайшее имя свидетельство о болезни, а также взятое у него прежде «обязательство» о непринадлежности к тайным обществам, 19 июля отправил письмо в Ригу, в канцелярию прибалтийского генерал-губернатора Ф. О. Паулуччи, для последующего препровождения в Петербург. Последний получил рапорт Б. А. фон Адеркаса 24 июля и 30 июля обратился с письмом к министру иностранных дел К. В. Нессельроде, «прося повергнуть оное» на высочайшее «воззрение» [62].

2

1 июня 1826 г. был издан высочайший манифест об учреждении Верховного уголовного суда «для суждения государственных преступников». На другой день манифест был отпечатан в сенатской типографии отдельным листком, а 4 июня 1826 г. опубликован в «Русском инвалиде» [63]. В состав суда вошли представители «трех государственных сословий»: 18 членов Государственного совета, 36 членов Правительствующего Сената, 3 члена Святейшего Синода, а также 15 «особ из высших воинских и гражданских чиновников» — всего 72 человека. Столь представительный суд, по мысли Николая I, должен был подчеркнуть общенародный характер предстоящего процесса и превратить его в глазах общественного мнения в суд всего русского общества над людьми, угрожавшими ниспровержением основ империи. «Таковым устройством сего суда,— гласил высочайший манифест,— мы желали не токмо сохранить законную силу прежних примеров, но еще более желали означить, что мы всегда признавали сие делом всех истинных сынов отечества, делом всей России» [64].

Председателем суда назначался князь П. В. Лопухин, его заместителем — князь А. Б. Куракин. Министру юстиции князю Д. И. Лобанову-Ростовскому велено было «исполнять в сем суде обязанности по званию генерал-прокурора». Дабы исключить малейшую оплошность и устранить возможные процессуальные затруднения, для председателя суда и генерал-прокурора были предусмотрительно разработаны «Дополнительные статьи обряда в заседаниях Верховного уголовного суда» и «Приложения к дополнительным статьям о разных подробностях обряда» [65].

Верховный уголовный суд открылся 3 июня 1826 г., и первые заседания были посвящены слушанию официальных рескриптов об его учреждении, а также установлению процессуального «обряда». В заседании от 7 июня 1826 г. Верховный суд, рассмотрев вопрос, «призывать ли подсудимых к подтвердительному допросу, как то велит законный судебный порядок», постановил «снарядить к ним комиссию», полагая этот путь «равно достоверным, но по числу подсудимых более удобным»[66]. Ревизионная комиссия заседала в Петропавловской крепости 8 и 9 июня. Декабристам, не понимавшим смысла происходящего, предлагалось подписать три вопросных пункта: 1) своей ли рукой подписаны показания, данные на следствии; 2) добровольно ли подписаны; 3) были ли даны очные ставки. Верховный уголовный суд, выслушав донесение ревизионной комиссии, 10 июня выбрал новую комиссию для «установления разрядов разных степеней виновности государственных преступников». Разрядная комиссия в заседаниях, состоявшихся между 11 и 27 июня, в пределах «главного умысла» «на потрясение империи, на ниспровержение коренных отечественных законов, на превращение всего государственного порядка» установила «три главные рода злодеяний»: 1) цареубийство, 2) бунт, 3) мятеж воинский. Внутри каждого рода комиссия выделила виды преступлений: 1) знание умысла, 2) согласие в нем, 3) вызов на совершение его — и затем, поставив их «в порядке постепенности... из сложения и сопряжения сих видов», произвела «нача́ла разрядов»[67].

Верховный уголовный суд в своем решении исходил из «общего правила, в самом начале единогласно им постановленного, а именно что все подсудимые, без изъятия, по точной силе... законов, подлежат смертной казни». Поставив пятерых декабристов (Пестеля, Рылеева, С. Муравьева-Апостола, М. Бестужева-Рюмина, Каховского) «по особому свойству и важности их злодеяний» вне разрядов, суд разделил остальных подсудимых на 11 разрядов. Во всеподданнейшем «Докладе» Верховного уголовного суда казни и наказания распределялись следующим образом: не вошедшим в состав разрядов — «смертная казнь четвертованием»; для первого разряда — «смертная казнь отсечением головы»; для второго — «положить голову на плаху и потом сослать вечно в каторжную работу»; для третьего — «по лишению чинов и дворянства ссылка в каторжную работу вечно»; для четвертого, пятого, шестого и седьмого — «по лишению чинов и дворянства ссылка в каторжную работу на определенное время и потом вечно на поселение»; для восьмого — «по лишении чинов и дворянства вечная ссылка на поселение»; для девятого — «по лишении чинов и дворянства вечная ссылка в Сибирь»; для десятого — «по лишении чинов и дворянства, написать в солдаты до выслуги» и, наконец, для одиннадцатого разряда — «лиша чинов, написать в солдаты с выслугою»[68].

10 июля Николай I утвердил «Доклад» суда, заменив перво-

му разряду смертную казнь каторгой, а также сделав изменения в приговоре суда другим разрядам. Статья XIII царского указа гласила: «...участь преступников... кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими, предаю решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится»[69]. Вечером следующего дня суд заседал вновь. В протоколе этого заседания говорилось: «Верховный уголовный суд по выслушании сего высочайшего указа положил... сообразуясь с высокомонаршим милосердием, в сем самом деле явленным смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определенных... по высочайше представленной ему власти приговорил вместо мучительной смертной казни четвертованием, Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу, Михайле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговором суда определенной, сих преступников за их тяжкие злодеяния повесить»[70]. Такова внешняя канва событий судебного процесса над декабристами, ставших известными большинству современников по официальным правительственным сообщениям.

В действительности же события развивались в ином порядке. Прежде всего, вопрос о смертной казни был решен Николаем I практически уже в первый день допросов. 15 декабря он писал Константину: «...так как в данном случае речь идет об убийцах, то их участь не может не быть достаточно сурова»[71]. В беседе с французским послом в Петербурге П. Л. де Лаферроннэ 20 декабря Николай I заявил: «Я начинаю царствовать под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут, слишком много; но с вожаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет кару, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования. Я буду непреклонен; я обязан дать этот урок России и Европе»[72]. Письмо Николая I Константину от 4 января 1826 г. содержало уже конкретный план расправы: «Я думаю покончить возможно скорее с теми из негодяев, которые не имеют никакого значения по признаниям, какие они могут сделать, но, будучи первыми, поднявшими руку на свое начальство, не могут быть помилованы... Я думаю, что их нужно попросту судить, притом только за самый поступок, полковым судом в 24 часа и казнить через людей того же полка»[73]. В начале января 1826 г. Николай I, по недостаточной юридической подготовке не отличавший к тому времени следствия от суда, проговорился публично, и 7 января читатели «Русского инвалида» в «Прибавлении к подробному описанию происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года» могли прочесть следующее: «Касательно главных зачинщиков и заговорщиков, примерная казнь будет им справедливым возмездием за нарушение общественного спокойствия». На другой день в газете появилось

«исправление»: «В № 5 «Русского инвалида», на странице 20-й, в строках 19-й, 20 и 21, надобно читать: примерное наказание, коего требуют справедливость, польза государства и общее мнение людей благомыслящих» [74]. Николай I сообщал в Варшаву 6 июня 1826 г.: «...в четверг начался суд со всей подобающей торжественностью. Заседания идут без перерыва с 10 часов утра до 3 часов дня... Затем последует казнь — ужасный день, о котором я не могу думать без содрогания. Предполагаю произвести ее на эспланаде крепости». Константин, одобряя намерение брата, писал в ответ: «...если когда-нибудь необходим пример, так это теперь» [75].

Николай I выставлял себя в глазах общественного мнения убежденным противником смертной казни: 4 мая 1826 г. был издан высочайший манифест, «всемилостивейше» заменявший смертную казнь «финляндским преступникам» ссылкой в Сибирь. Николай I торжественно заявлял о том, что положил за правило во «всех уголовных делах пользоваться правом милования для избавления преступников от смертной казни». Но, подготавливая общественное мнение к последующему приговору Верховного уголовного суда, этот манифест делал существенную оговорку: «Мы не могли отступить... от долга не утверждать никакого... смертного приговора, если преступление не будет толикой важности, что целию оного было нарушение общего существования, спокойствия государственного, безопасности престола и святости величества» [76]. Сложность положения Николая I состояла в том, чтобы, санкционируя казнь, при этом суметь «отстранить от себя всякий смертный приговор» и в то же время, смягчив наказания некоторым осужденным, выполнить обещание, данное им в беседе с П. Л. де Лаферроннэ,— удивить Европу своим милосердием. Это было тем более трудно, что тогда всюду упорно носились слухи о предстоящем помиловании. Сообщения об этом со ссылкой на авторитетные русские источники появились в английских и французских газетах. «British Press» писала 11 января 1826 г.: «Николай объявляет о своем намерении наказать виновных и в корне уничтожить зло. Вместо подобных обвинений общая амнистия была бы более подходящей для нового монарха» [77].

Николай I, бывший на сей счет другого мнения, вышел из положения достаточно просто. «Доклад» Верховного уголовного суда был составлен таким образом, чтобы право монарха на милосердие выглядело весьма ограниченным, ибо, утверждал суд, как бы настаивая вопреки воле государя на «особом» наказании осужденных «вне разрядов», «есть степени преступления столь высокие и с общей безопасностью государства столь смежные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны» [78]. Так поставленные вне разрядов оказывались за пределами милосердия его величества.

Хотя Николай I остался в целом доволен «Докладом» Верховного уголовного суда, однако предложения суда были для

него в определенной степени неожиданными. Весной 1826 г., когда разрабатывались процедура и проекты решений предстоящего суда, Николай I предполагал «между преступниками сделать следующее разделение: те из военных и гражданских лиц, кои явно изобличены в намерении разрушить общий порядок и спокойствие государства и в покушении на самую жизнь покойного государя императора... должны составить преступников первого разряда; те же... кои, действуя преступно против законной власти, не имеют ясных доказательств в намерении разрушить верховную власть и государственные законы... составляют преступников второго разряда». Во время судебного процесса последовало «высочайшее» изменение классификации: «1-й разряд. Начальники заговора против правительства и лица государя и все согласившиеся и взявшие на себя исполнение. 2-й разряд. Дураки, увлеченные, но ни душой, ни телом не разделявшие и не знавшие даже про все дело» [79].

Однако разрядная комиссия вопреки высочайшей воле и постановлению суда о смертной казни всем разрядам разделила декабристов на одиннадцать разрядов и установила различные степени наказаний для всех разрядов. Доклад разрядной комиссии вызвал настоящую бурю в Верховном уголовном суде. Многие члены суда не считали возможной «такую перемену без высочайшего разрешения» и, кроме того, полагали, что, встав на путь «умножения разрядов», суд не выполнит своей «священной обязанности вселить в народе ужас и омерзение к преступлениям, угрожавшим России гибелью» [80]. Протестуя против «ослабления меры наказания многим из виновных», сенатор В. И. Болгарский с возмущением писал, что «многие подсудимые вместо заслуженной ими смертной казни подошли под такие разряды, при которых сохранена им жизнь» [81]. Противники разделения подсудимых на разряды предлагали ограничиться тремя видами наказаний: повешение, отсечение головы и расстреляние [82].

Но разрядной комиссии удалось убедить большинство членов суда в необходимости установления «постепенности» в наказаниях. Сенатор А. А. Перовский в особой записке на высочайшее имя, настаивая на отмене решения суда, писал о затруднительном положении «государя императора, которому в сем неразрешимом хаосе 11 разрядов и 27 видов, конечно, трудно отличить предполагаемые комиссией разные степени виновности подсудимых» [83].

Николай I без особого труда разобрался в системе разрядов. «Я получил сегодня утром доклад Верховного суда,— писал он Марии Федоровне 10 июля,— он был хорошо составлен и дал мне возможность воспользоваться моим правом убавить немного степень наказания, за исключением пяти лиц». Предоставляя участь этих пяти декабристов, возглавлявших список осужденных, решению суда, Николай I официально снимал с себя ответ-

ственность за смертный приговор. «Осуждены на смерть не мной,— подчеркивал он в письме вел. кн. Михаилу Павловичу 12 июля,— а по воле Верховного суда» [84].

В день подписания царского «Указа» Верховному уголовному суду, 10 июля, министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский уведомил председателя суда П. В. Лопухина: «Государь изволил отозваться, что доклад и все предложения просмотрит и даст по оному свое повеление, но тут же присовокупил, что, если неизбежная смертная казнь кому подлежать будет, государь ее сам не утвердит, а уполномочит Верховный уголовный суд самому разрешить тот предмет» [85]. Тогда же Лопухин получил дополнительные разъяснения в письме начальника главного штаба И. И. Дибича: «В высочайшем указе о государственных преступниках на докладе Верховного уголовного суда, в сей день состоявшемся, между прочим в статье 13 сказано, что преступники, кои по особенной тяжести их злодеяний не вмещены в разряды и стоят вне сравнения, предаются решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится. На случай сомнения о виде казни, какая сим преступникам судом определена быть может, государь император повелеть соизволил предварить Верховный суд, что его величество никак не соизволяет не только на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь, одним воинским преступлениям свойственную, ни даже на простое отсечение головы, и, словом, ни на какую казнь, с пролитием крови сопряженную» [86].

Несмотря на «глухоту» князя Лопухина и «глупость» князя Лобанова-Ростовского, которые, по мнению Николая I, «немало способствовали замедлению дела и нарушали декорум», Верховный уголовный суд успешно сыграл отведенную ему роль и после недолгих размышлений на вечернем заседании 11 июля 1826 г. «избрал» форму смертной казни, «любезно» подсказанную императором накануне. 12 июля в «12 часов по полуночи» Верховный уголовный суд, «в полном присутствии собравшись в Петропавловской крепости и призвав осужденных к разным казням и наказаниям государственных преступников, объявил им свой приговор», а также высочайшим указом от 10 июля «даруемые им пощады» [87].

Сентенция Верховного уголовного суда была препровождена в Сенат в тот же день. На проекте отношения к министру юстиции об издании указа Сената о приведении приговора в исполнение, представленном И. И. Дибичем 11 июля на высочайшее рассмотрение, Николай I написал: «Очень хорошо. Я полагаю назначить час вам вместе с Кутузовым и считаю в 4 часа утра, так чтобы от 3 до 4 часов могла кончиться обедня и их можно было бы причастить». «В 3 часа по полудни» 12 июля из правительствующего Сената петербургскому генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову был послан указ, возлагавший на него «со-

вершение казней и наказаний над государственными преступниками»[88].

По свидетельству Н. К. Шильдера, Николай I «собственноручно» написал «обряд, по которому должна была быть совершена казнь и экзекуция над декабристами»[89]. Подлинник этого документа «с многочисленными помарками» утрачен. В 1878 г. В. В. Стасов, состоявший в комитете «собирания материалов по истории царствования Николая I», по просьбе Л. Н. Толстого снял и переслал ему копию с этой «Записки» Николая I, хранившейся в бумагах П. В. Голенищева-Кутузова, к которому она, очевидно, и была обращена. Л. Н. Толстой «переписал документ», а копию, сделанную для него В. В. Стасовым, «разорвал». В этой копии с копии «Записки» Николая I, обнаруженной в архиве Л. Н. Толстого, говорится: «В кронверке занять караул. Войскам быть в 3 часа. Сначала вывести с конвоем приговоренных к каторге и разжалованных и поставить рядом против знамени. Конвойным оставаться за ними, щитая по два на одного. Когда все будет на месте, то командовать на караул и пробить одно колено похода, потом г[осподам] генералам, командующим эск[адронами] и арт[иллерией], прочесть приговор, после чего пробить 2 колена похода и командовать на плечо, тогда профосам сорвать мундир, кресты и переломить шпаги, что потом и бросить в приготовленный костер. Когда приговор исполнится, то вести их тем же порядком в кронверк, тогда взвести присуженных к смерти на вал, при коих быть священнику с крестом. Тогда ударить тот же бой, как для гонения сквозь строй, докуда все не кончится, после чего зайти по отделениям направо и пройти мимо и распустить по домам»[90].

Текст этой «Записки» известен давно: он полностью воспроизведен в черновом наброске, сделанном начальником главного штаба И. И. Дибичем к приказу по гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г. Этот факт хотя и оставляет открытым вопрос об авторстве «Записки Николая I» и ее адресате, но тем не менее подтверждает, во-первых, достоверность копии Л. Н. Толстого и, во-вторых, безусловную причастность Николая I к составлению «сценария» казни, в основу которого были положены и письменные и, вероятно, изустные высочайшие повеления. В бумагах И. И. Дибича сохранилась, в частности, собственноручная записка Николая I с указанием тех гвардейских частей, которые должны были присутствовать при экзекуции[91]. «Обряд» казни, предложенный Николаем I, очевидно, обсуждался, и в него вносились изменения. Об этом свидетельствуют некоторые расхождения между «Запиской Николая I» и приказом по гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г. о совершении приговора над «злоумышленниками». Так в результате совместного творчества Николая I, И. И. Дибича и П. В. Голенищева-Кутузова была детально разработана процедура предстоящей казни.

13 июля 1826 г. был издан высочайший манифест, объявив-

ший о том, что «преступники восприняли достойную их казнь» [92]. На Сенатской площади в Петербурге 14 июля 1826 г. состоялся искупительный молебен. Посреди площади был поставлен алтарь, и митрополит Серафим, окропляя святой водой ту часть площади, где находились восставшие, очищал столицу от «посрамивших ее злодеяний» *. Благодарственные молебны «за уничтожение злонамеренных усилий мятежников, угрожавших ниспровержением престола и гибелью всего отечества» были совершены во всех губернских городах и в войсках [93]. По замыслу русского императора это должно было явиться заключительным актом очищения святой Руси от революционной «заразы», ее осквернившей, и тем устрашающим примером, который победивший монарх хотел дать своему народу и Европе.

Следственной комиссии и Верховному уголовному суду Николай I объявил благодарность за «благоразумное и успешное и вполне с ожиданием его согласное приведение к окончанию дел». Отличившиеся в день 14 декабря получили награды и повышения по службе. Нижним чинам, находившимся во время восстания в строю, было высочайше пожаловано «по рублю, по фунту говядины и по чарке вина на человека». Дело о «возмущении» 14 декабря 1825 г., «смутившем покой России», считалось исчерпанным и законченным «навсегда и невозвратно» [94].

3

Документальным свидетельством о том, когда Пушкин узнал об «историческом дне» 13 июля 1826 г., является его запись под беловым автографом стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» **. По предположению Б. В. Томашевского, высказанному им еще в 1932 г. и лишь недавно введенному в научный оборот Т. Г. Цявловской, эта пушкинская запись читается в следующем виде:

Усл. о С. 25
У. о с. Р.П.М. К.Б. 24.

Запись расшифровывается так: «Усл[ышал] о С[ибири] 25 [июля 1826 г.]. У[слышал] о с[мерти] Р[ылеева] П[естеля] М[уравьева-Апостола] К[аховского] Б[естужева-Рюмина] 24 [июля 1826 г.]» [95]. Данное прочтение позволяет сделать ряд предположений: 1) вначале Пушкин узнал о смертной казни пяти декабристов и только

* Текст «благодарственного молебна по случаю ниспровержения крамолы в 14 день декабря 1825 года», составленный петербургским митрополитом Серафимом, был собственноручно отредактирован Николаем I (ЦГИА, ф. 796, оп. 107, д. 468, л. 1—12).

** У начала белового автографа стихотворения стоит дата: «29 июля 1826». Как устанавливает, «судя по чернилам», Р. Е. Теребенина, две строки записи Пушкина, находящиеся под автографом, «сделаны в этот день» (*Теребенина Р. Е.* Пометы Пушкина на рукописях.— Временник Пушкинской комиссии, 1977. Л., 1980, с. 98).

на следующий день, 25 июля,— о приговоре Верховного уголовного суда; 2) сведения, ставшие известными Пушкину 25 июля, расшифровали для него полученное им накануне сообщение о смертной казни в Петербурге; 3) узнав 24 июля о том, что совершена казнь, Пушкин не знал, кто именно из 121 подсудимого повешен; об этом ему стало известно только на следующий день. В этом, по-видимому, заключается разгадка смещения времени в пушкинской записи.

Эти наблюдения заставляют с сомнением отнестись к распространенному в литературе мнению об источниках информации, зашифрованной в приведенной записи Пушкина. Официальные документы о процессе по делу 14 декабря публиковались в русских газетах все вместе, но в такой последовательности, что узнать имена пяти декабристов, осужденных на смертную казнь, прежде приговора остальным подсудимым было невозможно. Вначале публиковались «Доклад» Верховного уголовного суда и «Роспись государственным преступникам», в которых, кстати сказать, объявлялось о приговоре к смертной казни поставленным «вне разрядов» пяти человекам и осужденным по первому разряду тридцати одному человеку. Затем следовал высочайший «Указ» Верховному уголовному суду от 10 июля 1826 г., утвердивший сроки и виды наказаний (в том числе и сибирскую каторгу) всем подсудимым, за исключением пятерых декабристов, и только потом выписка из 21-го «Протокола заседания Верховного уголовного суда» от 11 июля 1826 г., в которой были названы имена приговоренных к повешению.

Эти документы, как правило, публиковались газетами вместе, в одном номере [96]. Исключение составляет «Русский инвалид»: «Доклад» Верховного уголовного суда публиковался 16 июля и 17 июля, а высочайший «Указ» и выписка из «Протокола» (т. е. сведения о сибирской каторге и о приговоренных к смертной казни) — в одном номере от 19 июля. Эти публикации затем вышли отдельным изданием. 21 июля «Русский инвалид» поместил объявление: «Жители других городов сим почтеннейше извещаются, что статья «Верховный уголовный суд над злоумышленниками», в Русском инвалиде напечатанная, продается и особенной книжкой» [97]. В сенатском издании, вышедшем во второй половине июля 1826 г., «Доклад» суда с «Росписью государственным преступникам», «Указ» 10 июля «о пощадах» и выписка из «Протокола» были отпечатаны «во всеобщее известие» также «совокупно» [98]. В европейских газетах документы Верховного уголовного суда не публиковались.

Логичное в данном случае и, очевидно, поэтому сделанное исследователями предположение о том, что поэт узнал о свершившейся в Петербурге казни из опубликованных в газетах сообщений об экзекуции [99], приходится, однако, отвести. Официальное сообщение о казни впервые было опубликовано 15 июля 1826 г. в «Journal de Saint-Pétersbourg» — газете министерства иностран-

ных дел, издававшейся в типографии А. И. Плюшара. «Пять государственных преступников, приговоренных к повешению приговором Верховного уголовного суда от 11-го сего месяца,— говорилось в нем,— были казнены публично сего июля 13-го дня между 4 и 5 часов утра на одном из внешних укреплений Петербургской крепости. Перед тем все государственные преступники, приговоренные к лишению чинов и дворянства, были разжалованы на гласисе крепости» [100]. Через два дня, 17 июля 1826 г., это сообщение появилось в булгаринской «Северной пчеле», но в иной редакции, с рядом дополнений и уточнений. Оно гласило: «Приговор Верховного уголовного суда, состоявшийся 11-го сего месяца о пятерых государственных преступниках, коих решено повесить, исполнен сего июля 13-го дня по утру в пятом часу, всенародно на валу кронверка Санкт-Петербургской крепости. Государственные же преступники, осужденные к лишению чинов и дворянства, выведены были прежде всего на гласис крепости, с них сняли воинские мундиры и знаки отличия и над их головами переломили шпаги. Над морскими офицерами, в числе государственных преступников находившихся, исполнено оное наказание по морскому уставу, на военном корабле в Кронштадте того же числа» [101]. Эти публикации не содержали зашифрованных в июльской записи Пушкина сведений фактического характера: казненные декабристы не названы по имени и нет упоминания о ссылке осужденных в Сибирь.

Сведения этого рода содержались в европейских газетах. Заграничный агент III Отделения доносил в Петербург: «Иностранные газеты начали публиковать подробные описания, вызывающие в памяти грустные события 13 июля, которые в России давно уже забыты и покрыты навеки мраком» [102]. Широко известные и читаемые в России 20-х годов «Constitutionnel», «Quotidienne», «Journal de Paris», «Times», «Journal des Debats» поместили обстоятельные сообщения о состоявшейся в Петербурге казни [103]. Но эти корреспонденции были напечатаны только в первых числах августа.

По свидетельству Пушкина, 25 июля 1826 г. он «Усл.», т. е. «услышал», новость, а не прочел ее. Во второй строчке аббревиатура иная — «У». Это, разумеется, не случайно. Так, узнав 1 сентября 1826 г. о происшедшей в Москве 22 августа коронации Николая I (о чем, кстати сказать, газеты сообщили только 31 августа) [104], Пушкин использует в своей записи об этом другое сокращение: «1 сент. 1826 изв. о корон.» [105]. Различная аббревиатура фиксирует понятное для автора различие источников или, что вероятнее, способов получения (передачи) информации. «У» в данном случае означает, очевидно, «узнал». Однако во второй строчке казненные названы не в том порядке, в каком они поименованы в официальных документах суда. Наконец, Пушкин пишет не о казни, не о повешении, самый факт которого его так поразил и впоследствии получил отражение в творчестве, но о

«смерти». П. А. Вяземский даже усомнился в принадлежности этой записи Пушкину.

В сохранившейся в остафьевской библиотеке книге «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Второе издание. Berlin, 1870» на полях страницы против записи о пяти повешенных декабристах П. А. Вяземский заметил: «Пушкин, вероятно, записал бы о к а з н и, а не просто о с м е р т и»[106]*. Предпринятая попытка раскрыть зашифрованное Пушкиным содержание полученных им, очевидно, в конце июля 1826 г. известий о приговоре Верховного уголовного суда и о казни декабристов приводит к выводу о том, что непосредственным источником информации в данном случае не могли быть газеты и официальные документы суда. Известия были получены Пушкиным, скорее всего изустно и в самом общем виде («без лютых подробностей», по словам П. А. Вяземского) и, возможно, даже не содержали сведений о том, какой именно смертью погибли его товарищи.

Письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 14 августа 1826 г.** является первым имеющимся в нашем распоряжении свидетельством того, что он к тому времени познакомился с официальными документами суда и был осведомлен о случившемся в достаточной мере. Спрашивая у П. А. Вяземского, «правда ли, что Николая Т.[ургенева] привезли на корабле в П.[етер] Б.[ург]», Пушкин замечает: «Еще таки я все надеюсь на коронацию: повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна»[107]***.

Другим документальным свидетельством осведомленности Пушкина об участи декабристов к сентябрю 1826 г. является строфа XXXVIII шестой главы «Евгения Онегина»**** (не вошедшая в окончательный текст романа и известная по копии В. Ф. Одоевского), в которой Пушкин, размышляя о возможных вариантах судьбы убитого на дуэли Ленского, писал:

Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев[108].

---

* Выделено П. А. Вяземским.— *Г. Н.*

** Это письмо было перлюстрировано в III Отделении (*Яшин М. И.* Поэт и царь (1826—1829 гг.).— Нева, 1972, № 6, с. 186).

*** В «Докладе» Верховного уголовного суда и в «Росписи государственным преступникам» значится 121 подсудимый. Пушкин исключает из этого числа Н. И. Тургенева, судимого заочно, отсюда и упомянутое в письме количество осужденных. Следовало бы еще исключить и пятерых повешенных, но эта ошибка поэта психологически объяснима.

**** Шестая глава «Евгения Онегина» была закончена, по-видимому, в конце августа — начале сентября 1826 г., ко времени вызова Пушкина в Москву.

«Обнародование заговора», которое Пушкин ожидал с таким нетерпением, разочаровало его. Отвечая на упрек П. А. Вяземского, будто он «грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов», Пушкин писал ему 10 июля 1826 г.: «Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд *. Есть ли уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сей час в петлю» [109]. «Глубокое, добросовестное исследование истины» 14 декабря 1825 г., противопоставленное официальной версии происшедших событий, становилось исторической необходимостью. Правительственные документы следствия и суда над декабристами могли ввести в заблуждение не только современников (реплика П. А. Вяземского о «сорванцах и подлецах» подтверждала это), но и потомков. Осознавая свою ответственность перед историей, Пушкин начал собирать и анализировать достоверные документальные материалы для себя, чтобы «писать царствование Николая и об 14-м декабря», и для будущих историков, «чтобы могли на нас ссылаться» [110]. Восстановить историческую правду он считал своим долгом перед памятью погибших на эшафоте и погребенных в «каторжные норы» Сибири, в «мрачных пропастях земли», и своим правом

Поэт казнит, поэт венчает:
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает... [111]

---

* Пушкинская формула — «Шемякин суд» — в отношении документов следствия по делу 14 декабря достаточно точно определяла суть дела. «Донесение» Следственной комиссии не являлось по существу документом обвинения и практически никак не было связано с судебным процессом. Декабристов судили не по «Донесению» Следственной комиссии, а по особо составленным на каждого преданного суду отдельным «запискам», в которых кратко излагались вина и смягчающие ее обстоятельства (*Боровков А. Д.* Автобиографические записки.— Русская старина, 1898, № 11, с. 350—351). Эти «записки» и явились основанием для распределения декабристов по разрядам и вынесения приговора. Н. И. Тургенев совершенно справедливо отмечал, что Д. Н. Блудов «дал рапорту вид литературного произведения, предназначенного подействовать более на толпу обыкновенных читателей, нежели на просвещенных и сведущих судей» (*Тургенев Н. И.* Ответы: 1. На IX главу книги «Граф Блудов и его время» Е. Ковалевского. 2. На статью «Русского инвалида» о сей книге. Париж, 1867, с. 15). «Литературные» достоинства «Донесения» отметил и Н. И. Греч, по поручению властей рецензировавший произведение Д. Н. Блудова перед его опубликованием в «общее сведение»: «Умеренность в выражениях, изредка невольно нарушаемая сильным чувством негодования, легкие, насмешливые, но пристойные намеки на безнравственность и безрассудство виновных дают сему изложению необыкновенную силу и живость» (*Модзалевский Б. Л.* Записка о «Донесении Следственной комиссии».— Декабристы. М., 1925, с. 50. Ср.: *Порох И. В.* Еще раз по поводу записки о «Донесении Следственной комиссии».— В сердцах Отечества сынов. Декабристы в Сибири. Иркутск, 1975, с. 226—230).

4

В письме П. А. Вяземского от 31 июля упоминается о пушкинском прошении на высочайшее имя. «Я видел твое письмо в Петербурге,— писал Вяземский,— оно показалось мне сухо, холодно и не довольно убедительно. На твоем месте написал бы я другое и отправил в Москву. Ты имеешь права не сомнительные на внимание, ибо остался неприкосновен в общей буре...» [112] Пушкин в ответ замечает: «Ты находишь письмо мое холодным и сухим. [Ему] Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы» [113]. Однако, несмотря на «холодность» прошения, оно не осталось без ответа. 3 сентября 1826 г. нарочный фельдъегерь доставил псковскому гражданскому губернатору высочайшее повеление, последовавшее по всеподданнейшей просьбе чиновника 10-го класса Александра Пушкина позволить ему отправиться в Москву «в своем экипаже свободно, не в виде арестанта, но в сопровождении только фельдъегеря» и по прибытии «явиться прямо к дежурному генералу Главного штаба его величества» [114].

По сохранившимся мемуарным свидетельствам, Пушкин приехал в Москву на аудиенцию к новому царю 8 сентября со «стихотворением на 14 декабря», впоследствии утерянным [115]. Фрагмент этого стихотворения известен как вариант заключительной строфы пушкинского «Пророка»:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на выи
К у[бийце] <?> г[нусному] явись [116] *.

Однако С. А. Соболевский вспоминал о нескольких «стихотворениях о повешенных», привезенных Пушкиным в Москву [117]. Об этом сообщал и М. П. Погодин в письме П. А. Вяземскому от 29 марта 1837 г.: ««Пророк» он написал, ехавши в Москву в 1826 году. Должно быть четыре стихотворения, первое только напечатано («Духовной жаждою томим etc.»)» [118]. Д. Д. Благой рассматривает приведенное «четверостишие именно как первоначальную концовку известного... «Пророка»» [119]. По мнению Т. Г. Цявловской, стихи, представленные как вариант концовки «Пророка», являются искаженной записью фрагмента одного из трех не дошедших до нас стихотворений Пушкина о казненных декабристах [120].

Деятельность Пушкина в Москве осенью 1826 г. по разысканию достоверных свидетельств о восстании в Петербурге и на

---

* В другой редакции (со слов А. В. Веневитинова) последние строки читаются:

И с вервьем вкруг смиренной выи
К царю ... явись.

(Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 3, с. 1055).

юге, процессе декабристов и казни 13 июля 1826 г. (оставшаяся незаметной для большинства мемуаристов, зафиксировавших лишь внешнюю канву жизни поэта, возвратившегося из ссылки в шумную, веселящуюся по случаю коронации Николая I столицу) документируется преимущественно биографическими данными о встречах Пушкина с очевидцами интересовавших его событий.

В Москве Пушкин познакомился и близко сошелся с В. П. Зубковым, который не принадлежал к тайному обществу, но, по показанию В. И. Штейнгеля, «имел частые сношения» с И. И. Пущиным, за что ночью 9 января 1826 г. был арестован, доставлен в Петербург на главную гауптвахту, а 12 января в Петропавловскую крепость. 22 января 1826 г. он был освобожден с «аттестатом», возвратился в Москву и 14 октября 1826 г. подал в отставку [121].

Арест, заключение и допросы в Следственной комиссии произвели на В. П. Зубкова очень сильное впечатление. Вскоре после освобождения из крепости он написал свои «Записки» [122], приложив к ним рисунки (план части Петропавловской крепости, в которой находился его каземат, план и внутренний вид самого каземата, план Адмиралтейства и Зимнего дворца с указанием комнаты, в которую он был помещен до перевода в крепость, вид комнаты, в которой заседала Следственная комиссия, план комендантского дома, в котором проходили заседания комиссии) и закончив их словами: «Я желал бы сообщить все, что случилось со дня смерти императора до конца процесса; я подожду этого конца...» [123] Во время встречи с Пушкиным в Москве осенью 1826 г. он смог, надо полагать, «сообщить все» своему новому знакомому*. Очевидно, читая «Записки» В. П. Зубкова, слушая его рассказы, Пушкин и нарисовал на двух листах бумаги, сохранившихся у Зубкова, портреты П. И. Пестеля, С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, А. П. Юшневского**.

---

* Мнение С. Я. Гессена, что В. П. Зубков осенью 1826 г. мог рассказать Пушкину «очень немногое, в силу своей собственной неосведомленности» (*Гессен С. Я.* Источники десятой главы «Евгения Онегина».— Декабристы и их время, т. 2. М., 1932, с. 146), следует признать ошибочным.

** На одном листе находятся портреты П. И. Пестеля, С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, атрибутированные впервые А. М. Эфросом (*Эфрос А. М.* Декабристы в рисунках Пушкина.— Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 941—942). Надпись на этом листе: «Tout cela a éte dessine par A. Pouchkin»,— по догадке Т. Г. Цявловской, впоследствии подтвержденной Р. Е. Теребениной, сделана рукой В. П. Зубкова (*Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина.— Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 198). Другой лист, принадлежавший Зубкову, был разрезан, по-видимому П. И. Бартеневым, на отдельные рисунки. Шесть рисунков этого листа — П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов, два автопортрета Пушкина, В. Ф. Вяземская и В. П. Пальчиков — также были опубликованы и атрибутированы А. М. Эфросом (*Эфрос А. М.* Рисунки поэта. М., 1933, с. 368—370). Четыре «декабристских» рисунка, о существовании которых было известно давно, впервые были воспроизведены М. А. Цявловским как портреты К. Ф. Рылеева, П. И. Пес-

Из других «декабристских» встреч Пушкина во время московской осени 1826 г., отмеченных в источниках, интересно также его общение с бывшими членами Союза Благоденствия Г. А. Римским-Корсаковым и П. Я. Чаадаевым, а также с автором «Донесения» Следственной комиссии, присутствовавшим «для справок» в Верховном уголовном суде, Д. Н. Блудовым, который мог существенно дополнить рассказы В. П. Зубкова о следствии и суде над декабристами [124].

Что же касается событий 13 июля 1826 г., то степень информированности Пушкина и его московских друзей и знакомых могла быть приблизительно одинаковой. Москва не была очевидцем трагедии. Она «питалась» слухами и скудными правительственными сообщениями. 18 июля 1826 г. в Москве отдельным изданием (листком) был отпечатан высочайший манифест 13 июля 1826 г. Находящаяся в это время в Москве П. Е. Анненкова вспоминала, как, узнав «ужасную новость», она «тотчас же послала человека в типографию с 25-рублевою ассигнацией, и человек возвратился с только что напечатанным листом, так что он был еще сырой» [125]. В этот день М. П. Погодин записал в «Дневнике»: «18 [июля]... Повесили и вечно на каторгу. Меня как громом поразило. К Труб[ецким]... (имеется в виду семейство кн. И. Д. Трубецкого, где М. П. Погодин был домашним учителем.— *Г. Н.*). Говорили о суде и проч. ...До третьего часа не уснул я, думал о виселице, каторге...» 19 июля 1826 г. на Красной площади состоялся торжественный молебен, и Погодин пометил: «19 [июля]. В 6 час[ов] отправ[ился] в Кремль — молебен о прекращении заговора... К Венев[итинову]... Гов[орили] долго о суде и судившихся, о судопроизводстве английском,— и проч. Читал указы о суде». Этот разговор продолжился через четыре дня: «23 июля. Приехал Венев[итинов]. Говорили об осужденных» [126]. К этому времени, очевидно, подоспели петербургские газеты «Северная пчела» от 15 июля или, возможно, от 17 июля с извещением о состоявшейся казни, «Русский инвалид» от 16 и 17 июля. А. И. Герцен был неточен, вспоминая впоследствии в «Былом и думах» о первых днях после казни декабристов. «Жители Москвы,— писал он,— едва верили своим глазам, читая в «Московских ведомостях» страшную новость» [127]. «Московские ведомости» не проинформировали своих читателей о событиях 13 июля,

---

теля, В. Л. Давыдова и А. П. Юшневского соответственно карандашным надписям на них, которые, по мнению Цявловского, сделал В. П. Зубков (*Цявловский М. А.* Портреты четырех декабристов. Неизданные рисунки Пушкина.— Литературная газета, 1929, 3 июня, № 7, с. 2). Это было подтверждено А. М. Эфросом, уточнившим, однако, что рисунок с карандашной надписью «Давыдов» является портретом не декабриста В. Л. Давыдова, а его старшего брата — А. Л. Давыдова (*Эфрос А. М.* Рисунки.— Летописи Государственного Литературного музея, кн. I. М., 1936, с. 365—371). Атрибуция одного из рисунков как портрета П. И. Пестеля была оспорена Т. Г. Цявловской (*Цявловская Т. Г.* Новые определения портретов в рисунках Пушкина. Пестель.— Пушкин и его время, вып. I, Л., 1962, с. 344—355).

а «Роспись государственным преступникам», высочайший указ с конфирмацией приговора и выписка из «Протокола заседания Верховного уголовного суда» были опубликованы в «Московских ведомостях» только 24 июля 1826 г. [128]

Москвичи не были достаточно информированы о событиях. Исключение составляли приехавшие из Петербурга П. А. Вяземский, Н. В. Путята и, пожалуй, Д. Н. Блудов. Объем сведений П. А. Вяземского определяется по его письму из Ревеля к жене от 20 июля 1826 г.: «...о чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а все прибивает меня невольно и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место. Знаешь ли лютые подробности сей казни? Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский еще заживо упали с виселицы в ров, переломали себе кости и их после этого возвели на вторую казнь» [129].

Поручик квартирмейстерской части, адъютант генерала А. А. Закревского, Н. В. Путята был очевидцем казни. Через два дня после того, как Пушкин и Путята впервые увиделись в Большом театре и, очевидно, тогда же познакомились, Е. А. Баратынский повез последнего «к Пушкину в гостиницу Hôtel du Nord на Тверской», о чем Путята вспоминал: «Пушкин был со мною очень приветлив. С этого времени я довольно часто встречался с Пушкиным в Москве и Петербурге, куда он скоро потом переселился» [130]. Разумеется, встреча Пушкина с очевидцем событий 13 июля при посредничестве Е. А. Баратынского состоялась не случайно. Содержание информации, полученной Пушкиным, можно раскрыть, правда лишь частично, по сохранившемуся рассказу Путяты: «Накануне казни носились о приготовлениях к ней глухие слухи. Весь вечер я бродил по улицам Петербурга, грустный и взволнованный. Проходя по Морской, я завидел огонь на квартире Н. А. Муханова (адъютанта тогдашнего воен[ного] ген[ерал]-губернатора П. В. Кутузова), зашел к нему и просидел у него за полночь, но ничего положительного о предстоящем событии не узнал. По выходе от Муханова вместе с Неклюдовым, влекомые каким-то безотчетным, тревожным любопытством, мы направились к набережной Невы. Исаакиевский мост был уже разведен. Мы взяли ялик и поплыли мимо Биржи, по малой Неве, огибая крепость. Скоро нам послышался стук топора и молота. Мы вышли на берег и, направляясь по стуку, неожиданно очутились на площади пред сооружаемой виселицею, и остановились тут. Осужденные на каторгу в Сибирь, как выходя из крепости для выслушения приговора, так и возвращаясь в нее уже в арестантском платье, шли бодро и взорами искали знакомых в толпе. В числе зрителей, впрочем состоявших большей частию из жителей окрестных домов, сбежавшихся на барабанный бой, я заметил барона А. А. Дельвига и Н. И. Греча. Тут был еще один французский офицер Де-ла-Рю, только что прибывший в Петербург в свите маршала Мармона, присланного

послом на коронацию императора Николая Павловича. Де-ла-Рю был школьным товарищем Сергея Муравьева-Апостола в каком-то учебном заведении в Париже, не встречался с ним с того времени и увидел его только на виселице» [131].

Осведомленность Д. Н. Блудова также не вызывает сомнений, но известен лишь сам по себе нейтральный и в данном случае мало что говорящий факт его присутствия 29 сентября 1826 г. на чтении Пушкиным «Бориса Годунова» у Вяземского [132].

В конце октября 1826 г. в Москву нелегально приехал из Сибири К.-А. Воше, секретарь и библиотекарь графа И. С. Лаваля, сопровождавший его дочь, Е. И. Трубецкую [133]. Он остановился в доме З. А. Волконской. В Петербург К.-А. Воше, разыскиваемый властями, выехал из Москвы вместе с Д. В. Веневитиновым и Ф. С. Хомяковым в конце октября 1826 г. [134] Все, кто принимал участие в судьбе К.-А. Воше,— и З. А. Волконская, и Д. В. Веневитинов, и Ф. С. Хомяков, и сестра С. П. Трубецкого — Е. П. Потемкина, ожидавшая К.-А. Воше в доме З. А. Волконской, были из числа близких московских друзей Пушкина. По агентурным данным, осенью 1826 г. Пушкин посещал дом З. А. Волконской «наиболее часто» [135].

Трудно предположить, чтобы приезд в Москву столь интересного для Пушкина человека, как К.-А. Воше, остановившегося к тому же в доме его приятельницы З. А. Волконской, остался ему неизвестен, тем более что К.-А. Воше привез из Сибири сведения об И. И. Пущине. В дневниковых записях М. И. Пущина, которые он вел осенью 1826 г. по пути в Сибирь и отправлял с оказией в виде писем родным, обращает на себя внимание запись, датированная 30 сентября: «Я уверен, что посещение Вошара доставит Вам большое удовольствие; он действительно очень добр, раз взялся исполнить все порученья; он обещал мне, что сообщит Вам все, что даст Вам представление о будущем Жанно; грустно, однако, сознавать, что первый человек, узнавший обо всем, что с нами приключается,— иностранец и что никто из наших компатриотов не хочет ничего знать и не ищет способа приехать к нам; простите, дорогие сестры, что я послал его к Вам, но я уверен, что Вы найдете средство заплатить ему. В настоящее время это меня очень устраивает, раз дорога, мне предстоящая, очень длинная».

«Вошар» — это, конечно, К.-А. Воше. М. И. Пущина везли в Сибирь осенью 1826 г., как и всех декабристов, северным путем, по Ярославскому тракту. Е. И. Трубецкая в сопровождении Воше отправилась из Москвы 6 августа 1826 г. по Владимирскому тракту. 16 сентября 1826 г. они уже прибыли в Иркутск, и Воше, по свидетельству З. И. Лебцельтерн * — сестры Е. И. Тру-

---

* З. И. Лебцельтерн, по ее словам, имела «записки об этом путешествии, написанные целиком рукой г-на Воше». Вероятно, они были позднего происхождения, так как дневник путешествия в Сибирь был отобран у

бецкой, «удалось проникнуть в тюрьму, и каково же было изумление и радость заключенных, когда они его увидели!»[136]. М. И. Пущин в сентябре 1826 г. был еще в пути, следовательно, он встретился с Воше, когда тот возвращался из Иркутска в Москву. К.-А. Воше имел «порученья» не только от М. И. Пущина. В агентурном донесении, посланном из Нижнего Новгорода, сообщалось, что он везет «много писем от преступников»[137]. Это могли быть письма С. Г. Волконского, находившегося вместе с С. П. Трубецким на Николаевском винокуренном заводе, куда «удалось проникнуть» Воше, а также письма Е. П. Оболенского и А. И. Якубовича, посланных на каторжные работы на Усольский соляной завод. Узнав, что Е. И. Трубецкая приехала в Иркутск, Е. П. Оболенский сумел переправить ей письмо. В ответном письме она «уведомляла о своем прибытии, доставила успокоительные известия о родных и обещала вторичное письмо пред отъездом в Николаевский завод к мужу». Вскоре оно было получено. Е. И. Трубецкая «предложила» заключенным «писать к родным, с обещанием доставить... письмо через секретаря ее отца, который сопутствовал ей до Иркутска и должен был возвратиться обратно в Петербург». «Случай благоприятный был драгоценен для нас,— вспоминал Е. П. Оболенский,— и мы воспользовались, сердечно благодаря Екатерину Ивановну за ее дружеское внимание»[138].

О приезде К.-А. Воше в Москву условились еще в конце июля — начале августа 1826 г., когда Е. И. Трубецкая, остановившаяся у своей кузины З. А. Волконской, готовилась к путешествию в Сибирь. В доме Волконской, где в сентябре — октябре Пушкин был постоянным гостем, К.-А. Воше ожидали с нетерпением родственники осужденных декабристов, здесь он скрывался несколько дней, из этого дома под прикрытием Д. В. Веневитинова и Ф. С. Хомякова его отправили в Петербург.

В письме к Е. П. Потемкиной из столицы, написанном, очевидно, в декабре 1826 г. перед отъездом во Францию, К.-А. Воше, в частности, замечает: «...благоволите напомнить обо мне семейству Шаховских, которое я уважаю и люблю»[139]. «Семейство Шаховских» — это жившие рядом с Е. П. Потемкиной на Пречистенке приятель Пушкина В. М. Шаховской и его жена — родная сестра декабриста П. А. Муханова. Пушкин близко знал П. А. Муханова, числил его в своих друзьях, и судьба декабриста была ему известна от Зубкова: В. П. Зубков и П. А. Муханов в одной партии арестованных декабристов в январе 1826 г. были отправлены из Москвы в Петербург[140]. Воше мог познакомиться с «семейством Шаховских», по-видимому, только в конце октября 1826 г. в доме З. А. Волконской. В начале августа, когда он впервые приехал в Москву, В. М. и

К.-А. Воше по возвращении в Петербург (*Анненкова П. Е.* Воспоминания. Изд. 3-е. Красноярск, 1977, с. 137).

Е. А. Шаховские с близкими родственниками находились в Петербурге, добиваясь свиданий с заключенным в Петропавловской крепости П. А. Мухановым. Они вернулись в Москву в начале октября 1826 г.[141] Сестра В. М. Шаховского, В. М. Шаховская, была невестой П. А. Муханова и собиралась ехать за ним в Сибирь. Его другая сестра была замужем за декабристом А. Н. Муравьевым и также готовилась к отъезду. Для «семейства Шаховских» «сибирская» информация К.-А. Воше представляла большую практическую ценность.

Отъезд декабристок в Сибирь был важнейшим событием общественной жизни после 13 июля 1826 г. Анализ существующих источников устанавливает определенную связь и преемственность в подготовке этих отъездов. Обратимся к фактам. 21 декабря 1826 г. дом Лавалей в Петербурге посетила М. Н. Волконская[142]. По пути в Сибирь она, так же как и Е. И. Трубецкая, на день остановилась в Казани, и наверное, как и Е. И. Трубецкая, в доме почтдиректора князя М. И. Давыдова[143]. В начале декабря 1826 г. невеста И. А. Анненкова, П. Гебль, «ездила к графине Лаваль, чтобы повидать француза m-r Воше». От него она «достала маршрут» и получила письмо в Москву к Е. П. Потемкиной, в котором К.-А. Воше просил оказать помощь П. Гебль и дать «все сведения, которые могут быть ей полезны»[144]. Впоследствии П. Гебль вспоминала, что ее «быстрой езде» в Иркутск «много способствовал бланк, выданный Давыдовым»[145]. В мае 1827 г. необходимые сведения о поездке в Сибирь получила от Лавалей Е. П. Нарышкина[146]. Отправлявшиеся к своим мужьям и женихам женщины ехали в Сибирь по одному и тому же маршруту, их ожидали предупрежденные частными письмами губернские чиновники, почтдиректоры снабжали их документами для уменьшения оплаты прогонов, на почтовых станциях для них готовились комнаты, их письма с дороги с надежной «оказией» отправлялись в Петербург и Москву. Это был подготовленный и налаженный путь, проходивший через 11 губерний и 27 городов России.

В Москве своеобразными центрами по организации отправки жен декабристов в Сибирь были дом З. А. Волконской и столь же хорошо знакомый Пушкину дом Е. Ф. Муравьевой — матери декабристов А. М. и Н. М. Муравьевых. Волконская и Муравьева помогали получать разрешение следовать на каторгу, давали деньги, снабжали адресами и рекомендательными письмами. М. К. Юшневская писала с дороги брату мужа 23 мая 1830 г.: «Представь себе, что я без гроша приехала в Москву и нуждаясь во всем, и в такое короткое время и с такими выгодами проводили из Москвы в такой путь!»[147] То, что Пушкин был посвящен в подготовку отъездов жен декабристов в Сибирь или даже причастен к ней, не вызывает сомнения. Его присутствие на проводах М. Н. Волконской, устроенных в доме З. А. Волконской 26 декабря 1826 г., и встреча с А. Г. Муравьевой в конце декабря

1826 — начале января 1827 г., накануне ее отъезда в Сибирь [148], являются, очевидно, лишь отдельными, зафиксированными в источниках свидетельствами участия Пушкина в нелегальной деятельности его московских друзей.

С приездом жен декабристов в Сибирь была установлена прямая связь между каторгой и обществом. Инструкция коменданту Нерчинских рудников, утвержденная Николаем I 19 сентября 1826 г., запрещала переписку сосланным в «каторжную работу»: «Преступники сии не должны писать писем ни к родственникам и ни к другим лицам» [149]. Этот запрет переживался заключенными особенно тяжело. И. И. Пущин писал родным 25 октября 1827 г. с дороги в Читу: «...ужели не позволят мне к вам писать... Пусть меня всего лишают, я все перенесу, но за что же вас наказывать» [150]. Женам декабристов, «как живущим в остроге, так и вне оного», разрешалось «посылать от себя письма, но не иначе как отдавая оные открытыми коменданту, который будет препровождать их к Иркутскому гражданскому губернатору для дальнейшего отправления куда следует» [151]. Главный штаб 3 ноября 1826 г. представил А. Х. Бенкендорфу выписку из разработанных «правил насчет переписки», которые подтверждали ранее принятые почтовые ограничения для каторжников и уточняли путь следования писем их жен: «Сосланным в каторжную работу воспрещается вовсе писать и посылать от себя письма к кому бы то ни было, женам же их, кои будут жить с ними, позволяется посылать от себя письма, но обязаны отдавать оные коменданту, который имеет отправлять их к Иркутскому гражданскому губернатору, а сей в 3-е отделение собственной канцелярии его величества». Для наблюдения за перепиской государственных преступников и их жен 18 декабря 1826 г. на Сибирском почтамте, в Тобольске, была учреждена секретная почтовая экспедиция [152].

Но и такая переписка, «через руки правительства» *, была благом. Женщины взяли на себя обязанности секретарей. П. Е. Анненкова вспоминала: «Каждая из нас имела на своем попечении по нескольку человек, от имени которых и писала родственникам. Более всего выпадало на долю кн. Волконской и кн. Трубецкой, так как они лично были знакомы со многими из родственников заключенных. Им приходилось отправлять иногда от 20 до 30 писем за раз» [153]. Официальный путь переписки не был единственным: письма пересылались с «оказией», через проезжающих, местных жителей, с обозами купцов. В Чите письма помогала переправлять жена местного горного начальника Ф. О. Смольянинова. В Иркутске основная часть нелегаль-

---

* Выражение И. И. Горбачевского из его письма И. И. Пущину от 22 августа 1842 г.: «Не обвиняй меня, сделай милость, что я редко пишу. Клянусь тебе всем для меня священным, что мне отвратительно писать через руки правительства письма, где бы я хотел говорить с тобою со всею откровенностью растерзанной души» (*Горбачевский И. И.* Записки. Письма. М., 1963, с. 144).

ной переписки декабристов шла через В. М. Шаховскую, невесту П. А. Муханова, приехавшую в Сибирь в 1828 г. Для московских родственников нелегальные письма отправлялись в дома З. А. Волконской, Е. П. Потемкиной, «семейства Шаховских» и Е. Ф. Муравьевой, для петербургских — в дом А. Г. и И. С. Лавалей, родителей Е. И. Трубецкой. Письма из Сибири переправлялись также с возвращавшимися в Москву «людьми», находившимися в услужении у жен декабристов. Так, в конце 1827 г. вернулись из Сибири служившие у Е. И. Трубецкой, М. Н. Волконской и А. Г. Муравьевой «девки» А. Пугачева, П. Иванова и крестьянин А. Леляков. В 1828 г. в Москву приехал «посадский» А. Добровольский, служивший у А. Г. Муравьевой в Чите [154]. Их рассказы, кстати, вполне мог слышать Пушкин: А. Леляков жил в Москве в доме родителей А. Г. Муравьевой — Г. И. и Е. П. Чернышевых, А. Добровольский вернулся в московский дом Е. Ф. Муравьевой.

Письма из Сибири, содержавшие сведения о жизни декабристов на каторге, выходили за пределы личной переписки и предназначались для широкого круга читателей. Они переписывались от руки, их давали читать знакомым, они превращались в особый жанр запретной литературы. «Каторжные» письма, имевшие значение важного исторического источника, не могли пройти мимо Пушкина, он их наверняка читал, посещая дома своих друзей.

Так, находясь в Пскове в декабре 1826 г., он мог познакомиться с сибирскими письмами М. И. Пущина (в том числе и привезенными К.-А. Воше) у родной сестры декабриста — Е. И. Набоковой и тогда же написал свое «письмо» Жанно — «Мой первый друг, мой друг бесценный!», помеченное в беловике 13 декабря 1826 г. [155] и переданное (по соображениям конспирации в виде копии, сделанной на «листке бумаги» «неизвестной рукой») А. Г. Муравьевой перед ее отъездом в Сибирь. Вспоминая, как 5 января 1828 г., в день его приезда в Читу, А. Г. Муравьева передала ему «письмо» Пушкина, И. И. Пущин писал: «Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого перед самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною и рада, что могла, наконец, исполнить порученное поэтом». Личность этого «знакомого» А. Г. Муравьевой остается неизвестной. Однако сообщаемые И. И. Пущиным сведения об обстоятельствах передачи «письма» Пушкина не вызывает сомнений, за исключением одного — что это произошло «перед самым отъездом из Петербурга». «Письмо» Пушкина от 13 декабря 1826 г. И. И. Пущин вписал в свою тетрадь «заветных сокровищ», сделав над текстом стихотворения пометку в скобках: «...в Москве, А. Г. М[уравьева]. 16 генваря 1827 г.». С. Я. Штрайх, комментировавший этот автограф, полагал, что И. И. Пущин ошибся и «неправильно» проставил над стихотворением дату его написания [156]. Между тем помета И. И. Пущина содержит информацию

о месте и дате получения А. Г. Муравьевой списка стихотворения *.

Итак, в Москве 16 января 1827 г. По свидетельству М. Н. Волконской, Пушкин хотел отправить с ней «письмо» всем узникам Читинского острога, но не успел и его привезла А. Г. Муравьева. М. Н. Волконская вспоминала впоследствии, что уехала из Москвы в Сибирь сразу после прощального вечера, устроенного для нее З. А. Волконской 26 декабря 1826 г., «в ту же ночь» [157]. В действительности Волконская уехала не «в ту же ночь», а три дня спустя, вечером 29 декабря 1826 г. Уехала внезапно, как только установился санный путь, хотя предполагала пробыть в Москве еще десять дней. Поэтому Пушкин и не застал ее, придя к ней со стихотворением «Во глубине сибирских руд» [158]. По данным П. И. Бартенева, Пушкин принес А. Г. Муравьевой «в Москве в начале 1827 г.» свое «письмо» в Сибирь: «Прощаясь с нею, Пушкин так крепко сжал ее руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда он к ней вошел» [159]. Встреча Пушкина с А. Г. Муравьевой подтверждается И. Д. Якушкиным: «В 27-м году, когда он (Пушкин.— *Г. Н.*) пришел проститься с А. Г. Муравьевой, ехавшей в Сибирь к своему мужу Никите, он сказал ей: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести» [160]. Следовательно, в начале января 1827 г. Пушкин передал А. Г. Муравьевой свое послание «Во глубине сибирских руд» [161], а 16 января, «перед самым отъездом» из Москвы, она получила от «одного своего знакомого» (возможно, им был П. А. Вяземский) ** «листок» для И. И. Пущина.

«Мой первый друг, мой друг бесценный!» и «Во глубине сибирских руд» — единственные сохранившиеся письма в стихах, адресованные поэтом сибирским узникам. Однако факты свидетельствуют о том, что Пушкин был активным участником «каторжной» переписки. О нем справляются, поздравляют с литературными новинками, для него передают сообщения. По дороге в Сибирь, около Перми, М. Н. Волконская видела М. И. Пущина, которого переводили на Кавказ, спутала его с братом,

* Пушкинский автограф стихотворения «отыскал» в 1842 г. в Пскове М. И. Пущин и переслал брату, которому очень «хотелось иметь подлинник». Утверждение же В. Г. Изгачева о том, что А. Г. Муравьева передала декабристу собственноручную копию стихотворения «Мой первый друг, мой друг бесценный!» (*Изгачев В. Г.* Жены декабристов в Забайкалье.— Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977, с. 139), противоречит приведенным свидетельствам И. И. Пущина.

** П. А. Вяземский близко знал Е. Ф. Муравьеву, мать Н. М. Муравьева, был знаком с А. Г. Муравьевой, принимал участие в подготовке отъездов жен декабристов в Сибирь в конце 1826 — начале 1827 г. 6 января 1827 г. он писал из Москвы А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому: «На днях видели мы здесь проезжающих далее Муравьеву-Чернышеву и Волконскую-Раевскую. Что за трогательное и возвышенное отречение! Спасибо женщинам: они дадут несколько прекрасных строк нашей истории» (Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, т. 1. Пг., 1921, с. 43, 56).

И. И. Пущиным, и по приезде в Пермь, 6 января 1827 г., очевидно выполняя данное Пушкину обещание, тут же написала В. Ф. Вяземской: «Я встретила Пущина, Коновницына и кого-то третьего около Оханска; они едут на Кавказ; передайте это тому, кто интересуется первым из них» [162].

В письме к В. Ф. Вяземской из Благодатского рудника от 12 августа 1827 г. М. Н. Волконская писала: «Я с радостью узнала Ваш почерк, так же как и почерк нашего великого поэта на пакете, в котором находилась присланная Вами книга. Как я благодарна Вам за это любезное внимание с Вашей стороны. Как радостно мне перечитывать то, что так восхищало нас в более счастливые времена» [163]. Из этого письма выясняется, что Пушкин через В. Ф. Вяземскую отправил в Благодатский рудник или свою поэму «Цыганы», вышедшую отдельной книгой в мае 1827 г., или «Братьев-разбойников», напечатанных месяц спустя, надписав лишь обертку посылки, уверенный, что его узнают по почерку. Вскоре, очевидно, до Пушкина дошел и ответ на его послание в Сибирь, написанный от имени каторжников А. И. Одоевским: на черновом автографе стихотворения «Рифма, звучная подруга...» появляется портрет декабриста, датируемый 1828—1829 гг. [164]

В феврале 1829 г. Пушкин по просьбе генерала Н. Н. Раевского написал «Эпитафию младенцу» — надгробную надпись умершему сыну М. Н. Волконской. Раевский послал стихи Пушкина дочери в Читу [165]. В письме к отцу от 11 мая 1829 г. М. Н. Волконская благодарила Пушкина * за «Эпитафию» («Она прекрасна, сжата, полна мыслей, за которыми слышится столь многое» [166]), а в письме к брату, Н. Н. Раевскому, от 28 сентября 1829 г. вновь просила: «Поручаю тебе повторить ему мою признательность за эпитафию Николино. Слова утешения материнскому горю, которые он смог найти,— выражение его таланта и умения чувствовать». Просьба была выполнена: об этом свидетельствуют выписка из письма М. Н. Волконской от 28 сентября 1829 г., сделанная Н. Н. Раевским и сохранившаяся в архиве поэта, а также профильные карандашные рисунки С. Г. Волконского и Н. Н. Раевского-младшего на полях черновиков седьмой и восьмой глав «Евгения Онегина» [167].

В первом номере «Литературной газеты», 1 января 1830 г., Пушкин без подписи напечатал заметку об анонимно изданной в конце 1829 г. брошюре М. Ф. Орлова «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского». В ней говорилось: «Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивле-

* По версии М. Н. Волконской, Пушкин сам прислал написанную им эпитафию в Читинский острог (*Волконская М. Н.* Записки. СПб., 1904, с. 84).

нием заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло»[168]. Этот номер «Литературной газеты» был послан через В. Ф. Вяземскую в Читинский острог. И. И. Пущин вспоминал: «Мы наслаждались всеми его произведениями, являющимися в свет, получая почти все повременные журналы»[169].

Налаженная нелегальная связь, осуществляемая разными посредниками, была между А. С. Пушкиным и В. К. Кюхельбекером. В письме к Пушкину из Динабургской крепости от 20 октября 1830 г. Кюхельбекер замечает: «Я не рекомендую тебе подателя сего письма, так как уверен, что ты и без этого полюбишь его за дружбу, которую он выказал мне во время своего пребывания в Динабурге»[170]. «Подателем» письма могли быть П. П. Манасеин * или А. А. Шишков, имевшие ближайшее отношение к нелегальной переписке В. К. Кюхельбекера из Динабургской крепости[171]. Способствовали переписке также родные декабриста: его сестра, Ю. К. Глинка, племянники В. Г. и Н. Г. Глинки, родственник С. Н. Дирин (В. К. Кюхельбекер пояснял в письме к Пушкину от 20 октября 1830 г.: «Напиши, говорю, разумеется, не по почте: а отдашь моим...»[172]). Через них Пушкин отправлял книги ** узнику. Кюхельбекер с благодарностью писал Пушкину из Баргузина 12 февраля 1836 г.: «Книги, которые время от времени пересылал ты ко мне, во всех отношениях мне драгоценны...»[173]

Об этом письме В. К. Кюхельбекера стало известно в III Отделении. 28 апреля 1836 г. Пушкину было послано официальное уведомление: «Его сиятельство граф Александр Христофорович [Бенкендорф] просит Вас доставить к нему письмо, полученное Вами от Кюхельбекера, и с тем вместе желает непременно знать, через кого Вы его получили». В тот же день Пушкин препроводил в III Отделение полученное им письмо В. К. Кюхельбекера с объяснением: «Мне вручено оное тому с неделю, по моему возвращению с прогулки, оно было просто отдано моим людям безо всякого словесного препоручения неизвестно кем. Я полагал, что письмо доставлено мне с Вашего ведома». 30 июня 1836 г. об этом письме был допрошен В. К. Кюхельбекер, показавший:

---

* В письме, отправленном В. К. Кюхельбекером из Динабургской крепости к А. А. Дельвигу 18 ноября 1830 г., есть такие слова: «Если можешь, напиши ко мне на имя Манасеина... но не поминай ни имени, ни фамилии моей. Податель мне письмо доставит не скоро, зато верно» (Летописи Государственного Литературного музея, кн. III. М., 1938, с. 170, примечания Н. П. Чулкова).

** Книги Пушкин посылал не только В. К. Кюхельбекеру. Так, в 1835 г. он отправил через Е. Ф. Муравьеву для А. М. и Н. М. Муравьевых в Сибирь книгу А. П. Степанова «Постоялый двор. Записки покойного Горянова» (СПб., 1835) со своим автографом в верхней части титульного листа (*Дилигенская Н. А.* Загадка старой книги.— Наука и жизнь, 1974, № 5, с. 112—115).

«В феврале месяце, но какого точно числа не припомню, писал письмо к г. камер-юнкеру Александру Сергеевичу Пушкину и отправил оное в общем конверте с другими письмами к родным, [но к кому именно, не упомнит], установленным порядком... Более писем г. Пушкину не писал и ни чрез кого помимо установленного порядка не отправлял» [174].

Ответное письмо Пушкина В. К. Кюхельбекеру, до нас не дошедшее, пришло в Баргузин в конце июля — начале августа 1836 г. «Признаюсь, любезный друг, что я было уже отчаялся получить от тебя ответ на письмо мое: но тем более я ему обрадовался...» [175] — писал В. К. Кюхельбекер Пушкину 3 августа 1836 г.

«С течением времени, силою самих обстоятельств,— отмечал впоследствии И. И. Пущин,— устроились более смелые контрабандные сношения «узников» с европейской Россией» [176]. Нелегальная переписка была важнейшим каналом информации и связи сибирской каторги и русской общественности, поэта и декабристов.

5

Поездка Пушкина на Кавказ в действующую армию летом 1829 г. определялась преимущественно творческими интересами, хотя последние и были неотделимы от страстного желания увидеть «друзей, братьев, товарищей» [177]. В Отдельном кавказском корпусе в 1826—1829 гг. служило свыше шестидесяти членов тайных обществ, переведенных на Кавказ в различное время из «разжалованных в солдаты и матросы с распределением по сибирским гарнизонам и острогам», из «осужденных в крепостную работу», «на поселение в Сибири», «на каторжную работу», и около трех тысяч солдат — участников «декабрьского мятежа».

Факты встреч Пушкина с «кавказскими» декабристами устанавливаются по свидетельствам мемуаристов и его собственным дневниковым записям, вошедшим впоследствии в «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». «Многие из старых моих приятелей окружили меня. Как они переменились! как быстро уходит время» [178],— писал Пушкин. Возможное содержание «кавказских» встреч и разговоров поэта отчасти определяется личностью его собеседников. По словам А. С. Гангеблова, Пушкин на Кавказе «избегал новых встреч и сходился только с прежними своими знакомыми» [179]. Если признать свидетельство Гангеблова достоверным, то собеседниками поэта были Н. Н. Раевский, В. Д. Вольховский, И. Г. Бурцов, М. И. Пущин. По воспоминаниям последнего, из ссыльных декабристов Пушкин встречался еще с Н. Н. Семичевым, а по воспоминаниям М. В. Юзефовича,— с З. Г. Чернышевым. По свидетельству самого Пушкина, он виделся также с В. А. Мусиным-Пушкиным, Н. Н. Оржицким, П. П. Коновницыным [180]. Круг общения поэта был, конечно, боль-

шим, но встречи Пушкина только с этими декабристами подтверждаются документально*. «Декабристское» прошлое лишь полковника Н. Н. Раевского, командира Нижегородского драгунского полка, является спорным и окончательно не установленным[181]. Все остальные собеседники Пушкина принадлежали к тайным обществам на разных этапах движения, и, как верно заметил С. Я. Гессен, в их рассказах история декабризма «должна была предстать в полном объеме, перелистываемая страница за страницей, от первых дней возникновения заговора до его трагической развязки»[182].

Лицейский друг А. С. Пушкина обер-квартирмейстер Отдельного кавказского корпуса полковник В. Д. Вольховский, участник «Священной артели», член Союза Спасения и Союза Благоденствия, привлекался к следствию по делу декабристов. Кроме того, он присутствовал при казни 13 июля 1826 г. в качестве представителя военного министерства**. Сведений о служебном донесении В. Д. Вольховского, поданном им в военное ведомство, не сохранилось. Есть лишь глухое упоминание в письме И. И. Пущина к отцу, посланном в декабре 1827 г. из Иркутска: «Добрый Плуталов (Г. В. Плуталов — комендант Шлиссельбургской крепости.— *Г. Н.*) несколько раз хотел дать мне прочесть донесение, на котором я только увидел надпись Суворочки (т. е. В. Д. Вольховского.— *Г. Н.*), но я не мог его убедить»[183]. То, что не смог узнать И. И. Пущин, находясь в Шлиссельбургской крепости, сумел, очевидно, узнать Пушкин.

Командир Херсонского полка генерал-майор И. Г. Бурцов, которого Пушкин знал еще по 1814—1817 гг., участник «Священной артели», член Союза Спасения и Союза Благоденствия, один из виднейших деятелей Южного тайного общества, был переведен на Кавказ в 1826 г. после пребывания в Бобруйской крепости. Майор Н. Н. Семичев, член Южного тайного общества, служил в Ахтырском гусарском полку под начальством А. З. Муравьева (с которым Пушкин часто встречался в Петербурге в 1817—1820 гг.) и был хорошо осведомлен о деятельности С. И. Муравьева-Апостола и М. П. Бестужева-Рюмина накануне восстания Черниговского пехотного полка. Семичев был отправлен на Кавказ в 1827 г. после заключения в Петропавловской крепости. Членом Южного тайного общества был также

* Предположение С. Я. Гессена о том, «что большинство бывших заговорщиков, служивших на Кавказе, были Пушкину хорошо знакомы» (*Гессен С. Я.* Источники десятой главы..., с. 154), не подтверждается сохранившимися мемуарными свидетельствами.

** Должность, которую занимал В. Д. Вольховский в это время в военном министерстве, неизвестна. Сведения Б. Л. Модзалевского о том, что Вольховский был городским полицмейстером и в этом качестве присутствовал при казни декабристов (Дневник Пушкина 1833—1835. Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.— Пг., 1923, с. 140; ср.: *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907, с. 99), не подтверждаются (С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903, с. 85).

поручик л.-гв. Измайловского полка А. С. Гангеблов, попавший на Кавказ после четырехмесячного заключения в крепости. Прапорщик 8-го Кавказского саперного батальона П. П. Коновницын, в прошлом подпоручик Гвардейского генштаба, член Северного тайного общества, участник совещаний на квартире К. Ф. Рылеева, согласившийся на «мятеж», и прапорщик Нижегородского драгунского полка Н. Н. Оржицкий, отставной штаб-ротмистр, знавший о «предстоящем мятеже», были осуждены Верховным уголовным судом по IX разряду и отправлены рядовыми на Кавказ в 1826 г. Членом Северного тайного общества был капитан Тифлисского пехотного полка В. А. Мусин-Пушкин, за причастность к декабристскому движению переведенный из л.-гв. Измайловского полка в Петровский пехотный полк (после заключения в крепости), а оттуда в 1829 г. на Кавказ. Рядовой Нижегородского драгунского полка З. Г. Чернышев, член петербургской ячейки Южного тайного общества, ротмистр кавалергардского полка, осужденный по VII разряду, был переведен на Кавказ после Читинской тюрьмы и поселения в Якутске, где некоторое время жил вместе с А. А. Бестужевым-Марлинским. Поручик 8-го пионерного батальона М. И. Пущин, брат И. И. Пущина, капитан л.-гв. коннопионерного эскадрона, принимавший участие в последних совещаниях у К. Ф. Рылеева, но на Сенатскую площадь не явившийся, был осужден по X разряду, разжалован в рядовые и служил на Кавказе с 1827 г. Таковы были «кавказские» собеседники поэта.

Общение с Пушкиным оставило в сердцах декабристов неизгладимый след. М. И. Пущин вспоминал о своей встрече с ним 14 июня 1829 г.: «Я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского... Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать...» В конце июля 1829 г. Пушкин отправился в Кавказские минеральные воды, и по пути, во Владикавказе, 10 августа они встретились вновь[184]. М. И. Пущин писал своему брату в Читинский острог 25 августа 1829 г.: «Время здесь провожу довольно приятно — лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикою в руках следил турок перед Арзерумом, по взятии оного возвратился оттуда и приехал ко мне на воды. Мы вместе пьем по нескольку стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день. Разумеется, часто о тебе вспоминаем,— он любит тебя по-старому и надеется, что и ты сохраняешь к нему то же чувство...»[185]

Многие письма и документы, связанные с Пушкиным и декабристами, И. И. Пущин собрал в особом «портфеле». История его известна по рассказу Е. И. Якушкина, записанному со слов декабриста: утром 15 декабря 1825 г. «заехал к Пущину кн. П. А. Вяземский и спросил его: не может ли он быть ему чем-нибудь полезен. Пущин просил его взять на сохранение портфель с бумагами; в портфеле этом было несколько стихотворений Пушкина, Дельвига и Рылеева, а также несколько записок

по разным общественным вопросам»[186]. Достоверность свидетельства Е. И. Якушкина опровергается двумя обстоятельствами: 14 декабря 1825 г. П. А. Вяземского в Петербурге не было, в это время он находился в своей подмосковной усадьбе Остафьево, что устанавливается по его письму от 13 декабря 1825 г. к А. И. Тургеневу в Петербург[187]. М. И. Пущин писал брату 22 апреля 1857 г.: «Допотопный твой портфель спрашивай у Вяземского, которому он еще в 41 году отдан мною на хранение»[188].

Итак, «допотопный портфель» И. И. Пущина до 1841 г. хранился у М. И. Пущина. Однако маловероятно, чтобы этот «портфель» находился у М. И. Пущина летом 1829 г., поскольку из Петропавловской крепости М. И. Пущин был отправлен в Красноярск, где отбывал солдатскую службу, а оттуда сразу на Кавказ (в 1827 г.). «Портфель» брата М. И. Пущин мог получить по возвращении с Кавказа в 1831 г. В 30-х гг. М. И. Пущин служил в Пскове, где Пушкин бывал очень часто. М. И. Пущин нередко гостил у своего двоюродного брата, П. С. Пущина, жившего в трех верстах от Михайловского и хорошо знавшего поэта еще по южной ссылке. Эти люди входили в круг «михайловского» общения Пушкина, и естественно предположить, что ему была известна не только судьба хранившегося у М. И. Пущина «допотопного портфеля»* его лицейского друга, но, возможно, и содержание «портфеля», в котором среди других рукописей находился подлинный текст конституции Н. М. Муравьева.

В палатке командира Нижегородского драгунского полка, в которой М. И. Пущин неожиданно для себя 14 июня 1829 г. встретил Пушкина, находился также младший брат поэта, Л. С. Пушкин, служивший адъютантом у Н. Н. Раевского[189]. Л. С. Пушкин не состоял в тайном обществе, но был участником и очевидцем событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Находясь в толпе зрителей, он увидел среди восставших своего учителя по Благородному пансиону при Петербургском университете, приятеля старшего брата В. К. Кюхельбекера и подошел к нему. В. К. Кюхельбекер дал Л. С. Пушкину палаш, перед тем отнятый «чернью» у полицейского, и подвел к А. И. Одоевскому со словами: «Prenons ce jeune soldat» (Примем этого молодого воина). На следствии В. К. Кюхельбекер показал: чуть позже видел Л. С. Пушкина, но уже «без палаша: куда же он дел его, не спросил и не ведаю»[190].

По свидетельству М. И. Осиповой, Л. С. Пушкин, «как рассказывал потом отец его, в день ареста Рылеева поехал к нему;

---

* В своих «Записках», написанных по настоянию Е. И. Якушкина в 1858 г., И. И. Пущин писал: «допотопный портфель» «...дивным образом возвратился ко мне через тридцать два года со всеми положенными мною рукописями» (*Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 67).

отец, случайно узнав об этом, стал усердно молиться, страшась, чтобы сын его также не был бы взят; и что же, Льва Пушкина понесли лошади, он очутился на Смоленском, и когда добрался к Рылееву — тот был уже арестован и квартира его запечатана» [191]. Когда был взят К. Ф. Рылеев, точно неизвестно. Н. Д. Дурново, производивший арест, сделал такую запись в своем дневнике: «15 декабря. Немного спустя после полуночи император приказал мне привести ему поэта Рылеева, живого или мертвого, и сказал, что я отвечаю головой за выполнение этого поручения. Я ответил е. в., что через полчаса я ему представлю вышеупомянутое лицо... Е. в. поблагодарил меня за быстроту и точность, с которой я выполнил его приказание» [192]. Однако из других свидетельств известно, что К. Ф. Рылеев был приведен на допрос к Николаю I 14 декабря 1825 г., около двенадцати ночи, а ровно в двенадцать отправлен в крепость [193]. Когда Л. С. Пушкин «добрался к Рылееву — тот был уже арестован», следовательно, это могло произойти поздно вечером 14 декабря. Если свидетельство М. И. Осиповой верно, события должны были развиваться следующим образом: в день восстания, уйдя с Сенатской площади, Л. С. Пушкин отправился домой и оттуда («отец... узнав об этом») поехал к К. Ф. Рылееву [194], жившему в доме Российско-Американской компании, у Синего моста. Квартира К. Ф. Рылеева после его ареста не могла быть и, разумеется, не была «запечатана»: в квартире находилась семья декабриста, да и поездка по ночному городу, уставленному пикетами, в направлении Сенатской площади, оцепленной со всех сторон войсками (по словам очевидца, «пропускали только тех, кто объявлял, что идет домой на Васильевский остров» [195]), вызывает некоторые сомнения. Тем не менее приезд Л. С. Пушкина вечером 14 декабря 1825 г. к К. Ф. Рылееву безусловно следует признать возможным, хотя и маловероятным.

Впервые после восстания декабристов Пушкин виделся с братом в Москве в начале 1827 г. «Лев был здесь» [196],— писал Пушкин А. А. Дельвигу в Петербург 2 марта 1827 г. Вторая встреча состоялась на Кавказе. «И в первое и во второе свидание,— отмечает М. В. Нечкина,— вполне возможны рассказы Льва Пушкина брату обо всем, что он видел на площади» [197].

На Кавказе А. С. Пушкин познакомился также с В. Д. Сухоруковым (в прошлом поручиком л.-гв. Казачьего полка), который за причастность к делу декабристов вначале был взят под тайный надзор, а в 1827 г. отправлен в Отдельный кавказский корпус. В. Д. Сухоруков в начале 20-х гг. работал над составлением военной истории Войска Донского, собирал материалы по истории казачества. В 1824 г. вместе с декабристом А. О. Корниловичем он издавал альманах «Русская старина». Корниловича Пушкин знал по Петербургу и Кишиневу, возможно, он был знаком и с сочинениями В. Д. Сухорукова по альманаху «Русская

старина». По свидетельству М. В. Юзефовича, Пушкин отнесся к Сухорукову с большим вниманием: «Надо было видеть нежное участие, какое он оказывал донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату... У него, между прочим, преследованиями отняты были все выписки, относившиеся к истории Дона, собранные им в то время, когда он рылся в архивах, по поручению Карамзина. Пушкин, узнав об этом, чуть не плакал и все думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы» [198]. В 1831 г. Пушкин подал в III Отделение записку с просьбой облегчить участь В. Д. Сухорукову и разрешить ему продолжить исторические труды, однако ходатайство поэта было оставлено без внимания [199].

Хотя между личностью собеседников и содержанием их общения прямой связи может и не быть и встречи Пушкина с «кавказскими» декабристами, зафиксированные в источниках, дают лишь формальное основание для предположения о характере их бесед, биографический метод реконструкции исторической информации, полученной поэтом на Кавказе летом 1829 г., представляется вполне возможным.

Так, совершенно очевидно, что при встрече Пушкина с В. Д. Вольховским и П. П. Коновницыным речь могла идти не только об их «декабристском» прошлом и службе на Кавказе, но и о судьбе близких, например сестры П. П. Коновницына, Е. П. Нарышкиной, отправившейся вслед за мужем, декабристом М. М. Нарышкиным, в Читинский острог в мае 1827 г., и дочери первого директора Царскосельского лицея В. Ф. Малиновского, сестры лицейского приятеля Пушкина И. В. Малиновского, А. В. Розен, муж которой, поручик л.-гв. Финляндского полка А. Е. Розен, был осужден Верховным уголовным судом по V разряду и отбывал каторгу в Чите.

Переписка П. П. Коновницына с родными шла через В. Д. Вольховского, на имя которого приходила корреспонденция для многих «кавказских» декабристов. Ответные письма он переправлял в Петербург по определенным адресам. Посредниками в нелегальной переписке были также бывшие члены Союза Благоденствия: Н. И. Кутузов и С. П. Шипов — в Петербурге, А. И. Философов — на Кавказе [200]. По этому маршруту приходили на Кавказ и «сибирские» письма Е. П. Нарышкиной. О декабристке А. В. Розен В. Д. Вольховский знал по письмам своего лицейского приятеля И. В. Малиновского. Сразу после вынесения приговора А. В. Розен стала готовиться к отъезду в Сибирь. И. В. Малиновский сообщил об этом В. Д. Вольховскому в письме из Петербурга от 14 ноября 1826 г.: «Я живу в ожидании, как поедет сестра, ее сопутствовать,— по отправлении мужа, на что жены имеют царское позволение» [201]. Но А. Е. Розен умолял жену не следовать за ним, пока их сын, родившийся 19 июня 1826 г., «не будет тверд на ногах, чтобы мог перенести

и дальний путь *, и неизвестное жилье» [202]. Прошение о разрешении следовать на жительство в Сибирь А. В. Розен подала на высочайшее имя 20 декабря 1828 г. [203] Разрешение на отъезд она получила 23 августа 1829 г., но ей было объявлено о невозможности ехать вместе с сыном. А. В. Розен обратилась к А. Х. Бенкендорфу, но он лишь подтвердил объявленную ей высочайшую волю [204]. М. В. Малиновская, младшая сестра А. В. Розен, согласилась взять мальчика на воспитание.

Пушкин прежде хорошо знал семью В. Ф. Малиновского, был знаком со всеми его детьми. А. Е. Розен в свою очередь был дружен с И. В. Малиновским, также служившим в л.-гв. Финляндском полку. Бракосочетание А. Е. Розена и А. В. Малиновской совершал бывший лицейский законоучитель протоиерей Н. В. Музовский [205]. При встрече В. Д. Вольховского и Пушкина на Кавказе в июне 1829 г. судьба А. В. Розен была еще неизвестна. Вольховский узнал о полученном ею высочайшем разрешении следовать за мужем в Сибирь от И. В. Малиновского гораздо позже. В мае 1830 г. Вольховский приехал в отпуск в Москву. И. В. Малиновский писал ему в письме от 3 мая 1830 г.: «Зайди взглянуть в Москве, в доме сенатора Малиновского скажут, когда будут и где остановились» [206].

Отъезд А. В. Розен в Сибирь был назначен на 17 июня 1830 г. «В Москве,— вспоминал А. Е. Розен,— все родственники моих товарищей навещали жену мою с искреннейшим участием». Из посещавших А. В. Розен в Москве он упоминает Е. М. Голицыну, урожденную Нарышкину (сестру декабриста М. М. Нарышкина), а также двух сестер жены декабриста Н. М. Муравьева — А. Г. Муравьевой, урожденной Чернышевой,— В. Г. Чернышеву, впоследствии Пален, и Н. Г. Чернышеву, впоследствии Муравьеву. А. Е. Розен пишет, что его жену провожали «все графини Чернышевы» [207], следовательно, кроме названных еще С. Г. Чернышева, впоследствии Кругликова, Е. Г. Чернышева, впоследствии Черткова, Н. Г. Чернышева, впоследствии Долгорукова. В проводах А. В. Розен участвовали приехавшие из Петербурга родной дядя со стороны отца П. Ф. Малиновский и родная тетка со стороны матери А. А. Самборская, московская родня — дядя А. Ф. Малиновский, его жена А. П. Малиновская, урожденная Исленева, и их дочь Е. А. Мали-

* По сохранившимся мемуарным свидетельствам можно восстановить этот путь, проходивший по Владимирскому тракту и главной сибирской почтовой дороге: Москва — Богородск — Покров — Владимир — Судогда — Муром — Нижний Новгород — Свияжск — Казань — Оханск — Пермь — Кунгур — Екатеринбург — Камышлов — Тюмень — Тобольск — Тара — Каинск — Колывань — Томск — Ачинск — Красноярск — Канск — Нижнеудинск — Иркутск. Длина пути — около 5 тыс. верст. Скорость езды на почтовых лошадях составляла 10 верст в час — летом, 12 верст — зимой, 8 верст — осенью и весной (см. Почта и телеграф в XIX столетии. СПб., 1902, с. 34). Этим маршрутом следовали все женщины, направлявшиеся к своим мужьям в Сибирь в 1826—1831 гг.

новская, впоследствии Долгорукова, а также М. В. Малиновская, В. Д. Вольховский, Е. Ф. Муравьева, М. А. Дорохова, жена прапорщика Нижегородского драгунского полка Р. И. Дорохова и двоюродная сестра А. Г. Муравьевой, а также семья декабриста И. Д. Якушкина, в доме тещи которого — Н. Н. Шереметевой А. В. Розен провела последние дни перед отъездом.

Утром 17 июня 1830 г. из ворот дома Н. Н. Шереметевой одновременно выехали два экипажа: в одном уезжала в Сибирь А. В. Розен, другой увозил в Петербург ее маленького сына. 31 июля она была уже в Иркутске. Подписав там требуемые бумаги о лишении всех прав состояния, А. В. Розен отправилась дальше и 27 августа в деревне Онинский бор, в 167 верстах от Верхнеудинска, соединилась с мужем, совершавшим со своими товарищами пеший переход из Читы в новую тюрьму, построенную при Петровском чугуноплавильном заводе.

Все принимавшие участие в проводах А. В. Розен в Сибирь были либо друзьями, либо приятелями, либо близкими знакомыми Пушкина, являлись непосредственным окружением поэта. В июне 1830 г. его в Москве не было. В июле Пушкин находился в Петербурге, и из его письма к невесте от 20 июля известно, что там он виделся с «M-me et M-lle Malinovsky»[208], т. е. с женой и дочерью А. Ф. Малиновского. От них Пушкин мог узнать, что А. В. Розен уехала к мужу в Сибирь, а М. В. Малиновская с сыном декабриста живет в Петербурге в доме А. А. Самборской *.

В июле в Петербург пришли первые письма от А. В. Розен. Одно из ее писем, начатое на почтовой станции близ Оханска, уездного городка Пермской губернии, и законченное в Тобольске, написано в форме дорожного дневника. Из него узнаем, как провожали ее в Москве, как, «едва проехав несколько десятков шагов, колесо завязло, спицы выскочили и коляска перевернулась», как А. В. Розен вновь вернулась в дом Н. Н. Шереметевой, как В. Д. Вольховский бегал за каретником и всю историю ее дальнейшего путешествия, в которой вдруг мелькает имя пушкинского знакомого князя П. Максутова, отставного штаб-ротмистра Оренбургского уланского полка (служившего в 1830 г. почтмейстером в Перми), к которому у А. В. Розен было письмо от казанского почтдиректора М. И. Давыдова, предупрежденного о проезде жены декабриста другой знакомой Пушкина — Е. Ф. Муравьевой[209]. Это письмо, предназначенное не для одного адресата, а для всех, кто принимал участие в судьбе А. В. Розен и

---

* Позднее Пушкин мог услышать и рассказы очевидцев, вернувшихся из Сибири. Так, в августе 1830 г. в Петербург возвратился С. Маслов, крепостной А. А. Самборской, сопровождавший А. В. Розен до Иркутска. Е. Красенков и Н. Яценкова, крепостные Малиновских, уехавшие в Сибирь вместе с А. В. Розен и находившиеся у нее в услужении, в 1833 г. вернулись в Каменку к И. В. Малиновскому (*Дмитриев-Мамонов А. И.* Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, с. 143).

провожал ее в Сибирь, хранилось в особом конверте у М. В. Малиновской, которая взяла на воспитание сына декабриста А. Е. Розена и вскоре стала женой лицейского друга Пушкина — В. Д. Вольховского.

Так биографическая разработка только одной «кавказской» встречи лета 1829 г., Пушкин — Вольховский, показывает, как многообразен и широк был круг источников, которыми поэт мог пользоваться в конце 20-х — начале 30-х гг. в своей работе над историей декабристов. Но эти источники, исполненные «печатью живой современности», требовали большой «осмотрительности». В «Объяснениях» на критику В. Б. Броневским «Истории Пугачевского бунта» Пушкин писал, возможно имея в виду не только опыт работы над свидетельствами очевидцев и современников крестьянского восстания: «Что касается до преданий, то если оные, с одной стороны, драгоценны и незаменимы, то, с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой проверки и осмотрительности» [210].

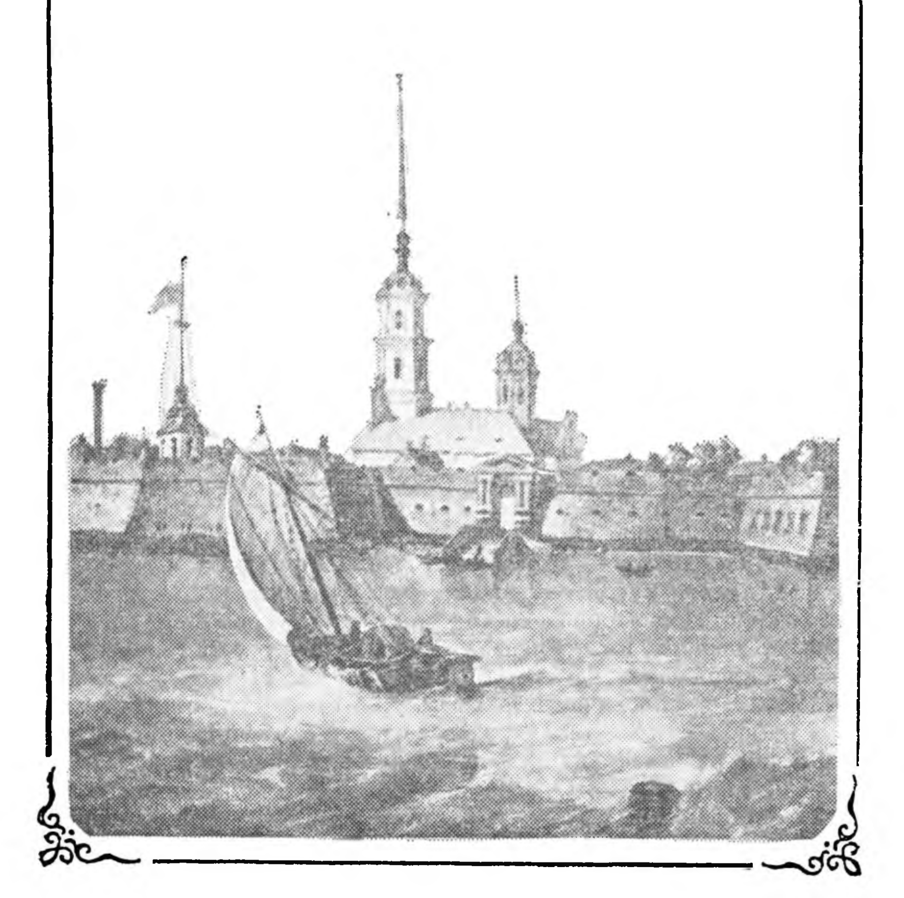
Исторической критике первоисточников А. С. Пушкин придавал первостепенное значение как важнейшему условию «добросовестности» исторического исследования. О его внимании к проблеме достоверного исторического знания в работе над историей декабристов свидетельствует запись, сделанная в «Дневнике» поэта 15 декабря 1833 г.: «Вчера не было обыкновенного бала при дворе; имп.[ератрица] была не здорова.— Поутру обедня и молебен» [211]. Эта запись прочитывается исследователями по-разному. По мнению Д. П. Якубовича, Пушкин «своеобразно хотел остановить внимание будущего читателя на том обстоятельстве, что в день подавления декабрьского восстания царь традиционно задавал балы в Аничковом дворце» [212]. Б. В. Казанский не согласился с предположением Д. П. Якубовича: «14 декабря праздновалось не подавление восстания 1825 года, а восшествие на престол, и Пушкин, конечно, не мог этого понимать иначе» [213]. Замечание Б. В. Казанского в данном случае едва ли справедливо. «Со времени происшествий 14-го декабря 1825 года,— писал в своих «Записках» М. А. Корф,— император Николай неизменно праздновал их годовщину, считая всегда это число днем истинного своего восшествия на престол. Все лица, принимавшие прямое или косвенное участие в подвигах достопамятного дня, были собираемы ко двору, где, или в малой церкви Зимнего дворца, или в церкви Аничкина, совершалось благодарственное молебствие. В прежнее время в это число бывал всегда и маленький бал в Аничкинском дворце» [214].

Но М. А. Корф не упоминает одного важного обстоятельства. Накануне благодарственного молебна, на который приглашались участники событий 14 декабря 1825 г., «рассылались запросы с предложением дать подробности указанного участия». Рассказы участников событий собирались для доклада Николаю I и впоследствии были использованы, в частности,

М. А. Корфом в его книге «Восшествие на престол императора Николая I»[215].

Итак, 14 декабря 1833 г. «обыкновенного бала при дворце» не было, но «молебен» с участием очевидцев восстания декабристов, представлявший для Пушкина особый интерес, «поутру» состоялся. Эта ежегодно устраиваемая церемония имела значение важного исторического источника, позволявшего, «поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою»[216], определить степень достоверности собранных материалов по истории декабристов, уточнить и дополнить их.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТИНЫ

ГРАФИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

«Изумительная память и проницательность», свойственные Пушкину, позволяли ему анализировать и производить «критику источников» вне текста. «Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления,— по свидетельству П. А. Плетнева,— не пропадали для него на целую жизнь» [1]. Способность запомнить «сказанное, слышанное, промелькнувшее в его уме — все и навсегда» [2] рождала не традиционные методы исторической работы. Н. В. Гоголь вспоминал, как Пушкин, «нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо потом ему хотелось припомнить... Все эти ярлыки накладывал он целою кучею в вазу, которая стояла на его рабочем столе, и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал наудачу первый билет; при имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг все, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете все, что знал» [3].

При таком способе хранения информации историческое знание как таковое приобретало образно-художественную форму. Единицей запоминания становился не факт, установленный историком, а образ, созданный воображением художника. Рассказы очевидцев запечатлевались в сознании поэта как образы зрительной памяти, получавшие впоследствии выражение в наиболее адекватной себе форме рисунков.

Единство художественного и исторического характеризует известный пушкинский рисунок, посвященный восстанию на Сенатской площади в Петербурге. На рисунке изображены двое: один — во фризовой шинели с откидными воротничками и зимнем картузе, другой — в цилиндре, мундирном фраке, с фуляром на шее, правой рукой он наводит большой пистолет, в левой у него палаш. Под изображениями аннотация: «Кюхельбекер, Рылеев. 14 декабря 1825. Рисовал Александр Сергеевич Пушкин». Ниже карандашная помета П. А. Ефремова: «Подпись сделана Федором Филипповичем Юрьевым, у которого Пушкин и сделал этот набросок, представляя, какими, по его мнению, были Кюхельбекер и Рылеев на Адмиралтейской площади» [4].

Аннотация Ф. Ф. Юрьева подтверждается портретным сходством изображенных фигур и историческим содержанием рисунка. В. К. Кюхельбекер на следствии показал: «Я имел пистолет с одним зарядом, который был в кармане шинели. Сей пистолет, когда я ехал, посланный гвардейским экипажем в первый раз

на Сенатскую площадь, не доезжая Синего моста, когда по неосторожности извозчика опрокинулись сани и я выпал из оных, то пистолет упал в снег и сделался к употреблению неспособным, что многие люди видели. Потом палаш получил, я не знаю уже от кого, на Сенатской площади, только кто-то из черни дал мне оный, а этот палаш был отнят чернью у полицейского драгуна, коего мы спасли жизнь, ибо без нас его бы чернь растерзала; но куда после девался оный палаш, не помню. Вооружился я для того, что в подобных случаях без оружия не бывают» [5].

По свидетельству А. А. Бестужева-Марлинского, 14 декабря 1825 г. В. К. Кюхельбекер был без шинели: «он один был во фраке» и «ходил он тут с пистолетом, и я помню, что, когда я скомандовал на плечо, он повторил эту команду, но я сказал ему, чтоб он не мешался — что его не послушают. Еще спросил он меня, где великий князь Михаил Павлович, потому что он близорук и худо слышит» [6]. Позднее, в ссылке, рассказывая чиновнику Н. С. Щукину о восстании в Петербурге, А. А. Бестужев-Марлинский сообщил новые подробности, не открытые им следствию: В. К. Кюхельбекер «вооружился огромным пистолетом. Подходил то к нам, то к прочим полкам с убеждениями стоять крепко. Чуть ли не он бросил матросам экипажа 10 рублей на водку, но те сказали ему, что пришли на площадь не для попойки... Вел[икий] князь Михаил подошел к экипажу и стал доказывать, что все это заблуждение. Вдруг выскочил откуда-то Кюхельбекер, навел в спину князя пистолетище, но матрос ударил штыком по пистолету, и оружие упало на землю» [7]. По данным А. Е. Розена, которого поддержал М. А. Бестужев, этим «матросом» был П. А. Бестужев, который «отвел... руку» В. К. Кюхельбекера, а «пистолет дал осечку» [8]. П. Г. Каховский в письме генерал-адъютанту В. В. Левашову от 14 мая 1826 г. сообщил также, что он «остановил» В. К. Кюхельбекера «выстрелить по генералу Воинову»: «Я брал пистолет у Кюхельбекера и ходил будто бы выстрелить по великому князю, но сказал солдатам, чтобы они не давали стрелять. Ссыпал порох с полки и возвратил пистолет Кюхельбекеру. Он опять пошел стрелять в Воинова, но пороху не было на полке. Он говорил мне: «какое несчастье, пистолет все осекается»...» [9]. Вспоминая о событиях 14 декабря 1825 г., И. И. Пущин писал Е. А. Энгельгардту из Ялуторовска в первой половине 1845 г.: «Если б вам рассказать все проделки Вильгельма в день происшествия и в день объявления сентенции, то вы просто погибли бы от смеху, несмотря, что он был тогда на сцене трагической и довольно важной. Может быть, некоторые анекдоты до вас дошли стороной» [10].

Рядом с В. К. Кюхельбекером, изображенным в полном соответствии с известными свидетельствами очевидцев — во фраке, вооруженным пистолетом и палашом, Пушкин нарисовал К. Ф. Рылеева, принявшего В. К. Кюхельбекера в тайное общество незадолго до 14 декабря 1825 г. По мнению С. С. Ланды,

«вряд ли здесь следует искать какую-то реальную встречу двух декабристов. Речь идет скорее не о конкретной, а об идеологической ситуации: поэт стремился выразить свое общее отношение к восстанию, к героическим устремлениям и трагической обреченности декабристов. Отсюда своеобразие рисунка: в отличие от слегка шаржированного Кюхельбекера Рылеев изображен вполне реалистично» [11]. Конечно, этот рисунок Пушкина так или иначе выразил его отношение к восстанию декабристов, однако не это было стремлением и целью рисовальщика. Пушкин графически зафиксировал зрительный образ, сложившийся у него на основе рассказов очевидцев о В. К. Кюхельбекере и К. Ф. Рылееве в день восстания. И в рисунке соответственно два «слоя»: документальный, достоверность которого полностью подтверждается историческими свидетельствами, и художественный, отличающийся тщательной графической отделкой, продуманной композицией, точной прорисовкой исторических деталей. В единстве документального и художественного рождается оценочный, идеологический «слой». На рисунке изображены два поэта в момент восстания, олицетворяющие два различных типа революционного поведения — с поднятым для выстрела пистолетом и вооруженный палашом В. К. Кюхельбекер и закутанный в шинель, печальный и неподвижный К. Ф. Рылеев. И хотя создается впечатление, что третий поэт — Пушкин — смотрит на В. К. Кюхельбекера глазами К. Ф. Рылеева, Кюхельбекер нарисован с большей симпатией и теплотой. Так и кажется, что умом Пушкин с К. Ф. Рылеевым, а душой и сердцем — с Кюхлей.

Стилистическое различие в изображении двух фигур рисунка — «шаржированный» В. К. Кюхельбекер и «реалистический» К. Ф. Рылеев — на самом деле представляет собой различие историческое. То, что воспринимается как элемент «шаржа», является точным воспроизведением достоверных исторических подробностей. Не Пушкин шаржировал историческую действительность, а реальность оказалась шаржированной историческими деятелями.

По свидетельству П. А. Ефремова, рисунок «Кюхельбекер, Рылеев. 14 декабря 1825» был сделан Пушкиным у Ф. Ф. Юрьева. Это могло быть летом 1827 г., по возвращении поэта в Петербург после ссылки. По мнению Т. Г. Цявловской, от Ф. Ф. Юрьева, «очевидно, и услыхал Пушкин рассказ, легший в основу рисунка» [12]. Более убедительным является предположение М. В. Нечкиной, полагавшей, что источником сведений, отраженных в рисунке, был младший брат поэта Л. С. Пушкин, которому В. К. Кюхельбекер вручил 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади одно из своих оружий — жандармский палаш [13]. Возможен еще один источник информации — С. Т. Балашов, крепостной слуга В. К. Кюхельбекера, задержанный 18 января 1826 г. (после того, как расстался в Бресте со своим барином) и обнаруживший на допросах большую и разностороннюю осведомленность о со-

бытиях 14 декабря 1825 г. С. Т. Балашов содержался в Петропавловской крепости со 2 февраля по 24 июля 1826 г., затем был освобожден и отдан петербургским родственникам декабриста [14].

14 октября 1827 г. А. С. Пушкин и В. К. Кюхельбекер неожиданно встретились на почтовой станции Залазы, возле Боровичей, при переводе заключенных из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость. Они не виделись с мая 1820 г. Пушкин вспоминал: «Один из арестантов стоял опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели...» [15] (разрядка наша.— *Г. Н.*). В письме Пушкину из Динабургской крепости от 20 октября 1830 г. В. К. Кюхельбекер писал: «Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическом: мою бороду? Фризовую шинель? Медвежью шапку? Как ты через семь с половиною лет мог узнать меня в таком костюме? вот чего не постигаю!» [16] (разрядка наша.— *Г. Н.*) Пушкинский рисунок «Кюхельбекер, Рылеев. 14 декабря 1825» с тщательно нарисованной старинной фризовой шинелью, надетой внакидку на К. Ф. Рылееве, возможно, содержит ответ на этот вопрос.

Образно-художественная природа исторического мышления поэта особенно ярко проявилась в его рисунках казни декабристов. Пушкин стремился представить себе эту жуткую картину во всех подробностях, как бы стать очевидцем казни, переживающим ужас совершающейся на его глазах насильственной позорной смерти, и в то же время оставаться беспристрастным историком, смотрящим на происходящее «взглядом Шекспира». Рисунки казни отразили двойственность позиции их автора: беспристрастная точность в изображении деталей виселицы и глубокий трагизм нарисованной картины, явно ощущаемое присутствие в ней как бы заставляющего себя смотреть на сцену казни Пушкина. Эти рисунки — произведение художника и в то же время содержательный графический конспект-исследование историка. Рисунки казни (как, впрочем, и вся пушкинская графика) рассматриваются преимущественно как внутренне несамостоятельный, ассоциативный ряд, порожденный поэтическим замыслом, требовавшим для своего воплощения каких-то особых промежуточных или параллельных форм. Графический способ изложения и фиксации исторического материала, примененный Пушкиным в его рисунках казни, остается поэтому нераскрытым, а подготовленные им в виде рисунков материалы к историческому исследованию о декабристах — нерасшифрованными.

События, происшедшие в кронверке Петропавловской крепости 13 июля 1826 г., относятся к числу наиболее запутанных и наименее исследованных вопросов истории декабристов [17]. Обстоятельства «времени» и «места» казни декабристов чрезвычайно сузили круг источников и создали значительные исследовательские трудности. Основным видом исторических источников,

восстанавливающих события казни, являются свидетельства очевидцев, которые по своему происхождению и содержанию образуют две основные группы: 1) рассказы должностных лиц, присутствовавших при казни, и 2) свидетельства зрителей, наблюдавших казнь с эспланады кронверка и с площадки Троицкого моста. Различными вариантами свидетельств первой группы (как дошедших до нас, так и несохранившихся) являются включенные в мемуары и письма многочисленные рассказы декабристов, приговоренных к различным срокам каторги и ссылки и достоверно описавших лишь процедуру гражданской казни.

Главной особенностью сохранившихся рассказов является их крайняя противоречивость. Субъективизм, присущий данному виду источников, был увеличен конкретными обстоятельствами наблюдения. «Ужасное зрелище» казни, потрясшее очевидцев своим трагизмом, настолько по-разному запечатлелось в их сознании, что каждое дошедшее до нас свидетельство представляет самостоятельную версию событий. К этому следует добавить, что наблюдатели в подавляющем большинстве случаев находились в толпе — свидетельства очевидцев, впоследствии записанные ими или другими лицами с их слов, пропитаны общим психологическим состоянием толпы, формировались под воздействием возгласов, реплик, позднейших слухов и т. д., что делает эти свидетельства в определенном смысле коллективным творчеством. Поэтому, вероятно, известные рассказы о казни декабристов поражают своей «усредненностью»: в каждом вымысел соседствует с правдой и нет ни одного абсолютно точного и безусловно достоверного.

Н. А. Котляревский, обратившийся к свидетельствам о казни декабристов при изучении биографии К. Ф. Рылеева, пришел к выводу, что «проверить все эти рассказы нельзя» [18]. К такому же выводу пришел и М. К. Азадовский, комментируя «Воспоминания Бестужевых»: «В общем, приходится констатировать, что во всех существующих рассказах о казни нет возможности отделить легенду от действительности и ни одно из имеющихся свидетельств не может быть признано абсолютно достоверным» [19]. Возможность «отделить легенду от действительности» в свидетельствах очевидцев о событиях 13 июля 1826 г. предоставляют пушкинские рисунки казни, «чтение» которых, в свою очередь, становится возможным только при анализе всего комплекса сохранившихся источников.

1

Первые рисунки казни сделаны Пушкиным на 38-м листе третьей масонской тетради, заполненной черновыми записями [20]. Когда появились эти рисунки, неизвестно: 38-й лист не находится в прямой связи ни с одним из автографов в тетради. Бо́льшая

часть смежных листов заполнена с обратной стороны тетради, верхом вниз. Установить последовательность заполнения тетради и таким образом датировать интересующий нас лист поэтому невозможно. Попытки датировать 38-й лист по его положению в тетради приводят исследователей к необходимости произвольно реконструировать творческую работу поэта.

По мнению Т. Г. Цявловской, возвратившись из Москвы в Михайловское 9 ноября 1826 г., Пушкин «взялся прежде всего» за пятую главу «Евгения Онегина», затем «оторвал себя от любимого детища и занялся вынужденным делом» — составлением для Николая I записки «О народном воспитании», после чего «вновь вернулся к роману». И 38-й лист соответственно датируется «концом ноября 1826 г.: он следует за черновым текстом записки «О народном воспитании», законченной 15 ноября 1826 г., и непосредственно вслед за черновыми строфами XXXII—XXXVIII главы пятой «Евгения Онегина» (глава была переписана 22 ноября 1826 г.)» [21]. Р. В. Иезуитова считает, что 38-й лист был заполнен после окончания записки «О народном воспитании», во время «паузы», возникшей в ходе работы над черновиками пятой главы «Евгения Онегина»,— между 15 и 22 ноября 1826 г. [22] Аргументация предложенных датировок не может быть признана убедительной. Даты 15 и 22 ноября 1826 г. не определяют ни последовательности, ни времени работы Пушкина над черновыми строфами пятой главы «Евгения Онегина», черновиком записки «О народном воспитании» и 38-м листом в третьей масонской тетради. Дата «1826. Ноябр[я] 15» стоит под беловым автографом записки «О народном воспитании», а в третьей масонской тетради находятся только черновые наброски текста и планы отдельных частей этой записки, работать над которой Пушкин начал еще в Москве, в октябре 1826 г. [23] Глава пятая «Евгения Онегина» была действительно переписана набело 22 ноября 1826 г. Но это обстоятельство также не может служить датирующим признаком, поскольку в третьей масонской тетради содержатся лишь черновые наброски XXXII—XXXVIII строф этой главы, работа над которой, как известно, велась с 4 января 1826 г. Более осторожен Б. П. Городецкий, считающий, что 38-й лист «по своему положению среди соседних записей... может быть предположительно датирован осенними месяцами 1826 г., т. е. временем после казни декабристов и, возможно, временем работы Пушкина над запиской «О народном воспитании»» [24].

Предварительный анализ имеющихся в нашем распоряжении сведений, преимущественно косвенных, позволяет сделать вывод: формально исходной хронологической точкой, от которой в принципе возможна датировка 38-го листа третьей масонской тетради, является 8 сентября 1826 г.— приезд Пушкина в Москву — и, учитывая выраженный конспективный характер пушкинской графики, высказать предположение: эти рисунки сделаны Пуш-

киным в Москве, во время его тщательного и добросовестного «исследования истины» 13 июля 1826 г.

Содержание 38-го листа третьей масонской тетради относится к числу «загадочных» сюжетов, постоянно привлекающих внимание исследователей биографии и творчества поэта. Впервые описание этого листа в обзоре хранившихся в московском Румянцевском музее пушкинских рукописей дал В. Е. Якушкин (1884 г.): «Нарисованы: вал и ворота, на валу виселица и на ней пять повешенных, сбоку начата фраза: и я бы мог, как тут на... Внизу страницы опять повторен тот же рисунок, а посреди страницы снова начата фраза: и я бы мог... Рисунки эти относятся к 1826 г. и напоминают смерть Рылеева, Пестеля, С. Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. В записке «О народном воспитании» Пушкин высказывает надежду, что братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением. Он сам еще не был в это время успокоен. Обласканный царем, восторженно встреченный москвичами, он продолжал думать о погибших братьях, и не только о живых, но и мертвых. Таким образом, рисунок на этой странице и надпись показывают нам, что сказанное им в письме к князю Вяземскому «Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна» было не вполне искренно, что Пушкин, повторяю, думал и о мертвых братьях, мысленно присоединяя себя к их судьбе» [25].

В 1908 г. С. А. Венгеров поместил фототипическое воспроизведение 38-го листа во втором томе собрания сочинений Пушкина, выходившем в издательстве «Брокгауз — Ефрон» в серии «Библиотека великих писателей» [26]. Свою публикацию Венгеров сопроводил заметкой «По поводу рисунка Пушкина на листе 38 тетради № 2368», в которой выразил сомнения в правильности прочтения В. Е. Якушкиным строки «И я бы мог, как тут на...». С. А. Венгеров прочел эту строку иначе: «И я бы мог, как шут на...» [27]

Помимо «графического» метода, использованного Венгеровым при анализе пушкинской строки, вопрос о ее прочтении, по его мнению, мог «быть решен и чисто литературным путем»: «Нам представляется, что чтение тут, если в него вдуматься по существу, есть просто недоразумение. Как, в самом деле, могло даже в наброске литературного произведения, притом, по всей вероятности, стихотворения, появиться такое совершенно инородное тело, как механическое указание на рисунок? Всякий поэт дает самостоятельный образ, сам по себе рисующий картину, и кто же ссылается на приложенный рисунок? Подпись к картинке, что ли, сочинял Пушкин?» Полагая, однако, что новое чтение пушкинской строки может создать «впечатление, что Пушкин обозвал декабристов шутами», С. А. Венгеров писал: «Если и читать шут, то никаких выводов о пренебрежительном отношении Пушкина к декабристам из этого делать не следует... Повешение недаром считается казнью позорною. Сложить голову на плахе —

тут есть нечто героически-красивое, а повешенный именно болтается, как шут»[28].

Прочтение С. А. Венгерова явилось основой последующего изучения текста и рисунков 38-го листа третьей масонской тетради. Исследователи исходили из того, что строка «И я бы мог, как шут...», находящаяся рядом с рисунком виселицы, свидетельствует о том, что Пушкин в данном случае имел в виду свою возможную, но не состоявшуюся смертную казнь через повешение, но сравнение «как шут» трактовали различно. В. Ф. Боцяновский, например, считал, что рисунки виселицы и стихотворная строка появились в одну из «тяжелых» минут раздумья Пушкина «о самом себе»: «Думая об этой казни, которой он не подвергся только случайно, нервно набрасывая ее на бумаге, Пушкин, естественно, говорит себе: «и я бы мог...» висеть так же, как они... Но не совсем так... Они висели, как герои, бившиеся, выступившие в защиту знамени свободы... А он, стоявший в стороне от этого движения, но, вовлеченный в мятежный водоворот случайно, висел бы среди них, как шут, быть может, даже умалял их подвиг своим соседством...»[29]

Мнение Боцяновского о том, что слова «как шут» относятся не к декабристам, а к Пушкину, поддержал Н. О. Лернер. Он полагал, что 38-й лист отразил подчеркнутый самим Пушкиным факт совпадения даты восстания на Сенатской площади и даты завершения поэмы «Граф Нулин»: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Гр. Нулин писан <?> 13 и 14 дек.[абря].— Бывают странные сближения»[30]. «13 декабря 1825 года,— писал Н. О. Лернер,— когда бойцы готовились к открытому выступлению, и 14 декабря, когда на улицах столицы лилась кровь, Пушкин перелагал в веселые стихи пикантный анекдот и забавлялся пародией. Они вышли умирать, а он шутил. И в приписке к рисункам, изображающим их виселицу, он строго осудил себя за шутовство»[31].

Интерпретация Боцяновского и Лернера вызвала возражение Д. Д. Благого*, который, развивая наблюдения С. А. Венгерова, видел в пушкинской строке отражение «раздумий» поэта над «самим обрядом повешения», над тем «шутовским», что было в смерти пяти декабристов, и при этом подчеркивал, что слово «шут» употреблено Пушкиным в данном случае как социально позорящее, унизительное для достоинства дворянина[32].

А. М. Эфрос предпринял попытку интерпретировать пушкинскую строку, основываясь на версии о намерении Пушкина выехать из Михайловского в Петербург накануне восстания по

---

* Д. Д. Благой допускает неточность, объясняя смысл пушкинской строки «И я бы мог, как шут...» содержанием рисунков казни на 38-м листе третьей масонской тетради: «...на обоих рисунках в силуэтах повешенных, одетых в балахоны до пят с колпаками, закрывающими лица, действительно есть что-то шутовское» (*Благой Д. Д.* Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. Изд. 2-е. М., 1979, с. 380).

вызову, о котором упоминалось в не дошедшем до нас письме И. И. Пущина, отправленном из Москвы в конце ноября — начале декабря 1825 г.[33] Эфрос пришел к выводу о том, что после свидания с И. И. Пущиным в Михайловском 11 января 1825 г. Пушкин «был, по-видимому, как бы на положении посвященного, сочувствующего, который был связан с заговором пока лишь нравственными обязательствами, но который должен был доказать, что достоин доверия», оказанного ему тайным обществом в лице И. И. Пущина, «когда придет время действовать»»[34]. Однако поездка в Петербург не состоялась: Пушкин, тайно выехавший из Михайловского за несколько дней до восстания, вернулся с дороги, смущенный плохими приметами, и тем самым, как полагал А. М. Эфрос, не выполнил взятых на себя в январе 1825 г. обязательств перед тайным обществом. Это обстоятельство, по мнению исследователя, и объясняет начальные слова пушкинской записи: «И я бы мог...» Эфрос обратил также внимание на то, что пушкинская запись является «начатым стихом», и предположил, «что смысл «шута» должен заключать в себе что-то вроде сравнения предсмертных конвульсий в веревочной петле при позорной казни с вынужденным и унизительным кривляньем шута на канате перед базарной площадью»[35].

Истолкование строки Пушкина, предложенное В. Ф. Боцяновским и Н. О. Лернером, было поддержано М. А. Цявловским. Он также считал, что слова «как шут» относятся к Пушкину, противопоставившему себя «декабристам, героям и мученикам», но заметил, что выражение «висеть как шут» «было общеупотребительным». «Об общеупотребительности выражения «висеть как шут»,— писал М. А. Цявловский — свидетельствует хотя бы «герои-комическая» поэма В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх», где Зевс за неповиновение ему грозит богам:

А если кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть, как шут, между богами...

Свой комментарий к строке Пушкина М. А. Цявловский дополнил догадкой С. М. Бонди: «Не решаюсь утверждать категорически, но соглашаюсь с высказанным в беседе со мной мнением С. М. Бонди, что выражение это применялось к картонному шуту, висевшему на веревке, в известной детской игрушке»[36].

Объяснение М. А. Цявловского поддержал Б. В. Томашевский, считавший, что сопоставление со стихом из поэмы В. И. Майкова раскрывает «таинственный и смущавший исследователей характер этой странной «формулы» Пушкина»[37]. С. Я. Гессен, однако, отметил, что если утверждение об общеупотребительности выражения «висеть как шут» справедливо, то «отпадают» версии С. А. Венгерова и В. Ф. Боцяновского — Н. О. Лернера, «а самая запись приобретает новый, не менее

выразительный смысл: употребив общепринятую форму выражения, Пушкин, стало быть, не имел в виду оскорбить ни декабристов, ни себя, а только с предельной ясностью констатировал и подчеркнул реальность избегнутой им опасности разделить участь казненных декабристов». Впрочем, «единственный и притом совершенно неудачный стихотворный пример», по мнению Гессена, не доказывает общеупотребительности выражения «висеть как шут». «Странно,— писал С. Я. Гессен,— как комментатор мог проглядеть очевидную разницу между этим действительно шутовским повешением за ноги» в поэме В. И. Майкова «и грозившей Пушкину опасностью быть повешенным в обыкновенном порядке — за шею». Еще бо́льшие возражения вызвало у Гессена приведенное Цявловским предположение Бонди: «Мы охотно допускаем возможность применения этого выражения к картонному паяцу, дрыгавшему ногами, когда его дергали за веревочку. Но мы не можем допустить мысли, чтобы Пушкин провел какую-то аналогию между этой игрушкой и повешенными товарищами только потому, что, умирая, они тоже дрыгали ногами. А. М. Эфрос убедительно доказал, что эти строки являются «начатым стихом». Тем более невероятно, чтобы в стихотворении Пушкин мог употребить такое вульгарное и грубое сравнение, да еще тогда, когда он уже несомненно знал трагические обстоятельства казни декабристов...» [38]

Л. В. Крестова, развивая версию Д. Д. Благого, предположила, что пушкинская строка связана с обрядом гражданской казни декабристов, которая якобы имела характер «шутовского, буффонского зрелища». Если бы Пушкин был привлечен к процессу по делу 14 декабря 1825 г., то он, по мнению исследовательницы, оказался бы в числе приговоренных к гражданской казни. «В таком случае,— пишет Л. В. Крестова,— наряженный, как и его друзья-декабристы, в полосатый халат не по росту, и он бы «мог как шут» стать участником «буффонско-маскарадного кортежа», предметом издевательства и насмешки. Уходя же после чтения приговора и «экзекуции», Пушкин увидел бы, как увидели некоторые из приговоренных, виселицу с пятью повешенными. Отсюда вслед за записью появилось изображение виселицы и злосчастных жертв» [39].

Б. П. Городецкий, вновь вернувшись к приведенной М. А. Цявловским цитате из поэмы В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх», заметил, что эта цитата была использована Цявловским лишь для доказательства общеупотребительности выражения «висеть как шут», тогда как она «имеет непосредственное отношение» к содержанию пушкинской записи. М. А. Цявловский оборвал цитату из поэмы Майкова на запятой, не закончив предложения, между тем, по мнению Городецкого, «последняя строка» этого предложения — «Не сорвется вовек, кто б ни был как удал» — и «явилась своеобразным сигналом, по которому Пушкин вспомнил слова о повешенном, который будет

висеть, как шут, между богами». «Богатая на литературные ассоциации память» Пушкина подсказала ему «стихотворный отрывок о повешенном, в котором говорилось и о возможности сорваться с виселицы», из поэмы Майкова, которую он «прекрасно знал» и «свободно цитировал». В воспроизведении формулы В. И. Майкова в пушкинской записи —«И я бы мог, как шут...»— Городецкий видел «свою, и значительную, закономерность: ведь тот, кто мог быть повешен, висел бы между богами»[40] (выделено Б. П. Городецким.— *Г. Н.*).

Т. Г. Цявловская также считала, что пушкинская строка представляет собой «самое начало стихотворного произведения с мыслью о том, что он, Пушкин, мог быть повешен», но предложила иное прочтение строки, полагая, что две последние буквы в ней, читавшиеся как «на», являются частью недописанного слова «висеть»: «И я бы мог, как шут, ви[сеть]» *. Ссылаясь на строки из поэмы В. И. Майкова и замечание С. М. Бонди о том, что слова «как шут» могли, кроме того, «иметь в виду шута горохового, т. е. чучело в огороде», она вновь высказала мысль о том, что Пушкин употребил общеизвестное и лишенное всякой «загадочности» образное сравнение, которое «существовало в языке». Понять преследовавшую Пушкина мысль о его возможной казни, отмечает исследовательница, помогает стихотворение «Андрей Шенье», написанное в мае — июне 1825 г.: «Поэтическое прозрение, интуитивное постижение мыслей и чувств приговоренного к казни французского поэта Андрея Шенье, после 13 июля 1826 г. подтвердилось личным опытом Пушкина, когда он вообразил висевшую над ним петлю...»[41]

Ю. О. Домбровский, соглашаясь с гипотезой Цявловского — Бонди — Цявловской о происхождении выражения «как шут», вслед за Эфросом считал, что этим сравнением не исчерпывается содержание пушкинских слов на 38-м листе. По его мнению, из этой «так резко оборванной и наполовину зачеркнутой строки» явствует, что Пушкин «был действительно посвящен» И. И. Пущиным 11 января 1825 г., во время их последней встречи в Михайловском, в дела тайного общества и «ждал только вызова»: «Иначе как же можно толковать эту строку над виселицей?.. За что поэт мог ожидать себе петлю? За вольнолюбивые стихи? Но с тех пор прошло пять лет, и он уже поплатился за них ссылкой... Все эти годы он прожил далеко от Петербурга, то есть от политической и общественной жизни страны, и ни в чем антиправительственном не участвовал. Рисунок — виселица и надпись над ней сделаны год спустя после восстания... Прошли и следствие, и суд, и казнь пятерых, состоялся уже разговор с Николаем I. Значит, очень уж обдуманна, очень уж отстоялась в душе

* Справедливость требует отметить, что впервые такое прочтение пушкинской строки предложено в диссертационном исследовании М. Д. Беляева (*Беляев М. Д.* Рисунки Пушкина, их изучение и роль в пушкиноведении. Дис. М., 1946, с. 312—338).

эта строчка над виселицей с телами пяти повешенных. Она итог пушкинских раздумий о своей судьбе и о возможном ее повороте»[42].

Иначе подошла к осмыслению пушкинской строки Л. М. Лотман. По ее предположению, эта строка «содержит намек» на аналогию между политическим положением поэта после возвращения из ссылки и образом шута, «вступившего в неожиданно прямой контакт с самодержцем, говорившего с ним о логике поведения его некоторых подданных и намекавшего на милость к ним», из романа В. Скотта «Айвенго», изданного на русском языке в Петербурге в июле 1826 г.* под названием «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов»[43]. Факт знакомства Пушкина с романом В. Скотта подтверждается обнаруженным в семейной библиотеке Полторацких экземпляром русского издания «Айвенго» с владельческой пометкой «Александр Пушкин» на титульном листе второй части книги[44].

Таковы точки зрения, высказанные в литературе по поводу пушкинской строки «И я бы мог, как шут...». При всем их различии они практически лишены альтернативности и лишь дополняют одна другую. Заметим, однако, что усилия исследователей раскрыть возможный смысл включенного в пушкинскую строку сравнения с шутом и таким образом дать интерпретацию 38-го листа предпринимаются без учета весьма существенного обстоятельства: два последних слова в строке были Пушкиным тут же зачеркнуты и затем строка вновь повторена на листе, но уже без этого сравнения. Сравнение «как шут» независимо от источников и обстоятельств его возникновения в данном контексте, признанное Пушкиным неудачным, неточным или, возможно, неуместным и сразу им зачеркнутое, не имеет, очевидно, того значения, которое ему придается интерпретаторами пушкинской строки. Пушкин больше не возвращался к однажды использованному им сравнению: в третьей кишиневской тетради поэта рядом с черновиком стихотворения «Кипренскому», датируемого летом 1827 г., на верху смежной страницы написано карандашом «И я бы мог в»**, затем зачеркнута буква «в», потом вся строка и тут же восстановлена в прежнем виде (кроме последней буквы)[45], вновь без сравнения с шутом. Пушкинская строка в усеченном виде — «И я бы мог...» — настолько многозначна, что любая попытка ее истолкования останется только одной из возможных гипотез и едва ли может претендовать на всестороннее и полное объяснение скрытой в ней мысли поэта.

На верху 38-го листа, под строчкой «И я бы мог, как шут...», рядом с виселицей, и в середине листа, ниже строки «И я бы

* Дата выхода в свет русского здания романа В. Скотта установлена В. Б. Сандомирской.

** По мнению М. А. Цявловского, эта запись датируется ноябрем 1826 г. (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.— Л., 1935, с. 159—160).

мог...», Пушкин рисует профили С. П. Трубецкого, очевидно по ассоциации формального сходства своей судьбы и судьбы декабриста. Трубецкой, назначенный диктатором восстания, спас себя от виселицы, не явившись 14 декабря на Сенатскую площадь. Пушкин полагал, что только случайное стечение обстоятельств, не зависевших от него, сохранило ему жизнь:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою.

С дочерью С. П. Трубецкого — Е. С. Давыдовой, у которой находился впоследствии уничтоженный ею личный архив декабриста, был близко знаком профессор А. И. Маркевич. Дочь последнего — Е. А. Кашлякова рассказывала со слов отца: «В Сибири Трубецкой наравне со всеми декабристами мужественно переносил каторгу. Вместе с женою, роль и подвиг которой в его судьбе и судьбе его товарищей трудно переоценить, всячески помогал им и их семьям. Но дума «о тех пятерых», по неоднократному свидетельству его дочери (о чем я часто слышала от своего отца), никогда не покидала его, и невольно приходила в голову мысль, что, выйди он на площадь, он был бы шестым повешенным. Это усугубляло его страдания, что, естественно, передавалось и его близким. В своих долгих и откровенных беседах с Арсением Ивановичем Маркевичем Е. С. Давыдова не раз говорила об этом» [46].

Возможно, формально одинаковая ситуация, в которой оказались считавший себя случайно уцелевшим поэт и обвинявший себя в сознательном спасении диктатор, рождала схожие душевные переживания и мысли.

Преимущественное внимание к анализу пушкинской словесной записи существенно сказалось на степени изученности рисунков 38-го листа третьей масонской тетради. Впервые эти рисунки стали предметом специального исследования в трудах А. М. Эфроса, посвященных графике Пушкина. Рисунки поэта он рассматривал как «графический дневник... который надо уметь читать, как уже научились читать невероятные черновики его стихов». Полагая, что «пушкинский рисунок — дитя пауз и раздумий поэтического труда», А. М. Эфрос, как и его предшественники, видел ключ к расшифровке содержания упомянутого листа в дважды повторяющейся на нем стихотворной строке и устанавливал «следующий ход пера по листу»: «...первой была написана Пушкиным строка «И я бы мог, как шут на...»»; «...о том, что должно было следовать за этим и какое значение придавал Пушкин слову «шут» в том трагическом сопоставлении, какое дал рисунок виселицы, можно лишь гадать, но явственно, что строчка и рисунок, дважды повторенные, связаны между собой двойным повторением... Написавши начало строки, Пушкин зачеркнул «шут на» и стал искать другого сравнения и продолжения. Эта остановка разрешилась, как обычно, рисунком, первым

наброском виселицы. О такой последовательности возникновения и связи строки с рисунком свидетельствует еще то обстоятельство, что рисунок частично задевает по низу буквы уже написанных слов. Дальнейший процесс заполнения страницы шел, видимо, так: отступя немного от верхней виселицы, Пушкин вторично начал ту же строку, уже без сравнения с шутом, и написал: «И я бы мог», однако снова не нашел продолжения, задержался и стал чертить профили, покрывая ими все пространство вокруг брошенной полустроки; при этом от человеческих лиц стал переходить к полууродам, наконец, фантасмагорическим обликам... далее ассоциация повела к воспроизведению... стоящих, бегущих и пляшущих чертей и, наконец, от этой пляски переключилась снова в картину «пляски» тел на веревках виселицы и дала нижний рисунок казни, большего объема» [47].

Идеи и наблюдения А. М. Эфроса получили развитие в исследованиях Т. Г. Цявловской. Она также считала, что основой содержания 38-го листа явилось зарождавшееся стихотворное произведение, но «стихи не пошли». «Задумавшись, Пушкин рисует. Рисует дядю своего Василия Львовича Пушкина, добиваясь сходства, рисует его портрет за портретом. Большой портрет, в котором видят отца поэта, три портрета декабриста С. П. Трубецкого... Наверху страницы, выше портретов, Пушкин рисует виселицу с пятью повешенными, рисует вал, ворота... Рисунок этот упирается в строку «И я бы мог, как шут, ви[сеть?]». Контуры вала перечеркивают портреты. Ниже еще портреты... Покончив с портретами, поэт набрасывает пляшущие фигурки чертей, человечков. Затем уже рисует виселицу с пятью повешенными» [48].

Восстановленный Т. Г. Цявловской «ход пера по листу» отличается от реконструкции А. М. Эфроса иной последовательностью заполнения листа: написав наверху стихотворную строчку и зачеркнув в ней два последних слова, Пушкин вначале «набрасывает» мужские портреты, потом рисует верхний рисунок виселицы, вновь возвращается к портретам и заканчивает лист вторым, нижним рисунком виселицы. Что касается прочтения пушкинской строки Цявловской, то оно логически завершает и, казалось бы, подтверждает приведенную выше мысль Эфроса о структуре 38-го листа. Его выводы были следствием общего взгляда исследователя на природу пушкинского рисования. Характеризуя графику Пушкина, А. М. Эфрос писал: «Здесь нет двух раздельных существований, одного — литературного, другого — изобразительного, как у любого рисующего писателя. У Пушкина это неразъединимо. Текст и наброски взаимо обусловлены... Пушкинские рисунки держатся на тройной связи: они либо повторяют текст, либо дополняют его, либо отталкиваются от него» [49].

Однако рассматриваемый лист третьей масонской тетради представляет в этом отношении исключение: рисунки сделаны на

нем практически вне текста (только наверху страницы находится незаконченная строчка, чуть ниже вновь повторенная уже не в полном виде), основная часть его заполнена мужскими профилями, штрихом обозначенными человеческими фигурками, а наверху и внизу — двумя рисунками виселицы. Метод прочтения этого листа, предложенный А. М. Эфросом и принятый в литературе, во-первых, не учитывает возможную самостоятельность рисунков, рассматривая их лишь как графический комментарий к оставшемуся ненаписанным стихотворению Пушкина, во-вторых, полагает очевидным одновременное возникновение рисунков и текста и, в-третьих, предполагает одновременность заполнения листа рисунками.

Последнее допущение представляется особенно спорным. Достаточно сравнить верхний и нижний рисунки виселицы, чтобы убедиться в их различии (что, кстати, отмечено и самим А. М. Эфросом, объяснившим это тем, что «Пушкин, вернувшись еще раз к зарисовке, пытался внутренне непроизвольно, нагляднее и острее представить себе жуткую картину мучительной смерти людей, с которыми, как позднее признался он Николаю I при свидании-допросе после возвращения в Москву из ссылки, был бы вместе во время восстания» [50]): небрежность линий и неверно обозначенные детали в первом и предельная тщательность, продуманная композиция, поразительно точная, выполненная тонко отточенным пером и напоминающая чертежную прорисовка исторически достоверных подробностей во втором. Нижнее изображение в отличие от всех предшествующих на листе сделано в совершенно иной рисовальной манере, с приданием рисунку объема и глубины, не говоря уже о том, что никакой «картины» пляски «тел на веревках виселицы» здесь, разумеется, нет. Эти рисунки отражают качественно различные этапы работы, уровень осведомленности рисовальщика и, по всей видимости, имеют неодинаковое происхождение и назначение. Учитывая явно предварительный характер верхнего наброска виселицы, можно, очевидно, предположительно датировать его и, возможно, группу мужских профилей первыми днями пребывания Пушкина в Москве. Во всяком случае, они были сделаны раньше второго рисунка виселицы, помещенного внизу листа [51].

2

Нижний рисунок 38-го листа третьей масонской тетради, наиболее содержательный из всех, сделанных Пушкиным на тему казни декабристов, имел значение графического конспекта, каждая деталь-запись которого восстанавливала в памяти поэта ставшие известными ему достоверные сведения о 13 июля. В нем топографически точно, с соблюдением масштаба указано место виселицы — кронверкский вал вблизи ворот, ведущих в кронверк

с крепостной эспланады, где происходила гражданская казнь осужденных и где находились зрители *.

Виселица изображена на рисунке так, как если бы казнь наблюдали из толпы зрителей, собравшихся с внешней стороны кронверкского вала Петропавловской крепости. Считается, что информатором Пушкина в данном случае был Н. В. Путята [52]. Обратимся к истории его воспоминаний. В 1856—1859 гг. скульптор Н. А. Рамазанов, собирая материалы и «сведения от разных лиц» для работы над барельефами к памятнику Николаю I на Исаакиевской площади в Петербурге, перевел с французского (сам или с помощью переводчика) рассказ очевидца казни — немецкого историка И.-Г. Шницлера, служившего в 1823—1828 гг. в Петербурге домашним учителем [53]. Перевод этого рассказа Н. А. Рамазанов показал другому очевидцу — Н. В. Путяте, который внимательно прочел его и сделал только одно замечание: где говорилось о том, что М. П. Бестужев-Рюмин не мог держаться на ногах после падения с виселицы и «его взнесли», он поправил — «его взвели под руки». Вероятно, тогда же по просьбе Н. А. Рамазанова он и написал свои воспоминания, начав их фразой: «Этот рассказ Шницлера вполне верен» [54].

Все дело, однако, в том, что рассказ И.-Г. Шницлера, и в подлиннике содержавший ряд ошибочных сведений, в переводе Н. А. Рамазанова был и вовсе не верен. Укажем лишь на одну, особенно важную для нас в данном случае неточность перевода. Свидетельство И.-Г. Шницлера о том, что «25 июля начали устраивать... виселицу... на валу крепости, против неболь-

* По мнению А. Г. Петрова, место виселицы — на валу кронверка, рядом с восточными воротами, ведущими в кронверк с крепостной эспланады,— указано Пушкиным в рисунке, расположенном наверху листа. А в нижнем рисунке изображены «несомненно, западные ворота кронверка, другие, нежели на верхнем рисунке». На этом основании А. Г. Петров полагает, что нижний рисунок воспроизводит иную картину, показывая виселицу со стороны «западных ворот кронверка, от которых шла тогда дорога на Мытнинскую набережную Петербургской стороны и далее на Васильевский остров и остров Голодай» (*Петров А. Г.* Штрихи ложились на бумагу...— Пушкинский праздник, 1969, 30 мая — 6 июня, с. 19). С этим трудно согласиться. Верхний рисунок не является точным воспроизведением сцены казни, это лишь графический набросок с небрежно (и поэтому неверно) обозначенными деталями. Ворота в верхнем рисунке были пририсованы к валу позднее (линии ворот идут по валу, перечеркивая его) и получились очень узкими, с неправильной формы аркой и, главное, чересчур высокими, выше кронверкского вала. По данным чертежей и инженерных описаний, «высота вала кронверка равнялась высоте кронверкских ворот» (*Белобородов И. М.* Кронверк — место казни декабристов.— Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Сб. № 3. Л., 1958, с. 421). Именно такими, на уровне вала, изображены кронверкские ворота в нижнем рисунке. Различие в размере и форме ворот в данном случае не является указанием ни на то, что это разные ворота — восточные и западные, ни на то, что пушкинские рисунки дают вид виселицы с разных сторон — восточной и западной, но свидетельствуют лишь о разной степени точности и осведомленности рисовальщика.

шой деревянной церкви Св. Троицы, расположенной на берегу Невы», было переведено так: «13 (25) июля 1826 года близ крепостного вала, против небольшой и ветхой церкви Св. Троицы, на берегу Невы, начали устраивать виселицу» [55] (разрядка наша.— *Г. Н.*). Нетрудно убедиться, насколько рисунок Пушкина, предельно точно фиксирующий место виселицы, далек от этого описания.

Источником сведений о месте виселицы, как это непреложно следует из ее изображения в рисунке Пушкина, мог быть только очевидец. Казнь декабристов происходила на виду у многочисленных зрителей, собравшихся вблизи кронверкского вала. Бóльшая часть их находилась на крепостной эспланаде, другие стояли на ближней площадке Троицкого моста. Слухи о приведении в исполнение смертного приговора «бунтовщикам» распространялись еще во время работы Следственной комиссии. Так, 8 января 1826 г. в записной книжке А. И. Сулакадзева появилась запись: «...сказывают, что на Волковом поле расстреляли пять бунтовщиков...» [56] Семинарист Владимирской-на-Клязьме семинарии записал в дневнике 20 февраля: «На нынешней неделе некоторые гвардейские роты при параде среди С.-Петербурга расстреливали пятерых бунтовщиков по высочайшему повелению. Троих из них объявлены и фамилии, а именно Бестужева, Рылеева и Трубецкого» [57]. 23 июня появился слух, что «преступников будут вешать» [58]. «В июле 1826 года,— вспоминал Н. С. Щукин,— вдруг сделалось известно, что завтра будут казнить заговорщиков. Многие этому не поверили. Как, говорили, смертная казнь уничтожена! Другие подтверждали, что нет положительного указа об уничтожении этой казни, а самодержавие может делать все» [59]. По словам Н. В. Путяты, «накануне казни носились о приготовлении к ней глухие слухи». Одни говорили, что «вешать будут на площади, где они бунтовались», другие утверждали, что казнь «будет происходить на Волковом поле», но точно «никто, или почти никто, не знал ни о месте, ни о времени экзекуции» [60]. О предстоящей казни были осведомлены только высшие чины государства. Флигель-адъютант Н. Д. Дурново записывал в свой дневник 12 июля 1826 г.: «Завтра будет казнь. Вечером — у Закревского и Татищева. Всюду только и говорят, что о завтрашнем событии» [61]. Последнее утверждение вызывает, впрочем, сомнение. Так, адъютант генерала А. А. Закревского, Н. В. Путята, не был осведомлен о казни, не смог он узнать «ничего положительного о предстоящем событии» и у Н. А. Муханова, адъютанта петербургского генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова [62].

Люди пришли ночью 13 июля 1826 г. к крепости либо, как О. А. Пржецлавский и Парчевский, узнав «об этом случайно», либо, как Н. В. Путята и Неклюдов, «влекомые каким-то безотчетным, тревожным любопытством», либо, как «отставной военный» Артемьев, имевший собственный дом «близ церкви

Троицы», привлеченные стуком топоров и оркестром л.-гв. Павловского полка, игравшим марши во время экзекуции[63]. По свидетельству А. Е. Розена, «народу, зрителей было мало, только около входа в крепость пред подъемным мостом толпилась куча небольшая». О том, что «народа было немного», сообщают также С. П. Трубецкой, Н. И. Лорер, М. А. Бестужев, Д. И. Завалишин, Н. Р. Цебриков[64]. А. М. Муравьев, напротив, отмечал, что «к казни на площадь собралось много народа». О. А. Пржецлавский, находившийся на площадке Троицкого моста, вспоминал, что в начале экзекуции «посторонних зрителей было очень немного: не более 150—200», но в пятом часу утра «из города и с Петербургской стороны собралось не мало зрителей»[65]. Достоверность этого свидетельства подтверждают запись в «Дневнике» Марии Федоровны, сделанная со слов непосредственного участника событий генерал-адъютанта А. И. Чернышева 17 июля 1826 г. («Толпа не была велика, но она увеличилась к концу казни»), и сообщения из Петербурга корреспондентов французских газет «Journal de Paris», «Quotidiènne» и «Moniteur universel»: «1200—1500 человек... собрались на обширной площади и были очевидцами исполнения приговора»[66]. А начальник кронверка В. И. Беркопф вспоминал, что, когда казнь совершилась, «было уже... светло, и народу собралось вокруг тьма-тьмущая»[67]. Итак, количество зрителей у крепости все время возрастало, и к моменту смертной казни их число намного превосходило те «150—200» человек, которых видели и впоследствии указали на то в своих мемуарах декабристы, выходившие из крепости на гражданскую казнь.

Зрители, собравшиеся около крепости, принадлежали к различным слоям общества. Н. В. Путята вспоминал, что зрители состояли «большей частию из жителей окрестных домов, сбежавшихся на барабанный бой». Агент III Отделения доносил: «Народа было немного, черни в соразмерности гораздо менее, нежели людей порядочных». А. Я. Булгаков записал в свой дневник со слов очевидцев: «Зрителей было не так много из высших классов, но много черни, которая казалась весьма озлобленною...»[68] Противоречивые свидетельства о социальном составе зрителей объясняются тем, что люди стояли не одной толпой, а несколькими группами.

Об одной из таких групп становится известно из донесения агента III Отделения, которое он выразительно озаглавил «13-го июля. Замечания в кругу литераторов и журналистов»[69]. О другой группе сохранилось свидетельство В. С. Толстого, который, читая «Записки декабриста» А. Е. Розена, над его словами — «толпилась куча небольшая» — надписал: «чиновников»[70]. О третьей вспоминал Н. Р. Цебриков: «Нам хорошо было видно, что на Троицком мосту довольно много было дам, из которых очень многие плакали. Это были жены и родственники пострадавших». На полях рукописи Н. Р. Цебрикова к этому месту сделана при-

писка неизвестной рукой: «Я сам в тот день был на Троицком мосту и смею ручаться, что ни одной дамы на нем не было и никто не плакал, да и не смел бы плакать»[71]. Однако корреспондент французской газеты «Moniteur universel», специально собиравший сведения о подробностях исполнения приговора, сообщал из Петербурга 24 августа 1826 г.: «Среди жен осужденных присутствовавшие при экзекуции заметили княгиню Трубецкую и Муравьеву, которые обратились с просьбой и получили, из уважения к их возрасту и происхождению, позволение следовать за своими мужьями в те печальные места, где им назначено провести остаток их жизни»[72].

О следующей группе зрителей упоминает в своих «Записках» И. Д. Якушкин: «На кронверке стояло несколько десятков лиц, большею частью это были лица, принадлежавшие к иностранным посольствам»[73]. Это свидетельство подтверждается целым рядом фактов. Например, прусский государственный деятель и писатель К. А. Фарнгаген фон Энзе, внимательно следивший за событиями в России, в своем дневнике приводит рассказ графа фон Редерна, который в 1826 г. был кавалером прусского посольства в Петербурге, и замечает: «...он, как очевидец, рассказывает о происходивших в Петербурге казнях»[74] (разрядка наша.— *Г. Н.*). В 1843 г. «очевидец событий», «человек, близкий к посольству Франции в Петербурге во времена смерти императора Александра», рассказал о казни декабристов А. де Кюстину. Этот рассказ опубликован во втором издании его записок «Россия в 1839 году», вышедшем на французском языке в Брюсселе в 1844 г. По мнению французского историка М. Кадо, человеком, от которого А. де Кюстин услышал рассказ о казни, был, вероятно, тогдашний посол Франции в Петербурге П. Л. де Лаферроннэ[75]; его семью близко знал живший в России в 1819—1829 гг. «учитель фехтования» О. Гризье[76]. Рассказ О. Гризье о казни декабристов, литературно обработанный в романе его друга А. Дюма «Учитель фехтования, или Восемнадцать месяцев в С.-Петербурге»[77], подтверждает осведомленность дипломатического корпуса о событиях 13 июля. «23 июля (т. е. 11 июля по русскому календарю.— *Г. Н.*) вечером,— рассказывал О. Гризье,— ко мне пришел один молодой француз, мой давний школьный товарищ, причастный к миссии маршала Мармона... Он прибежал мне сказать, что маршал и его свита только что получили от де Лаферроннэ приглашение явиться завтра в 4 часа утра во французское посольство... не было никакого сомнения, что для присутствия на экзекуции»[78]. Этим «молодым французом», предупредившим О. Гризье о предстоящей казни, мог быть стоявший в толпе зрителей вместе с Н. В. Путятой французский офицер Де-ла-Рю. Источниками информации для О. Гризье, возможно, были также учившиеся у него искусству фехтования сын французского посла Ш. де Лаферроннэ и А. И. Чернышев[79]. Таким образом, присутствие дипломатов среди зрителей на крепостной

эспланаде можно считать установленным*. Оно, кстати, объясняет и осведомленность иностранной печати о подробностях исполнения приговора. Впрочем, информация о казни декабристов поступала на Запад не только по дипломатическим каналам. Сохранилось письмо американца Д. Ингерсона от 16 июля 1826 г., отправленное в США эсквайру Д. Сэвейджу с неким Иваном Мотовазовым. В письме, к которому были приложены «Донесение» Следственной комиссии и «Доклад» Верховного уголовного суда, Д. Ингерсон, со слов очевидцев, подробно рассказал об исполнении приговора (однако в американской прессе сообщений такого рода не появилось) [81].

Наконец, очевидцами казни были находившиеся между зрителями и кронверкским валом батальоны и эскадроны, составленные из взводов от каждого полка гвардейского корпуса, в которых проходили службу осужденные по делу 14 декабря. На эспланаду Петропавловской крепости были выведены сводный кирасирский эскадрон из взводов кавалергардского, л.-гв. Конного и лейб-кирасирского полков; сводный эскадрон легкой кавалерии из взводов л.-гв. уланского, гусарского полков и 1-го коннопионерного эскадрона; два сводных пехотных батальона из взводов л.-гв. Преображенского, Московского, Семеновского, гренадерского, Измайловского, Павловского, егерского и Финляндского полков; сводная батарея от гвардейской артиллерии из шести орудий [82]. Из приказа по гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г. устанавливается, что на крепостной эспланаде в три часа утра 13 июля 1826 г. было построено 22 взвода, составивших 11 сводных рот, т. е. около 2 тыс. штыков (не считая артиллерии, конвоя и оркестра л.-гв. Павловского полка, барабанщиков, «флейтщиков» и горнистов при каждом батальоне и эскадроне). Каждый взвод прибыл со своим командиром. При сводных батальонах и эскадронах находились обер-офицеры и старшие полковые адъютанты. Войсками командовали генералы А. Л. Воинов, А. И. Чернышев, К. И. Бистром, И. О. Сухозанет, С. Ф. Апраксин, А. А. Чичерин, Г. Б. Кравстрем, Е. А. Головин [83].

Во второй половине июля 1826 г. дипломатический корпус и чрезвычайные иностранные миссии, а также высший генералитет, штаб и обер-офицеры гвардейского и других корпусов армии [84] прибыли в Москву для участия в церемонии коронации Николая I. Таким образом, в Москве осенью 1826 г. находилось большинство очевидцев и непосредственных участников событий 13 июля. Это обстоятельство также должно быть учтено при определении возможных источников информации Пушкина о каз-

---

* Этот круг возможных очевидцев был достаточно широк: персонал аккредитованных при русском дворе представительств двадцати четырех иностранных держав и прибывшие в Петербург в связи с коронацией русского императора чрезвычайные послы Франции, Англии, Австрии, Пруссии, Швеции и Норвегии, Папской области и Сардинского королевства, сопровождаемые многочисленными свитами [80].

ни декабристов. Французский поэт и драматург Ж.-Ф. Ансело, находившийся в России в составе миссии маршала О.-Ф. Мармона с апреля 1826 г., во время коронационных торжеств мог услышать и записать рассказ о казни декабристов, который был опубликован в его книге «Шесть месяцев в России», составленной в виде писем путешественника на родину и вышедшей двумя изданиями в 1827 г.[85] Очевидцем казни, судя по всему, Ж.-Ф. Ансело не был, и источники его рассказа неизвестны. Но по камер-фурьерскому журналу установлено, что 9 сентября 1826 г., т. е. на другой день после Пушкина, Ж.-Ф. Ансело имел аудиенцию у Николая I[86]. И рассказ о казни помещен Ж.-Ф. Ансело в письме, помеченном сентябрем 1826 г. Совпадение по времени аудиенции и письма с рассказом о 13 июля наводит на мысль, что сведения о казни декабристов Ж.-Ф. Ансело мог, в частности, получить от Николая I, подобно тому как позднее, в 1839 г., другой французский путешественник, маркиз А. де Кюстин, услышал от самого императора и записал рассказ о восстании 14 декабря 1825 г.[87]

В письме П. А. Вяземскому из Пскова от 27 мая 1826 г. А. С. Пушкин писал: «Читал я в газетах, что Lancelot в П.[етер] Б.[урге]... читал я также, что 30 словесников давали ему обед *. Кто эти бессмертные? Считаю по пальцам и не досчитаюсь. Когда приедешь в П.[етер] Б.[ург], овладей этим Lancelot, (которого я ни стишка не помню) и не пускай его по кабакам отечественной словесности»[88]. Если Вяземский не сумел «овладеть» Ж.-Ф. Ансело в Петербурге, то вместе с Пушкиным они могли это сделать в Москве в сентябре 1826 г. Хотя в книге воспоминаний Ж.-Ф. Ансело и есть упоминание о Пушкине как о «молодом и талантливом поэте»[90], этот отзыв, однако, не позволяет еще предположить факт их знакомства. Но рассказ о казни декабристов в записи Ж.-Ф. Ансело был известен Пушкину: книга «Шесть месяцев в России» (Bruxelles, 1827) сохранилась в библиотеке поэта, а заметка о ней содержится в его статье «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанной в «Северных цветах на 1828 год»[91].

29 сентября 1826 г. на квартире Вяземского Пушкин познакомился с чиновником Московского архива Министерства иностранных дел А. Я. Булгаковым. «Он читал у Вяземского свою трагедию «Борис Годунов», которая объемлет всю его жизнь. Он шагает по-шекспирски»,— писал А. Я. Булгаков о своей встрече с Пушкиным в Петербурге в письме к брату К. Я. Булгакову 5 октября 1826 г.[92] Петербургского почтдиректора К. Я. Булгакова Пушкин знал еще до своей ссылки: они познакомились в марте 1820 г. у А. И. Тургенева. А. Я. Булгаков был весьма

* А. С. Пушкин имел в виду появившееся в «Северной пчеле» 15 мая 1826 г. сообщение о прибытии в «здешнюю столицу» Ж.-Ф. Ансело и помещенное в этой же газете 20 мая 1826 г. описание обеда, устроенного в его честь петербургскими «литераторами и любителями словесности»[89].

осведомленным человеком, проявлявшим интерес «до всего достопримечательного в политике, в искусстве, в словесности». Осенью 1826 г. он работал над составлением описания событий междуцарствия, восшествия на престол Николая I, процесса по делу 14 декабря 1825 г. для задуманной им политической хроники «Современные записки», а во время коронации он был занят устройством в Москве дипломатического корпуса и чрезвычайных иностранных миссий, прибывших на церемонию [93]. Эти два обстоятельства заставляют отнестись со вниманием к новому знакомому Пушкина: Булгаков мог явиться источником ценных исторических сведений для него и, кроме того, имел возможность существенно расширить круг московского общения поэта за счет очевидцев интересовавших его событий.

Из материалов «Современных записок» А. Я. Булгакова выясняется, что в Москву на коронационные торжества прибыли 105 дипломатов и 12 иностранных путешественников. Только чрезвычайная миссия Пруссии и, возможно, английское посольство находились в резиденции Николая I, все остальные были размещены А. Я. Булгаковым по частным домам, вполне доступным Пушкину. Более того, дипломатическая миссия Вюртембергского королевства остановилась в доме П. А. Вяземского, а миссия австрийского посланника — в доме М. И. Римской-Корсаковой, куда также был вхож А. С. Пушкин [94].

Н. В. Путята «заметил» на крепостной эспланаде 13 июля 1826 г. «французского офицера Де-ла-Рю, только что прибывшего в Петербург в свите маршала Мармона». Следующая фраза в воспоминаниях Н. В. Путяты: «Де-ла-Рю был школьным товарищем Сергея Муравьева-Апостола в каком-то учебном заведении в Париже, не встречался с ним с того времени и увидел его только на виселице» [95] — позволяет предположить, что он познакомился с французским офицером, и между ними произошел разговор. Но где? Из записей А. Я. Булгакова устанавливается, что в составе чрезвычайного французского посольства, прибывшего в Москву и остановившегося в доме А. Б. Куракина, действительно находился барон де Ларю [96], встреча которого с Н. В. Путятой в Москве была вполне возможна. Столь же возможны встречи и общение с иностранными дипломатами осенью 1826 г. и А. С. Пушкина (при посредничестве А. Я. Булгакова, П. А. Вяземского, М. И. Римской-Корсаковой, Н. В. Путяты).

Среди собранных А. Я. Булгаковым для его «Современных записок» сведений о процессе декабристов содержится, в частности, записанный им со слов «сведущих» людей рассказ о казни 13 июля. Один из источников этого рассказа А. Я. Булгаков называет: «сказывал мне» «присутствовавший при сем зрелище генерал-адъютант Бенкендорф...» [97]

Личность руководителя III Отделения и шефа корпуса жандармов А. Х. Бенкендорфа, по свидетельству барона М. А. Корфа, «нисколько не позволяла предполагать, чтобы у него, если б

и нашелся досуг, достало охоты, терпения, а в некоторой степени даже и способностей класть на бумагу обильный запас впечатлений и воспоминаний». К общему удивлению, после смерти Бенкендорфа в 1844 г. «при разборе бумаг его неожиданно нашлась книга толстых тетрадей, писанных его рукой и содержавших в себе его записи». Эти мемуары были представлены Николаю I, который прочел их с «большим любопытством». Сведения о казни декабристов, записанные А. Я. Булгаковым, по его свидетельству, со слов Бенкендорфа, дословно повторяют сообщаемые последним в его оставшихся неопубликованными воспоминаниях подробности о событиях 13 июля 1826 г. Однако Булгаков записал, очевидно, не весь услышанный им рассказ Бенкендорфа, в «Записках» которого содержится по-военному точное указание местонахождения виселицы: «Виселица для них была приготовлена на вале тет-де-пона» [98], т. е. на предмостном укреплении кронверкского вала.

Именно так изображена виселица и на рисунке А. С. Пушкина. Это обстоятельство позволяет предположить возможность знакомства Пушкина со свидетельством Бенкендорфа в передаче Булгакова и, следовательно, с рассказами других «сведущих» людей, на которых ссылался А. Я. Булгаков в своих «Современных записках»,— очевидно, представителей дипломатического корпуса и должностных лиц, присутствовавших при казни. Но А. Х. Бенкендорф не уточняет, в какой части предмостного укрепления была воздвигнута виселица, в то время как у Пушкина виселица стоит на конце предмостного укрепления вала, рядом с восточными воротами кронверка. Достоверность и точность пушкинского рисунка подтверждаются свидетельствами декабриста В. С. Толстого («виселица стояла на валу у ворот кронверка») и очевидца казни чиновника Н. С. Щукина («виселица была поставлена на конце вала») [99].

Исторический анализ рисунка Пушкина убеждает в том, что, каким бы широким и многообразным ни был круг возможных источников и какой бы содержательной ни была информация о 13 июля, полученная Пушкиным в Москве, точно установить место виселицы он мог только в результате тщательного сопоставления и изучения различных свидетельств, ибо ни в одном из сохранившихся рассказов очевидцев или свидетельств, составленных с их слов, нет столь определенного, топографически точного описания места казни, как в пушкинском рисунке.

18 апреля 1828 г., в день преполовения (среда на третьей неделе после пасхи), А. С. Пушкин отправился в Петропавловскую крепость вместе с П. А. Вяземским, который писал жене: «Сегодня праздник Преполовения, праздник в крепости. В хороший день Нева усеяна яликами, ботиками и катерами, которые перевозят народ... Мы садимся с Пушкиным в лодочку... пошли бродить по крепости и бродили часа два... Много странного и мрачно- и грознопоэтического в этой прогулке по крепостным

валам и по головам сидящих внизу в казематах... Все это послужить может для любопытной главы в записках наших...»[100] У Вяземского сохранился черный деревянный ящичек с пятью рубленными топором сосновыми щепками, к крышке которого прикреплена записка: «Праздник Преполовения за Невой. Прогулка с Пушкиным. 1828-ой год»[101]. П. А. Вяземский запечатал ящичек своей печатью, очевидно придавая этому свидетельству посещения Петропавловской крепости особое значение, смысл которого лишь угадывается по месту прогулки и количеству подобранных в крепости деревянных щепок.

В мае 1836 г. Пушкин показал место казни декабристов приехавшей в Петербург «кавалерист-девице» Н. А. Дуровой. «С ужасом и содроганием отвратила я взор свой от места, где несчастные приняли достойно заслуженную ими казнь...— писала она.— Александр Сергеевич указал мне его»[102].

3

Следующая графическая запись пушкинского рисунка: веревка второго повешенного крепится не на крюке, как у остальных, а взахлест, несколькими четко обрисованными параллельными витками обвивая перекладину. В большинстве мемуарных свидетельств о казни содержится описание того ужасного момента, когда трое повешенных сорвались и, проломив тяжестью тел дощатый настил эшафота, упали в яму под виселицей.

Описания случившегося весьма противоречивы, и в них изложены различные версии. По одной из них, причиной падения с виселицы явились незатянувшиеся веревочные петли («когда оттолкнули скамейку, то головы... осужденных просунулись вниз сквозь незатянувшиеся петли»[103]). Достоверность версии о «соскользнувших веревках» сомнительна. По мнению И. Д. Якушкина, «неудача казни произошла от того, что за полчаса перед тем шел небольшой дождь, веревки намокли, палач не притянул довольно петлю, и когда он опустил доску, на которой стояли осужденные, то веревки соскользнули с их шеи»[104]. Однако, по словам одного из очевидцев, «помощника квартального надзирателя», утро 13 июля выдалось теплое и ясное, «погода была чу́дная»[105]. По официальному же «наблюдению погоды», было «пасмурно и дождик»[106]. «Дождик», впрочем, едва ли мог явиться причиной неудачи: начальник кронверка В. И. Беркопф смазывал веревочную петлю «салом, чтобы она плотнее стягивалась». По словам того же Беркопфа, осужденным «надевали петлю сперва, а потом белый колпак». И наконец, если бы веревки просто «соскользнули» с повешенных или «сорвались» с перекладины, как предположил Горбачевский[108], то для повторного повешения не потребовались бы новые веревки, за которыми, по свидетельству начальника кронверка, «послали в ближние лавки, но все было заперто, почему исполнение казни еще промедли-

лось»[109]. Это показание В. И. Беркопфа подтверждают неизвестный очевидец, «присутствовавший по службе при казни», Н. Д. Дурново, а также О. Гризье и М. И. Муравьев-Апостол[110]. Впервые версия о «соскользнувших» веревках встречается в записках Ж.-Ф. Ансело[111] и имеет, возможно, официальное происхождение. Впоследствии она была закреплена в литературе авторитетом И.-Г. Шницлера, который писал в своем рассказе о казни: «Ужасное зрелище представилось зрителям. Плохо затянутые веревки соскользнули по капюшонам, и несчастные попадали вниз в разверстую дыру, ударяясь о лестницы и скамейки»[112]. Эта версия встречается только в свидетельствах очевидцев из числа зрителей и в мемуарах декабристов.

По второй версии, наиболее распространенной, считается, что «оборвались веревки». Отметим, что именно эта версия и зашифрована в рисунке А. С. Пушкина: ее графическим признаком является то, что веревка второго повешенного изображена более длинной, чем у других. Длина веревки, подчеркнутая рисовальщиком несколькими витками вокруг перекладины, обозначает, что это другая веревка, использованная при повторном повешении. Аргументация этой версии, признанной Пушкиным достоверной, нам неизвестна: в рисунке она не отражена. Однако ее можно восстановить по сохранившимся мемуарным свидетельствам. По мнению В. И. Беркопфа, веревки оборвались потому, что «преступники были обременены самыми тяжелыми кандалами»[113]. Н. Р. Цебриков полагал, что «были веревки гнилые или от неумения палачей все это произошло»[114]. Н. А. Бестужев и М. С. Лунин тоже думали, что «неумение или смятение палачей продлило мучения осужденных»[115]. Императрица Мария Федоровна записала в своем дневнике со слов А. И. Чернышева, что все произошло по вине палача, который «взял... слишком тонкую веревку»[116].

Попытки объяснить обрыв веревок «тяжестью» кандалов, «неумелостью» палачей или тем, что веревки были «гнилые» или «тонкие», выглядят неубедительно. Известно, что днем 12 июля генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов в С.-Петербургской городской тюрьме репетировал казнь, бросая «мешки с песком в восемь пудов на тех самых веревках, на которых должны были быть повешены преступники, одни веревки были тоньше, другие толще». «Удостоверясь лично в крепости веревок», Голенищев-Кутузов «определил употребить веревки тоньше, чтобы петли скорей затянулись»[117]. Крепость веревок испытывалась и тогда, когда виселица была уже установлена на валу кронверка. И. Д. Якушкин вспоминал: «Вышедши из крепости, мы увидели влево что-то странное и в эту минуту никому не показавшееся похожим на виселицу. Это был помост, над которым возвышались два столба; на столбах лежала перекладина, а на ней висели веревки. Я помню, что когда мы проходили, то за одну из этих

веревок схватился и повис какой-то человек»[118]. «Помощник квартального надзирателя» утверждал, что «никаких кандалов не было», и справедливо недоумевал, рассказывая о казни редактору «Русского слова» Н. А. Благовещенскому: «Ну, сам посуди, веревки были одинаковые и крепкие, их перед этим пробовали, отчего же не сорвались ни Пестель, ни Каховский?»[119]

Обратимся к фактам. Виселица изготовлялась в С.-Петербургской городской тюрьме. Ее строили архитектор Х. И. Герней и военный инженер Матушкин под надзором старшего полицмейстера Н. Н. Посникова. Вечером 12 июля виселица была разобрана «по частям» и «в разное время от 11 до 12 часов ночи» была отправлена на шести подводах из городской тюрьмы через Троицкий мост в кронверк. Но к месту назначения прибыли «только пять возов, шестой, главный, где находилась перекладина... пропал». Поэтому срочно пришлось «делать другой брус»[120]. К работе могли быть привлечены рабочие из инженерной команды Петропавловской крепости. Неизвестный очевидец, пришедший на эспланаду крепости до начала гражданской казни — «в половине 2-го часа утра» — и стоявший «близ мостика, ведущего к крепостным воротам», вспоминал: «Вдали на возвышенном месте крепостного вала... поставлена виселица, на которой пять человек палачей, в черных одеждах, прикрепляли веревки»[121]. Эти «5 человек» и были, вероятно, упоминаемые Н. С. Щукиным «плотники», которые поставили «два столба» и «на них положили перекладину»[122].

Единственно возможным предположением, вытекающим из анализа всех сохранившихся источников и объясняющим обрыв веревок у троих повешенных, является вывод о том, что веревки могли быть перерезаны в надежде на помилование осужденных рабочими, привлеченными со стороны для установки виселицы ночью 13 июля. Если учесть общее настроение, царившее в обществе во время процесса над декабристами, и особенно сочувственное отношение к заключенным со стороны обслуживающего персонала Петропавловской крепости, то это предположение не покажется неправдоподобным. Во время следствия и суда многие считали, что «все делается для того, чтобы поразить умы»[123]. Большинство современников были убеждены, что император в политических интересах отдаст предпочтение милосердию, так как «при всяком восшествии на престол милость гораздо благоразумнее строгости»[124]. Источником таких настроений в значительной степени был сам Николай I, публично успокаивавший родственников заключенных и вселявший в них уверенность в благополучном исходе дела[125]. Узнав о приговоре Верховного уголовного суда, П. А. Вяземский писал жене 17 июля 1826 г. из Ревеля: «Ты знаешь, я не очень доверчив к надеждам и всегда более склонен подозревать в худом, но, признаюсь, я не ожидал такой решимости в мерах»[126]. «Никто не ожидал смертной казни,— отмечал А. И. Кошелев.— Во все царствование Александра I не

было ни одной смертной казни, и ее считали вполне отмененною»[127]. «Как говорят многие,— записал в свой дневник А. Я. Булгаков,— пролить кровь ста двадцати человек? Да есть ли это милосердие бога?»[128]

В обществе усиленно распространялись слухи о предстоящем помиловании. Утверждали, что Николая I «долго не могли уговорить о виселице» и с «искренним горем государь подписывал... приговор, говоря: «Каких я и Россия теряем людей превосходных, увлекшихся духом времени»»[129]. «9 июля поздно вечером», накануне высочайшего утверждения приговора Верховного уголовного суда, Николай I говорил действительному статскому советнику Ф. П. Опочинину, «что в своей конфирмации он удивит всех своим милосердием»[130]. Во время процесса «подследственным» говорили: «Мы уверены, что по раскрытию всего дела будет объявлена всеобщая амнистия»[131]. Солдаты в Петропавловской крепости, по свидетельству С. П. Трубецкого, «уверяли» заключенных: «...все хорошо для нас кончится... в бывшем 14 декабря происшествии сам император с главными лицами виноват, и ему нельзя нас наказать»[132]. Сохранился рассказ П. Е. Анненковой, услышанный ею, очевидно, в Сибири: «Когда сделалось известным более или менее, к чему будут приговорены заключенные, тогда Фонвизина и, кажется, Давыдова, переодетые, отправились пройтись по стене, окружающей крепость... Так как они были одеты в простое платье, то часовые не обратили на них внимания. Они, держась на известном расстоянии, стали как будто перекликаться, и наконец Фонвизина прокричала: «Les sentences seront terribles, mais les peines seront commuées» («Приговор будет ужасен, но наказание будет смягчено»). В ответ на эти слова разнесся страшный гул по казематам. Узники отвечали: «Merci»»[133].

Во время объявления приговора в комендантском доме к И. Д. Якушкину подошел протоиерей Казанского собора П. Н. Мысловский, приписанный к заключенным декабристам в качестве духовника, «отозвал... в сторону и сказал: «Вы услышите о смертном приговоре, не верьте, чтобы свершилась казнь»». «...Слова Мысловского,— писал Якушкин,— уверили меня, что смертной казни не будет. Большая часть из нас была в той же уверенности»[134]. Вечером 12 июля 1826 г. в кронверкской куртине, где находились приговоренные к смерти, по свидетельству Н. Р. Цебрикова, было «поразительно» тихо. «Солдаты, прислуживавшие в номерах, чтоб не прерывать эту тишину, ходили на цыпочках. Они плакали». П. Н. Мысловский впоследствии говорил С. П. Трубецкому, что, находясь у виселицы, «он ежеминутно ожидал гонца о помиловании, и, к крайнему своему удивлению, тщетно»[135]. «Никто не верил тогда,— вспоминал Д. Д. Оболенский,— что смертная казнь будет приведена в исполнение, и, будь жив Карамзин, ее бы и не было,— в этом убеждены были все современники»[136].

«Невольный ужас», которым, по свидетельству агента III Отделения, «были объяты все присутствовавшие»[137], и наивная вера в милосердие монарха психологически объясняют состояние мастеровых, действовавших в надежде на помилование, ожидаемое, по преданию, сорвавшихся с виселицы во время экзекуции. Именно как знак помилования было воспринято падение повешенных и зрителями. Неизвестный автор статьи о «петербургской казни» в «Journal de Paris» либо по собственным впечатлениям, либо со слов очевидцев писал: «Был дан сигнал к казни, и три веревки оборвались; в этот момент все подумали, что это был прием, использованный для того, чтобы помиловать тех осужденных, которые сорвались»[138]. П. Л. де Лаферроннэ рассказывал А. де Кюстину: «Забил барабан, и скамью выдернули из-под ног преступников; в то же мгновение три веревки оборвались... Люди, присутствовавшие при этой мрачной сцене, заволновались, их сердца забились от радости и благодарности при мысли, что император применил этот способ для того, чтобы согласовать чувство гуманности с политическим долгом»[139]. По словам декабриста М. М. Нарышкина (в записи С. Ф. Уварова, племянника М. С. Лунина), «Бенкендорф, видя, что принимаются снова вешать этих несчастных, которых случай, казалось, должен был освободить, воскликнул: «Во всякой другой стране...» — и оборвал на полуслове»[140].

Об этих подробностях знал и не мог не размышлять А. С. Пушкин. П. А. Вяземский писал в уже цитировавшемся письме к жене из Ревеля: «Народ говорил, что, видно, бог не хочет их казни, что должно остановить их, но барабан заглушил вопль человечества, и новая казнь совершилась». Очевидцы утверждали, что веревки оборвались у тех, кто приготовился к смерти как «истинный христианин»: «...они исповедовались и раскаялись от чистого сердца. Бог их миловал»[141]*.

Косвенным подтверждением высказанного предположения может служить также то обстоятельство, что ответственность за неудачу при исполнении смертного приговора была возложена не на Н. Н. Посникова, отвечавшего за доставку виселицы из тюрьмы в кронверк, не на полицмейстера М. Ф. Чихачева, в ведении которого находились палачи и охрана, а на военного инженера Матушкина, под надзором которого устанавливалась виселица на кронверкском валу. По свидетельству Н. А. Рамазанова, Матушкин «за неисправность виселицы был разжалован в солдаты на одиннадцать лет». Впоследствии он снова был произведен в офицеры и «сам рассказывал обо всем случившемся с ним вице-президенту Петербургской медицинской хирургической академии И. Т. Глебову»[142].

---

* В этом же ряду фактов находится и исчезновение подводы с основной частью виселицы — перекладиной, которое следует, очевидно, рассматривать как возможную попытку преднамеренной задержки исполнения приговора перед ожидаемой монаршей милостью.

Исторический комментарий к изображению второго повешенного в рисунке Пушкина следует дополнить еще одним наблюдением: ни в одном из имеющихся источников не указан способ крепления веревки для повторного повешения (взахлест через перекладину), об этом можно «прочесть» только в пушкинском рисунке. То, что этот способ показан Пушкиным над одним повешенным, а не над всеми тремя, сорвавшимися во время казни, объясняется знаковым характером графики. В данном случае зафиксированы лишь причина падения с виселицы и способ крепления новой веревки.

Стремление Пушкина-историка зафиксировать все, даже такие, казалось бы, второстепенные, ускользнувшие от внимания большинства очевидцев подробности казни, позволяет с доверием отнестись к другой «записи» рисунка: в верхнюю перекладину виселицы вбиты железные крюки. Сохранилось лишь одно описание устройства перекладины, данное «со слов присутствовавшего по службе при казни» и опубликованное в «Полярной Звезде» в 1861 г. Неизвестный свидетель сообщал о том, что перекладина была с «железными кольцами» и что после ее исчезновения стали делать другую перекладину и «кольца»[143]. Обе версии, впрочем, могут быть достоверными в равной степени: вполне возможно, специальных железных колец не нашли и употребили для этой цели обычные железные крюки. К тому же «законспектированные» в рисунке Пушкина сведения об устройстве виселицы, и в частности о способах крепления веревок на перекладине, могли быть получены им только от очевидцев из числа должностных лиц, находившихся в момент казни у виселицы.

4

Замысел и логика пушкинского рисунка как системы конспективных графических знаков предполагают, что в нем содержится практически вся информация о казни, имевшаяся в тот момент у Пушкина. Если это так, то кроме записи о втором повешенном в рисунке непременно должна быть информация и о сорвавшихся с виселицы. Пушкин не мог не знать, что их было трое. Только О. А. Пржецлавский, видевший казнь «издалека», «при помощи биноклей», декабристы Н. В. Басаргин, Д. И. Завалишин, А. М. Муравьев, С. П. Трубецкой и Н. Р. Цебриков, получившие сведения из вторых рук, а также Б. Я. Княжнин, рассказ которого дошел до нас в записи помещика И.-К.-И. Руликовского, утверждают, что сорвавшихся было двое[144]. Все остальные мемуаристы определенно говорят о трех сорвавшихся*. Эта информация содержится в рисунке А. С. Пушкина: повешенные

* Исключение составляет «неизвестный очевидец», утверждавший, что с виселицы «оборвались» «все пятеро» повешенных (Казнь декабристов [извлечение из частного письма от 16 июля 1826 г.].— Древняя и новая Россия, 1880, № 3, с. 624).

изображены в различных состояниях (фигуры по краям даны в состоянии покоя, неподвижности, а три фигуры посередине находятся в состоянии движения). На разную прорисовку тел повешенных в рисунке обратил внимание еще А. М. Эфрос, который отмечал: «Левый висит мешком, у второго еще движутся ноги, третий и четвертый — в конвульсиях, пятый неподвижен» [145]. Состояние движения, столь явно «читаемое» в изображении трех фигур посередине, может рассматриваться как указание на то, что именно эти повешенные сорвались с виселицы во время казни.

При выяснении вопроса о том, кто из пяти декабристов сорвался с виселицы и должен был пережить мучительную вторую казнь, А. С. Пушкину пришлось столкнуться с весьма противоречивыми версиями, основные из которых можно восстановить по сохранившимся свидетельствам современников*: 1) Рылеев, Муравьев-Апостол, Каховский (П. В. Голенищев-Кутузов, флигель-адъютант Н. Д. Дурново, инженер-подпоручик В. А. Половцев, «Journal de Paris», И. Д. Якушкин, Н. А. Бестужев, причем оба последние со слов протоиерея П. Н. Мысловского); 2) Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин («помощник квартального надзирателя», имп. Мария Федоровна — со слов А. И. Чернышева, И.-Г. Шницлер, чиновник Н. С. Щукин, А. Е. Розен, М. А. Бестужев); 3) Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский (И. И. Горбачевский, В. И. Штейнгель); 4) Пестель, Рылеев, Каховский («присутствовавший по службе при казни»); 5) Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол (В. Ф. Раевский, Н. И. Лорер, последний, возможно, со слов П. Н. Мысловского).

Осужденные были размещены на эшафоте в том порядке, в каком они были названы в приговоре: Пестель (крайний справа), Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский (крайний слева) [146]. Для зрителей, стоявших по ту сторону вала, на эспланаде и на Троицком мосту, соответственно наоборот: Пестель — крайний слева, Каховский — крайний справа. Приговоренные к повешению были названы по именам и перечислены в определенном порядке только в выписке из «Протокола Верховного уголовного суда от 11 июля 1826 года», опубликованной в газетах через несколько дней после казни [147], следовательно, зрители не могли знать порядок размещения осужденных на эшафоте [148]. Более того, многим зрителям, возможно, не было известно, кто именно приговорен к смертной казни, и они узнали об этом только на крепостной эспланаде, из разговоров в толпе. Версии могли быть самые различные. Так, например, А. П. Волконская сообщала своей тетке В. А. Репниной в письме от 12 июля 1826 г.: «...5, наиболее виновных, приговорены к четвертованию, но по указу императора они будут повешены. Сенат

---

* В скобках указаны источники версии.

прибавил к ним еще троих, но потом исключил, однако император приговорил их к смерти, так же как и первых пять человек. Вот их имена: Пестель, Рылеев, Каховский, Бестужев-Рюмин и Сергей Муравьев-Апостол, а также Якубович и Артамон Муравьев. Из этих семи, или даже десяти человек, некоторые обратились к императору с прошением о замене виселицы расстрелом» [148]. Если даже предположить, что некоторые из зрителей каким-то образом знали порядок размещения осужденных на эшафоте, они все равно не могли бы определить, кто именно сорвался. «По дальности расстояния,— вспоминал И.-Г. Шницлер,— зрителям трудно было распознать их в лица; виднелись только серые халаты с капюшонами, которыми закрывались их головы» [149].

Основным источником сведений о казни для декабристов, возвратившихся после обряда разжалования в свои казематы и успевших только увидеть на валу высокую виселицу с приготовленными веревками, были плац-майор Петропавловской крепости полковник Е. П. Подушкин, плац-адъютанты Николаев и Трусов, офицер Волков. «Но из всех из них,— писал М. А. Бестужев,— свидетельство только Волкова, как единственного личного свидетеля, принять до́лжно; все прочие говорили по слухам». Отмечая, что Волков «был ошеломлен, был нравственно уничтожен ужасом совершившейся перед его глазами драмы» и, кроме того, не знал в лицо приговоренных к смертной казни, М. А. Бестужев задает резонный вопрос: «Но как мог знать Волков, кто Каховский, кто Рылеев? У кого он мог спросить об этом? Не у палача же, не у Кутузова же!.. Сверх того тюремная жизнь морально изменила всех нас, что брат Николай едва признал Рылеева, когда в Алексеевском равелине они бросились друг другу на шею» [150]. Впрочем, Волков мог знать, кто есть кто: на шеи осужденным были надеты доски «с именами». Но у сорвавшихся с виселицы эти доски, вероятно, упали.

Протоиерей П. Н. Мысловский, который также явился источником информации для декабристов, рассказывал Н. И. Лореру, «что, когда под несчастными отняли скамейки, он упал ниц, прокричав им: «прощаю и разрешаю»» [151]. Следовательно, он уже ничего более видеть не мог. И. Д. Якушкин со слов того же Мысловского передает этот эпизод в несколько иной редакции: «Их поставили на помост и каждому накинули петлю. В это время священник, сошедши по ступени с помоста, обернулся и с ужасом увидел висевших Бестужева и Пестеля, и троих, которые оборвались и упали на помост» [152]. Версия Лорера выглядит, впрочем, убедительнее, но сведения, записанные со слов Мысловского, не могут быть признаны достоверными. Таким образом, показания зрителей и декабристов в данном случае в расчет принимать не приходится.

«Присутствовавший по службе при казни» хотя и называет по имени сорвавшихся, но замечает: «Я был так занят Рылеевым,

что не обратил внимания на остальных оборвавшихся с виселицы...»[153] Мария Федоровна, записывая рассказ А. И. Чернышева, сомневалась в точности сообщаемых ею сведений: «Палач взял для Рылеева, Сергея Муравьева и, *кажется*, Бестужева слишком тонкую веревку...» (разрядка наша.— *Г. Н.*)[154]. Следовательно, показания «присутствовавшего по службе при казни» и вдовствующей императрицы также не могут быть приняты во внимание как безусловно достоверные. При сопоставлении рассказа «помощника квартального надзирателя» (записанного Н. А. Благовещенским не ранее начала 60-х гг.)[155] со сведениями, содержащимися в составленном утром 13 июля 1826 г. собственноручном донесении царю недавнего члена Следственной комиссии и руководителя экзекуции П. В. Голенищева-Кутузова («Экзекуция кончилась с должною тишиной и порядком как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, и именно: Рылеев, Каховский и Муравьев, сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть»), а также помеченной вечером того же дня записью в дневнике в прошлом близкого к декабристским кругам флигель-адъютанта Н. Д. Дурново[156], предпочтение следует отдать, конечно, последним свидетельствам, тем более что ни П. В. Голенищев-Кутузов, ни Н. Д. Дурново не могли быть заинтересованы в фальсификации сообщаемых ими сведений. Версия, согласно которой с виселицы сорвались Рылеев, Муравьев-Апостол и Каховский, представляется поэтому наиболее достоверной. Именно ее сообщил в письме к жене П. А. Вяземский: «Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский еще заживо упали с виселицы в ров...»[157] Она была известна и Пушкину.

Ответ на вопрос о том, какая версия законспектирована в рисунке казни, дает графическая запись А. С. Пушкина, прочесть которую мешает привычный взгляд на рисунок как на символическое изображение, лишенное самостоятельного исторического содержания: профили повешенных в рисунке портретированы. При изображении лиц Пушкин использовал своеобразные графические формулы, фиксировавшие наиболее типичные черты внешности[158]. Графическая формула профиля первого повешенного — характерный нос «ручкой», выпуклый лоб, выпяченная нижняя губа, выступающий на уровне лба, вытянутый назад крупный затылок — узнается сразу. Это — К. Ф. Рылеев[159]. Личное знакомство и общение Пушкина и Рылеева относятся к середине сентября 1819 — февралю 1820 г., времени их совместного пребывания в Петербурге[160].

Сличение профиля второго повешенного с известными пушкинскими портретами П. И. Пестеля убеждает, что вторым изображен именно он: высокий крутой лоб, продолжающий линию лба прямой нос, тяжелый подбородок, форма головы[161]. Пушкин

встречался с Пестелем весной 1821 г. в Кишиневе, сведения об этих встречах сохранились в дневниковых записях поэта и И. П. Липранди [162].

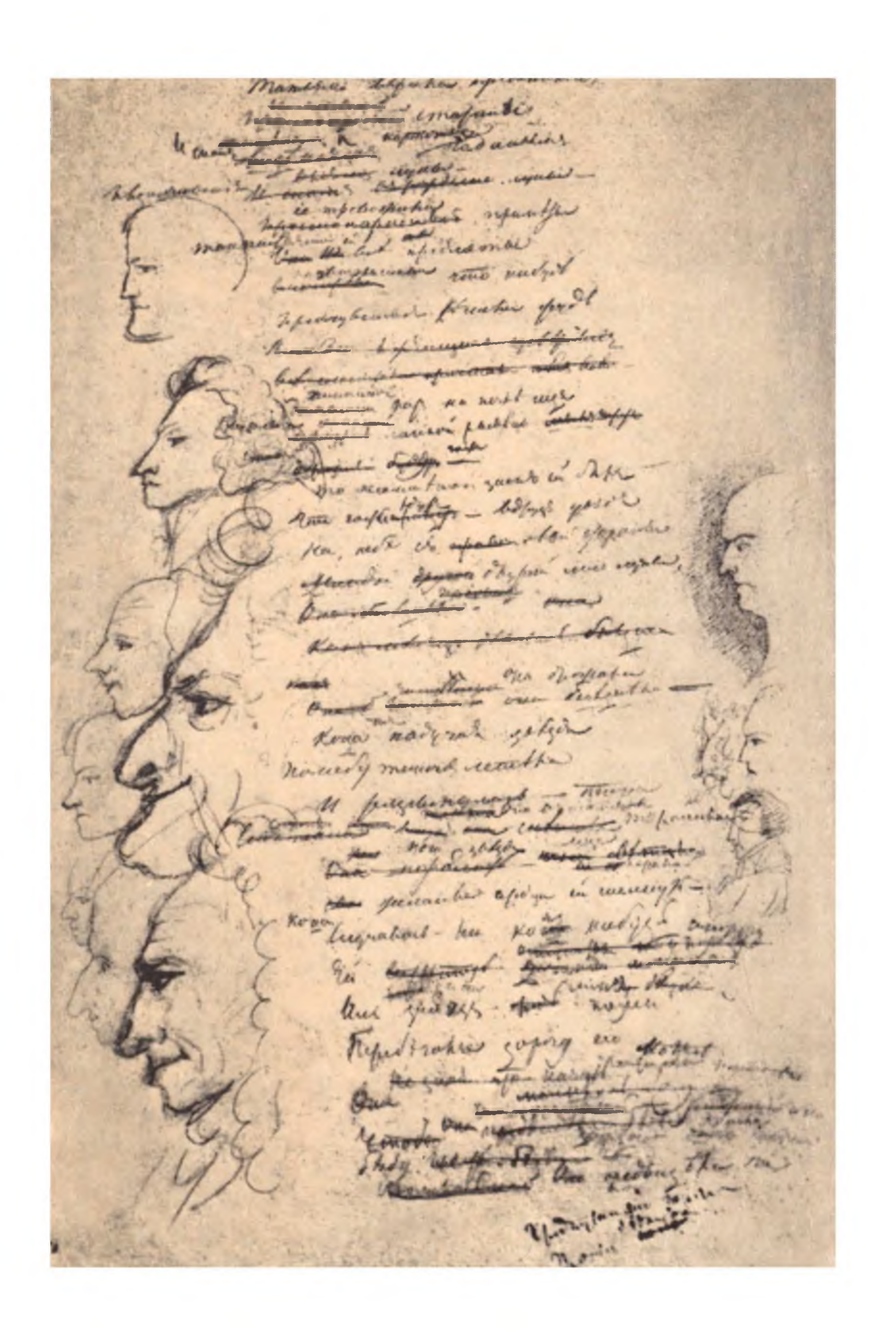
Отождествление профиля третьего повешенного требует более обстоятельной аргументации. На странице принадлежавшей Пушкину книги «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов. Сочинение Валтера Скотта» сохранились рисунки поэта: виселица с пятью повешенными, над нею весы, ниже виселицы — мужской профиль. Т. Г. Цявловская, обследовавшая эти рисунки, отметила: «Чей это портрет, пока не установлено. Этого лица в рисунках Пушкина мы еще не видели» [163]. Портрет действительно незнакомый: мужчина в военном мундире с эполетами, шея в стоячем воротничке, удлиненное лицо с низким подбородком, высокий лоб с залысинами, характерный, с заостренным кончиком нос, небольшие, чуть заметные усики, широкие дугообразные брови.

В 1815 г. художник Н. И. Уткин в Петербурге выполнил акварельный портрет декабриста С. И. Муравьева-Апостола [164]. В нем, как, впрочем, и в других портретах художника, тщательно выписано лицо: покатый высокий лоб, изогнутая линия заостренного носа, низкий подбородок, небольшие усы, красивые дугообразные брови. Если мысленно повернуть в профиль изображенное Н. И. Уткиным лицо, то оно удивительно точно совпадает с мужским портретом, изображенным Пушкиным под рисунком виселицы на странице книги «Ивангое». По свидетельству М. П. Бестужева-Рюмина, С. И. Муравьев-Апостол и А. С. Пушкин были знакомы в Петербурге и встречались до высылки поэта из столицы в мае 1820 г. [165] В конце 1820 — начале 1821 г. из Петербурга на юг уехал и С. И. Муравьев-Апостол. М. П. Бестужев-Рюмин показывал на следствии: «С. Муравьев с тех пор, что оставил Петербург, Пушкина не видел» [166]. Следовательно, память Пушкина сохранила облик С. Муравьева-Апостола петербургского периода. Сопоставление мужского профиля на пушкинском экземпляре книги «Ивангое», портрета С. И. Муравьева-Апостола работы Н. И. Уткина и профиля третьего повешенного в пушкинском рисунке казни убеждает, что это портрет одного и того же человека [167].

Рылеев, Пестель, С. Муравьев-Апостол... Это расположение совпадает с перечислением имен в зашифрованной пушкинской записи о казни, сделанной им в конце июля 1826 г.: «Р[ылеев] П[естель] М[уравьев-Апостол] К[аховский] Б[естужев-Рюмин]». Очевидно, в такой последовательности Пушкин и изобразил повешенных в своем рисунке. Если так, то два следующих профиля — это соответственно П. Г. Каховский и М. П. Бестужев-Рюмин. Других портретов этих декабристов в пушкинских рисунках не обнаружено [168]. По показаниям М. П. Бестужева-Рюмина на следствии, он встречался с Пушкиным несколько раз в 1819 г. в доме А. Н. Оленина. О знакомстве Пушкина с П. Г. Каховв-

Лист рукописи главы пятой «Евгения Онегина»

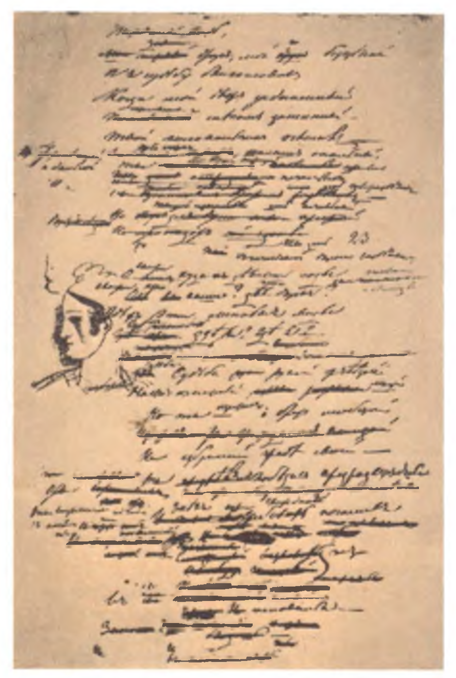
Лист рукописи главы пятой «Евгения Онегина»

Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года

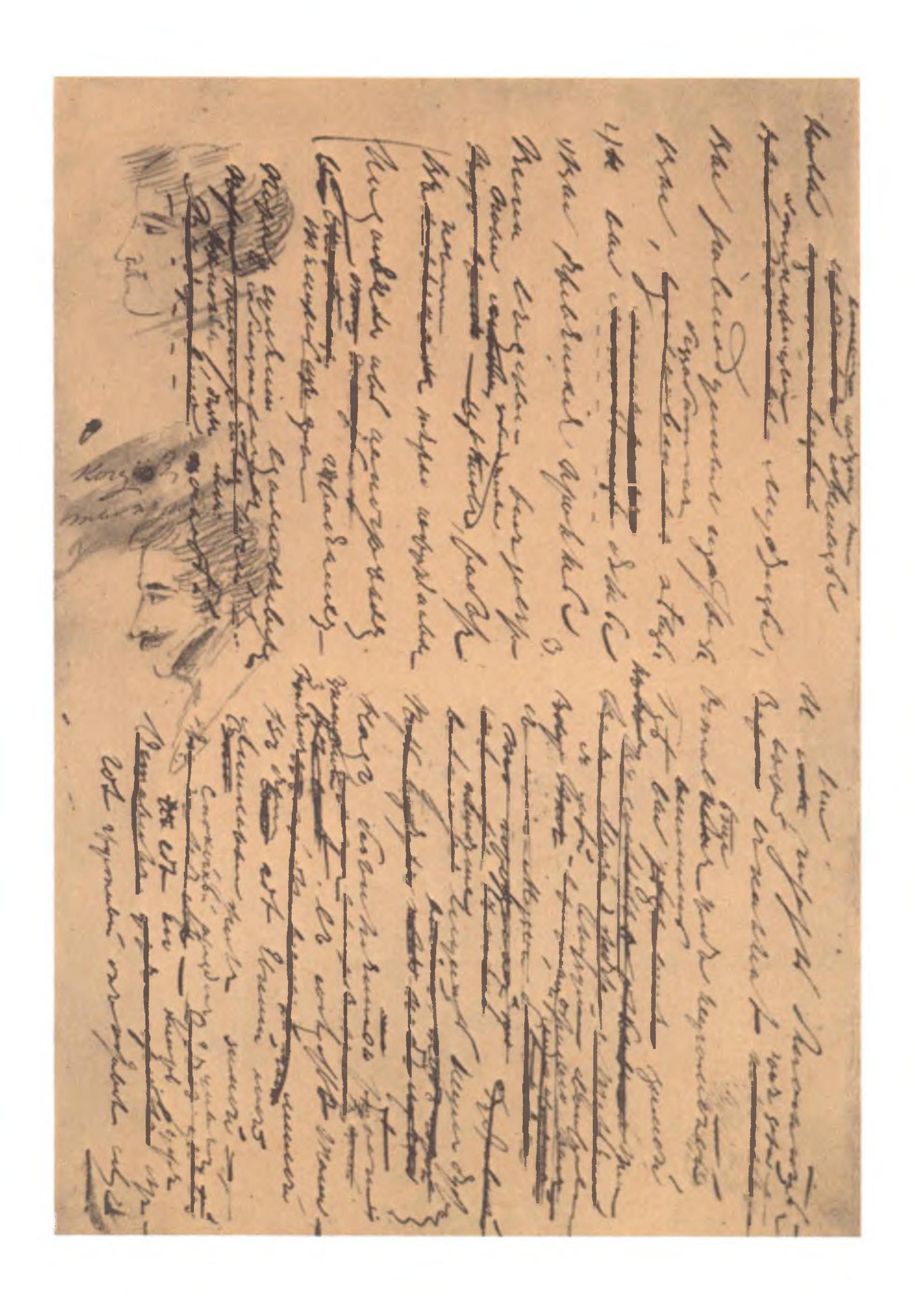

Автограф пушкинского стихотворения с шифрованной записью о декабристах

Лист из альбома
В. П. Зубкова

Автограф стихотворения,
посвященного
И. И. Пущину

Н. Н. Раевский (младший) и С. Г. Волконский

С. Г. Волконский
(верхний справа)

Е. Н. и М. Ф. Орловы

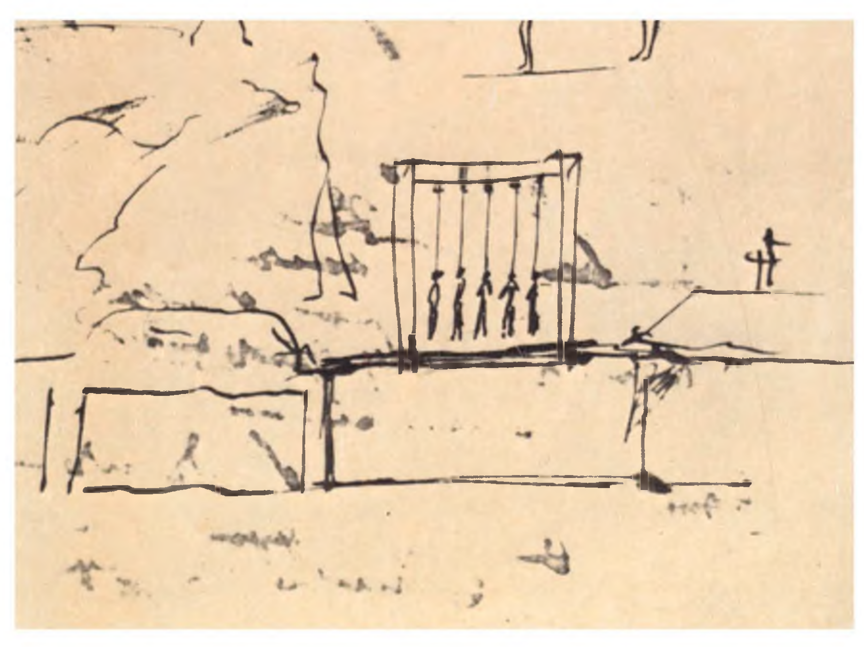
А. И. Одоевский

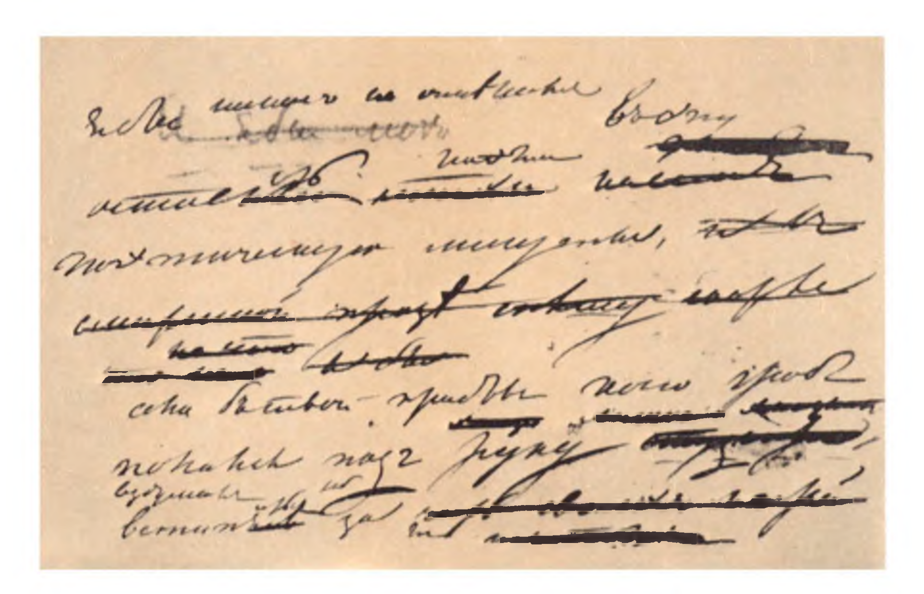
В. К. Кюхельбекер и К. Ф. Рылеев 14 декабря 1825 года
Всесоюзный музей А. С. Пушкина, г. Ленинград

38-й лист третьей масонской тетради

Фрагменты

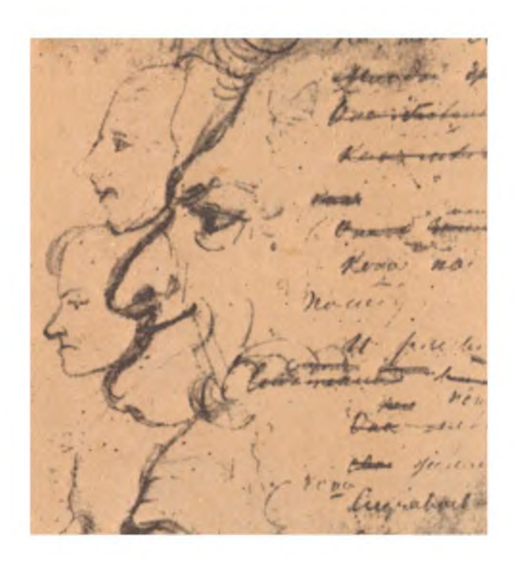
Карандашная строка
«И я бы мог...»
на смежной странице
автографа стихотворения
«Кипренскому»

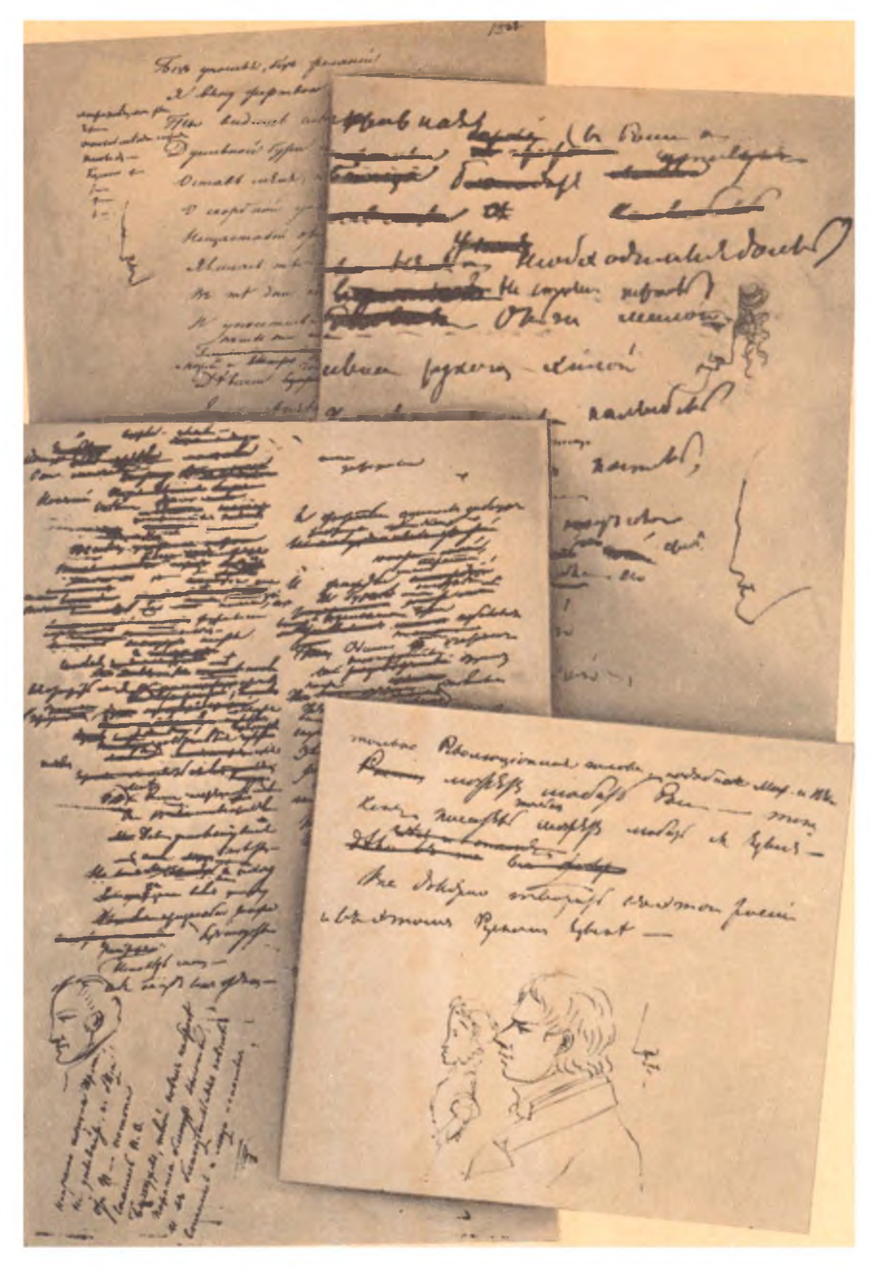
К. Ф. Рылеев.
С. И. Муравьев-Апостол.
Рисунки В. Ф. Адлерберга
Государственный
Эрмитаж,
г. Ленинград

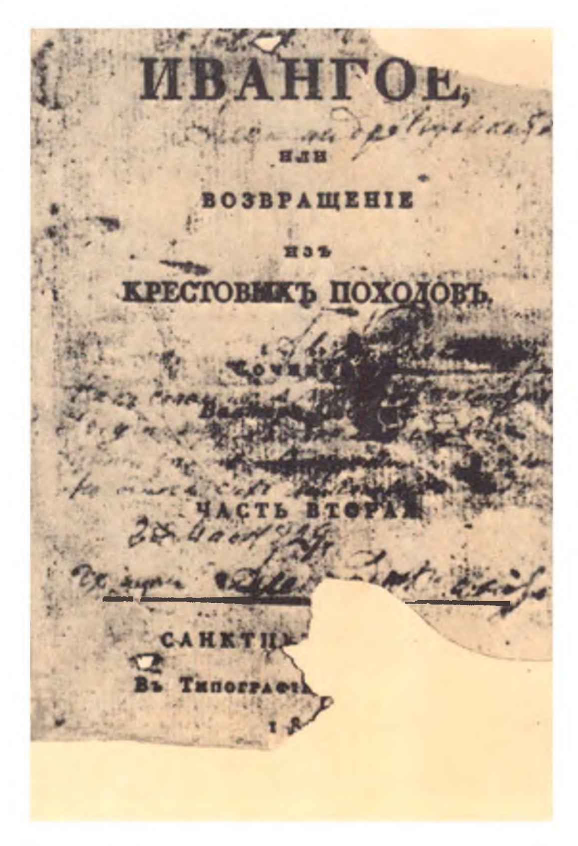
Портрет П. И. Пестеля (слева внизу) и наброски его профиля на страницах пушкинских рукописей

◁ К. Ф. Рылеев (два верхних рисунка)

◁ П. И. Пестель, М. П. Бестужев-Рюмин. Рисунки В. Ф. Адлерберга
Государственный Эрмитаж, г. Ленинград

Заседание Следственной комиссии.
Рисунок В. Ф. Адлерберга
Государственный Эрмитаж,
г. Ленинград

ИВАНГОЕ,

или

ВОЗВРАЩЕНІЕ

изъ

КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САНКТП...

Въ Типографі...

18...

Автографы на книге
В. Скотта «Ивангое,
или Возвращение
из крестовых походов»

ИВАНГОЕ

или

ВОЗВРАЩЕНІЕ ИЗЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

Глава I.

Въ одной изъ лучшихъ частей Англіи, тамъ, гдѣ протекаетъ рѣка Донъ, находился нѣкогда обширный лѣсъ, произраставшій по горамъ и долинамъ между Шеффильдомъ и Донкастеромъ. Въ богатыхъ владѣніяхъ Вентворта и Ванкфильдскаго парка, и въ окрестностяхъ Ротергама еще и нынѣ видны остатки онаго. Тамъ, какъ говоритъ преданіе, обиталъ баснословный драконъ Вантлейскій, производившій ужасныя опустошенія; тамъ, во время междоусобной войны Красной и Бѣлой Розъ, происходили кровопролитнѣйшія битвы; тамъ, наконецъ, укрывались скопища браконьеровъ (*).

(*) Нарушители законовъ объ о...

АНГОЕ

ИЛИ

ИЗЪ КРЕСТОВЫХЪ

ОХОДОВЪ

АВА I.

лучшихъ частей Англіи,
екаетъ рѣка Донъ, нахо-
обширный лѣсъ, произ-
рамъ и долинамъ между
Донкастеромъ. Въ бо-

Фрагмент

◁ Автографы и рисунки на книге В. Скотта «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов»

ским известно также из следственных показаний М. П. Бестужева-Рюмина и из письма С. М. Салтыковой, впоследствии Дельвиг, к ее подруге А. Н. Семеновой (Карелиной) от 22 августа 1824 г. [169]

Итак, по версии, принятой Пушкиным, с виселицы сорвались Пестель (над ним, напомним, знак повторного повешения), Муравьев-Апостол и Каховский. Однако она не совпадает ни с одной из известных нам по другим источникам. Но порядок размещения повешенных в рисунке Пушкина нарушен. Если восстановить правильную последовательность размещения осужденных на эшафоте, то три фигуры повешенных посередине, обозначенные в рисунке как сорвавшиеся,— это соответственно Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин.

Очевидцы казни — источники различных версий — находились, как известно, с разных сторон виселицы. Потрясенные происшедшей на их глазах трагедией, они, как правило, зафиксировали в памяти лишь порядковый номер сорвавшихся (считая слева направо) — первый, второй, крайний — и только после казни расшифровали их поименно, не всегда при этом учитывая, что порядок менялся в зависимости от стороны наблюдения. Так, И.-Г. Шницлер писал: «Пестель и Каховский повисли, но трое тех, которые были промежду них, были пощажены смертью» [170]. «Самовидец», местонахождение которого в момент наблюдения неизвестно, вспоминал: «Эшафот загремел, и два первые в очереди преступника повисли, делая конвульсивные движения головою, плечами и ногами, а остальные трое упали на землю, потому что веревки оборвались» [171]. Флигель-адъютант Н. Д. Дурново записал в своем дневнике вечером 13 июля: «Когда повесили первых пять человек, то веревки 2-го, 3-го и 5-го оборвались...» [172] Характерным в этом смысле является свидетельство еще одного зрителя — Н. С. Щукина: «Вдруг люди, стоявшие у виселицы, выбили из-под ног у преступников подмостки, и несчастные повисли. Один из них задрыгал ногами, и в то же время висевшие посередине упали на землю, а двое крайних висели. Упавших сей же час подняли, палач привязал новые петли и снова повесил предвкусивших смерть. После сделалось известно, что на виселице остались Пестель и Каховский, оторвались Рылеев, Бестужев-Рюмин и Муравьев-Апостол» [173].

Вполне возможно, Пушкин получил информацию в нерасшифрованном виде («висевшие посередине упали»), а известная ему в передаче П. А. Вяземского версия П. В. Голенищева-Кутузова, признаваемая наиболее достоверной, им принята не была. К этому обстоятельству следует отнестись с вниманием. Неучтенностью зависимости между стороной наблюдения и порядком размещения осужденных на эшафоте (который так и остался неизвестен большинству очевидцев) еще можно, пожалуй, в какой-то степени объяснить противоречие двух наиболее авторитетных и достоверных свидетельств: «присутствовавшего по службе при каз-

ни», утверждавшего, что «сорвались Рылеев, Пестель и Каховский», и «помощника квартального надзирателя», который говорил, что сорвалось «трое средних» — Рылеев, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин, «только на краях остались висеть Пестель и Каховский», и на замечание Н. А. Благовещенского: «А говорят, что именно они-то и сорвались, Пестель и Каховский, да еще Рылеев» — убежденно отвечал: «Неправда. Я, ведь, тут же стоял. Врут!» [174] Но как объяснить то в высшей степени странное обстоятельство, что руководитель казни П. В. Голенищев-Кутузов, осведомленность которого, казалось бы, не вызывает сомнений, в своем донесении царю называет сорвавшихся в неверной последовательности: Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол? [175]

Ответ на этот вопрос содержится в свидетельстве «присутствовавшего по службе при казни»: «Генерал-губернатор, видя с гласису, что трое упали, прислал адъютанта Башуцкого, чтобы взяли другие веревки и повесили их» [176]. Таким образом, выясняется, что П. В. Голенищев-Кутузов и, очевидно, вся группа начальствующих лиц — И. И. Дибич, А. Х. Бенкендорф, А. И. Чернышев, В. В. Левашов, Н. Д. Дурново, петербургский обер-плац-майор А. А. Болдырев, представитель военного ведомства штабс-капитан В. Д. Вольховский и их адъютанты — в момент казни были не на валу около виселицы, но находились на гласисе — насыпи между рвом с водой и собственно эспланадой, где собрались зрители. Ближняя точка гласиса отстояла от вала кронверка не менее чем на тридцать метров [177]. Поэтому «наиболее достоверная» версия П. В. Голенищева-Кутузова, наблюдавшего казнь издали, представляется уже не столь безупречной.

Следует также иметь в виду обстановку нервозности и спешки, царившую во время казни. Сначала произошла задержка с доставкой виселицы, потом, по словам «помощника квартального надзирателя», долго «копались» с ней на валу («в четыре часа еще виселицу ставили»), и «такая пошла суматоха. Генерал-губернатор Кутузов из себя выходит просто» [178]. Затем — обрыв веревок. Хотя этот случай и не был предусмотрен, воля Николая I на сей счет была хорошо известна П. В. Голенищеву-Кутузову. Накануне, 12 июля, И. И. Дибич в докладной записке Николаю I писал: «У меня явилась мысль: возможно, что кто-нибудь из приговоренных к смерти захочет открыть какие-нибудь тайны, которых мы не знаем. Если бы что-нибудь подобное случилось, мы оказались бы в нерешительности, можно ли замедлить с карой. Осмеливаюсь просить приказаний вашего величества на подобный случай, полагая, что следовало бы дать согласие на желание осужденного лица, если сообщаемое оказалось бы действительно первостепенной важности». Ответ Николая I на полях этой записки гласил: «Если бы оказалось, что кто-либо из приговоренных к смерти захочет говорить, его показания можно выслушать; на этот случай я поручаю принять показания Чер-

нышеву. Но казнь отложить можно только в самом крайнем случае; и во всяком случае ее надо исполнить над всеми остальными» [179]. Этим и объясняется поведение Голенищева-Кутузова, который, увидев с гласиса, что веревки троих повешенных оборвались, «сперва прислал адъютанта, а потом и сам лезет, кричит, ругается: что это такое?.. Вешать их, вешать скорее!» [180]

А. Х. Бенкендорф, по словам Н. И. Лорера, «чтоб не видеть этого зрелища, лежал ничком на шее своей лошади» [181]. Позднее А. Я. Булгаков записал со слов Бенкендорфа в своем дневнике: «По неопытности или по небрежению веревка лопнула под Рылеевым, Бестужевым и Муравьевым...» [182] Но в своих «Записках» Бенкендорф не назвал имен сорвавшихся с виселицы [183]. Это косвенно подтверждает достоверность приведенного свидетельства Лорера. А. И. Чернышев, в тот же день спешно отправленный Николаем I в Москву, сообщил Марии Федоровне, что сорвались Рылеев, Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин [184]. На вопрос М. А. Бестужева: «Кто же сорвался?» — плац-майор крепости Е. П. Подушкин, пришедший в камеру декабриста вскоре после казни, ответил: «Муравьев-Апостол, Бестужев и еще третий — он бранился с генерал-губернатором Петербурга» [185]. По свидетельству М. А. Бестужева, «плац-адъютант Трусов положительно сказал, что это был Рылеев. Впоследствии, когда наши дамы прибыли в Читу, Катерина Ивановна Трубецкая и Александра Григорьевна Муравьева подтвердили это. Они говорили, что в тот же день во всех аристократических кружках Петербурга рассказывали как достоверное, сделавшееся известным через молодого адъютанта Кутузова *, что из трех сорвавшихся поднялся на ноги весь окровавленный Рылеев и, обратившись к Кутузову, сказал: «Вы, генерал, вероятно, приехали посмотреть, как мы умираем. Обрадуйте вашего государя, что его желание исполняется: вы видите — мы умираем в мучениях». Когда же неистовый возглас Кутузо́ва: «Вешайте их скорее снова» — возмутил спокойный предсмертный дух Рылеева, этот свободный, необузданный дух передового заговорщика вспыхнул прежнею неукротимостью и вылился в следующем ответе: «Подлый опричник тирана. Дай же палачу свои аксельбанты, чтоб нам не умирать в третий раз»» [186].

Следовательно, «третьим» был Рылеев и версия «Рылеев — С. Муравьев-Апостол — М. Бестужев-Рюмин» справедлива. Однако «присутствовавший по службе при казни» не припоминал, чтобы Рылеев «бранился» с П. В. Голенищевым-Кутузовым: «У Рылеева колпак упал и видна была окровавленная бровь и

* Принято считать, что «молодой адъютант» — это Н. А. Муханов (*Эйдельман Н. Я.* Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975, с. 356). Но у П. В. Голенищева-Кутузова было четыре «молодых адъютанта»: Н. Д. Домогацкий, Н. А. Муханов, А. И. Неплюев и А. П. Башуцкий. По свидетельству Н. В. Путяты, Муханов вечером 12 июля был у себя дома и ничего о казни не знал (Русский архив, 1881, № 2, с. 343). При казни присутствовал поручик А. П. Башуцкий.

кровь за правым ухом, вероятно от ушиба. Он сидел скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота. Я к нему подошел, он сказал: «Какое несчастие!» ...Я был так занят Рылеевым, что не обратил внимания на остальных оборвавшихся с виселицы и не слыхал, говорили ли они что-нибудь» [187]. И. И. Горбачевский утверждал, что «бранился» П. Г. Каховский: «Каховский же в это время, пока приготовляли новые петли, ругал беспощадно исполнителя приговора, тут же бывшего генерал-губернатора петербургского Голенищева-Кутузова. Ругал так, как ни один простолюдин не ругался: «Подлец, мерзавец, у тебя и веревки крепкой нет; отдай свой аксельбант палачам вместо веревки и проч.» [188]. И. Д. Якушкин, со слов П. Н. Мысловского, также свидетельствовал в пользу версии «Рылеев — С. Муравьев-Апостол — Каховский»: «Сергей Муравьев жестоко разбился; он переломил ногу и мог только выговорить: «Бедная Россия! и повесить-то порядочно у нас не умеют!» Каховский выругался по-русски. Рылеев не сказал ни слова» [189]. «Помощник квартального надзирателя» вспоминал, что «кто-то отвечал из сорвавшихся: «И повесить не умеют!»», но, «кажется, будто Рылеев» [190].

По словам «неизвестного очевидца», ругался С. И. Муравьев-Апостол: «Как сказывают близстоящие, Муравьев ругал палачей, что худо прикрепили веревки, ибо он расшиб себе лоб» [191]. Агап Иванович, служивший рассыльным в «Полярной Звезде», рассказывал, что знакомый ему «цирюльник, бывший по службе при совершении казни... утверждал, что, находясь вблизи, он не слыхал, чтоб, сорвавшись с петли, казнимые что-нибудь сказали, хотя в народе был толк, противный этому» [192].

Итак, две основные версии (одна из которых «законспектирована» в рисунке Пушкина), обладающие наибольшей степенью достоверности: «Рылеев — С. Муравьев-Апостол — Каховский» и «Рылеев — С. Муравьев-Апостол — М. Бестужев-Рюмин» — расходятся между собой только в отношении третьего декабриста (Каховский — Бестужев-Рюмин). Однако обе они в равной мере подтверждаются авторитетными свидетельствами очевидцев, добросовестность и осведомленность которых не вызывает сомнений, и поэтому равно представляются возможными. Из донесения И. И. Дибича, отправленного из крепости сразу после экзекуции Николаю I, известно, что информация о казни поступала в Царское Село неоднократно. «Ваше величество,— писал И. И. Дибич,— фельдъегерь Чаусов доставит вам донесение генерала Кутузова об окончании исполнения приговора над злодеями, а вслед за ним прибудет генерал Чернышев, который донесет вам об этом словесно...» [193] Не исключено, что сведения, содержавшиеся в донесении П. В. Голенищева-Кутузова о казни, были впоследствии перепроверены и уточнены. Так, вел. кн. Николай Михайлович, основываясь на семейном предании, писал: «По тем данным, которые мы имеем, Рылеев с петли не срывался и умер сразу» [194].

5

Круг должностных лиц, находившихся в момент казни на валу кронверка около виселицы, как видим, сужается. Источники позволяют установить почти всех поименно: петербургский обер-полицмейстер Б. Я. Княжнин, на которого было возложено исполнение смертного приговора, полицмейстеры Н. Н. Посников, М. Ф. Чихачев и К. Ф. Дершау, начальник кронверка В. И. Беркопф, протоиерей П. Н. Мысловский, «фельдшер» и «доктор» (последний, возможно, штабс-лекарь крепости Г. И. Элькан), «цирюльник», архитектор Х. И. Герней, военный инженер Матушкин, офицер Волков, пятеро помощников квартальных надзирателей (имена четырех из них известны: Дубинкин, Попов, Богданов, Карелин), фейерверкер Соколов, двенадцать солдат л.-гв. Павловского полка под командой капитана В. П. Польмана *, палачи и, быть может, названный уже в этом перечислении, но остающийся неизвестным «присутствовавший по службе при казни» [195].

Несмотря на такое небольшое число очевидцев, принимавших участие в свершении приговора, и отсутствие данных о знакомстве или встречах с ними А. С. Пушкина осенью 1826 г., тем не менее вновь подчеркнем, что только от них (прямо или косвенно, через посредников) Пушкин мог получить законспектированные в его рисунке казни сведения об устройстве виселицы и обстоятельствах второго повешения. Ни военное начальство и его окружение, находившиеся на гласисе, ни офицеры и солдаты полков гвардии, ни многочисленные зрители, находившиеся на эспланаде, такой информации на основе собственного наблюдения иметь не могли.

Это обстоятельство позволяет, в свою очередь, предположить, что Пушкину могло стать известным и одно не получившее огласки событие, происшедшее во время казни на кронверкском валу. По свидетельству мемуаристов, иностранцы не только стояли среди зрителей на эспланаде крепости, но и принимали участие в исполнении смертного приговора. Еще до казни распространились слухи о том, что из заграницы привезли палачей.

* Н. Р. Цебриков, видевший из окна своей камеры проходивших мимо «смертников», вспоминал: «Лейб-гвардии Павловского полка капитан Степанов со взводом, построенным в каре, вел их на виселицу...» (*Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине (Из записок декабриста).— Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 1. М., 1931, с. 261). Это сообщение ошибочно: капитан М. В. Степанов числился в списках л.-гв. Павловского полка только с марта 1827 г. (*Воронов П., Бутовский В.* История л.-гв. Павловского полка. СПб., 1875, прил., с. 56). По свидетельству «помощника квартального надзирателя», солдатами л.-гв. Павловского полка, сопровождавшими осужденных на смерть в кронверк, командовал капитан В. П. Польман (Исторический вестник, 1904, № 1, с. 82). Об этом же свидетельствует и Е. П. Оболенский (*Оболенский Е. П.* Воспоминания.— Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I. СПб., 1905, с. 251).

Д. И. Завалишин вспоминал: «Мы еще до приговора знали, что привезены палачи из Финляндии...» Об этом же сообщают Н. С. Щукин («Палач был выписан из Финляндии») и А. П. Волконская («Палачи были финны»). З. И. Лебцельтерн, оставившая воспоминания о своей сестре Е. И. Трубецкой, отмечала: «Во всей России не оказалось палача, и его выписали из Швеции». О «палаче, нарочно выписанном из Швеции или Финляндии» упоминает А. Е. Розен [196*].

Вопрос о том, кто эти палачи «из Швеции или Финляндии», которым Николай I поручил казнь декабристов, не мог не интересовать современников и не занимать их воображение. Фигура палача в России начала XIX в. была достаточно необычна и таинственна. Основными видами наказаний, применявшимися в русском судопроизводстве того времени, были наказания кнутом и плетьми, вырывание ноздрей, клеймение лица. В 1817 г. Александр I «изъявил желание свое, чтобы кнут, вырывание ноздрей и клеймение лица у преступников не были впредь употребляемы» [197]. В Государственном совете была учреждена комиссия «для суждения об отмене наказания кнутом и вырывания ноздрей» [198]. 24 октября 1824 г. состоялось слушание представленного Н. С. Мордвиновым мнения «О кнуте, орудии наказания». Мордвинов утверждал, что кнут «был и есть орудие мучения», которое «поражает ужасом народ российский и дает повод иностранцам заключать, что Россия находится еще в диком состоянии, без просвещения и нравственных понятий о человеке», поэтому он предлагал «уничтожить навсегда кнут, орудие наказания, не соответственное настоящей степени просвещения высших в отечестве нашем сословий и общему благонравию и мягкосердечию российского народа» [199]. А. И. Тургенев по этому поводу писал брату Н. И. Тургеневу в Лондон 6 ноября 1824 г.: «Теперь начались любопытные прения в нашем общем собрании о кнуте, плетях и смертной казни. Мордвинов подал голос: умный, благородный и человеколюбивый. Большинство за отмену кнута и смертной казни» [200]. В защиту кнута выступили министр юстиции кн. Д. И. Лобанов-Ростовский, его брат кн. Я. И. Лобанов-Ростовский, председатель департамента законов Государственного совета, и генерал-адъютант А. Я. Сукин. Пушкин откликнулся на это эпиграммой:

Заступники кнута и плети,
[О знаменитые <?>] князья...[201]

Вопрос об отмене кнута был поставлен на голосование, и об-

---

* Разговоры о палачах велись, очевидно, и среди зрителей, собравшихся на эспланаде. Так, «неизвестный очевидец», стоявший около Иоанновского моста, сообщал о причине падения повешенных: «Сие последовало или от тяжести, или от неловкости палачей, которые для сей экзекуции, как говорят, выписаны были из Швеции» (Казнь декабристов [извлечение из частного письма], с. 624).

щее собрание Государственного совета положило «казнь сию отменить, заменив ее самым большим числом ударов плетей и выставкою на эшафот»[202]. Это решение поступило в комиссию составления законов к М. М. Сперанскому, но дальнейшего хода не имело. Наказание кнутом уничтожено не было, и варварские истязания продолжались.

Одна из причин, побудивших Н. С. Мордвинова выступить против кнута, заключалась в том, что при этом наказании исполнение приговора уже не зависело от правосудия, но всецело оставалось «в руках и воле палача, который ста ударами соделает наказание легким, десятью жестоким и увечным, если не смертельным»[203]. Поэтому вопрос о роли личности палача в судопроизводстве был весьма актуальным. «Заплечных дел мастера» назначались из «вольных людей», преимущественно из посадских. Но желающих было мало, и администрация постоянно встречала трудности в исполнении судебных приговоров. Так, в 1805 г. малороссийский генерал-губернатор А. Б. Куракин доносил в Сенат, что вся Малороссия осталась при одном палаче и что, хотя было сделано предложение о поступлении в палачи даже преступникам, «никто из таковых звание и должность сию принять не согласился»[204]. В Петербурге к началу 1818 г. не было ни одного палача. По представлению генерал-губернатора Петербурга М. А. Милорадовича Сенат указом от 11 декабря 1819 г. предписал С.-Петербургскому губернскому правлению определять «в звание палачей осужденных к наказанию плетьми и ссылке на поселение за кражу выше ста рублей... освобождая их от присужденного им телесного наказания»[205]. До 1825 г. назначенные по новому указу Сената палачи содержались при Управе благочиния, а с сентября 1825 г. по распоряжению обер-полицмейстера А. С. Шульгина были переведены в С.-Петербургскую городскую тюрьму[206]. Имена палачей держались в тайне. Высочайше повелевалось «строго наблюдать, чтобы заплечные мастера, в тюрьме содержавшиеся, не имели никаких вообще ни с кем сношений...»[207].

Мемуарные свидетельства о палачах, приводивших в исполнение смертный приговор пяти декабристам, немногочисленны и противоречивы. «Присутствовавший по службе при казни» сообщает, что «было два палача». Ту же цифру называет и «помощник квартального надзирателя», вспоминая: «Привели и двух палачей, на которых осужденные смотрели с негодованием. Видно, что им было крайне неприятно, когда до них дотрагивались палачи». В. Ф. Раевский, наблюдавший казнь из окна своей камеры в кронверкской куртине, видел, как «два человека в куртках начали накладывать петли...»[208].

Мемуаристы из числа зрителей, находившихся за кронверкским валом, на гласисе и эспланаде (Мария Федоровна со слов А. И. Чернышева, Н. С. Щукин, И.-Г. Шницлер и др.), упоминают только об одном палаче[209]. И это не случайно. Обер-полиц-

мейстер Б. Я. Княжнин * рассказывал в 1830 г. черниговскому помещику И.-К.-И. Руликовскому, что во время казни произошло следующее: «Пятерых осужденных к смертной казни... отдали в руки кату, или палачу. Однако, когда он увидел людей, которых отдали в его руки, от одного взгляда которых он дрожал, почувствовав ничтожество своей службы и общее презрение, он обессилел и упал в обморок. Тогда его помощник принялся вместо него за исполнение этой обязанности. Этот помощник, бывший придворный форейтор (разрядка наша.— *Г. Н.*), совершил какое-то преступление и, чтобы спасти себя от тяжкого наказания, согласился сделаться палачом. Если бы не он, то исполнение приговора должно было бы приостановиться». Рассказ Княжнина, однако, не пользуется доверием в исторической литературе и признан «неправдоподобным» [210]. Между тем возможность этого происшествия совершенно очевидна. Агент III Отделения писал в своем донесении: «Все присутствовавшие были объяты невольным ужасом при виде сей необыкновенной у нас казни» [211]. «Присутствовавший по службе при казни» свидетельствовал: «Зрелище это... имело сильное влияние, архитектор Герней умер через месяц от горячки, полицмейстер Посников страдал от болезни более года и умер, он всегда говорил, что это было причиной его болезни» [212]. По словам А. С. Гангеблова, фельдшер Петропавловской крепости «дрожал всем телом», придя к нему в камеру после казни [213]. «Помощник квартального надзирателя» рассказывал Н. А. Благовещенскому: «Я смотрел на них. Ведь вот стоял, как от тебя. Первый стоял Карелин против Пестеля, я против Рылеева, потом Попов против Муравьева, Богданов против Бестужева, а Дубинкин против Каховского. Мы могли хорошо видеть их лица. Они были совершенно спокойны... Взглянули они в последний раз на небо, да так, братец ты мой, взглянули жалостливо, что у нас вся внутренность перевернулась и мороз подрал по коже... Страх! Так это было жутко! Ты вот не поймешь этого, что это такое было, а я рассказать не могу. Ну, как я тебе расскажу?.. Страшно, братец! ух, страшно! У нас волосы стали дыбом на голове, когда мы подошли под перекладину» [214].

Основным аргументом в доказательстве «недостоверности» рассказа Б. Я. Княжнина является указание на отсутствие аналогичных свидетельств в других источниках. Но этот довод едва ли можно признать убедительным. Из очевидцев, находившихся в момент казни около виселицы, воспоминания кроме Княжнина оставили только протоиерей П. Н. Мысловский **, начальник кронверка В. И. Беркопф, «присутствовавший по службе при казни» и «помощник квартального надзирателя». П. Н. Мысловский

---

* Б. Я. Княжнин в 1829—1830 гг. был киевским генерал-губернатором.

** Из записок П. Н. Мысловского с подробным описанием «120 государственных преступников» сохранились лишь фрагменты, помеченные 1 ноября 1826 г.

в любом случае, либо «упав ниц» (по версии Н. И. Лорера), либо «отвернувшись» (по версии И. Д. Якушкина), не мог быть свидетелем того, что происходило на эшафоте. Помощников квартальных надзирателей, сопровождавших осужденных на эшафот, в момент казни «свели прочь». Мемуаристу к тому же «в правый ботфорт попал камушек», и он был занят собой [215]. Следовательно, могли знать о сообщаемом Б. Я. Княжниным происшествии, но ни словом не обмолвились об этом В. И. Беркопф, свидетельство которого сохранилось в изложении Н. А. Рамазанова, и «присутствовавший по службе при казни». Стоявшие по другую сторону кронверкского вала зрители замешательства с палачом видеть, конечно, не могли.

Между тем достоверность сведений Б. Я. Княжнина о личности палачей подтверждается материалами полицейского ведомства столицы — Управы благочиния С.-Петербургского губернского правления. 22 декабря 1825 г. в Управе благочиния было заведено дело «О содержании заплечных дел мастеров» в связи с определением «в заплечные мастера подсудимого Карелина и назначении оному равно и находящемуся уже при таковой должности из городских доходов жалования». Из документов этого дела устанавливается, что к моменту казни в столице было два палача — Козлов и поступивший «в сие звание по собственному желанию из преступников 3 февраля 1826 г. ...содержащийся в городской тюрьме за разные кражи ямщик» (разрядка наша.— *Г. Н.*) Степан Карелин [216]. Теперь заново прочтем известное свидетельство В. И. Беркопфа, который «сам... научил действовать непривычных палачей, сделав им образцовую петлю» (разрядка наша.— *Г. Н.*), и донесение царю П. В. Голенищева-Кутузова: «По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое и именно: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались, но вскоре опять были повешены» [217] (разрядка наша.— *Г. Н.*).

Итак, исполнителями смертного приговора, вынесенного «по высочайшему повелению» Верховным судом пяти декабристам, были палачи С.-Петербургской городской тюрьмы. Отличившийся при казни «бывший форейтор», осужденный за «кражу салопа» заплечный мастер Степан Карелин, «по надежности» пользовался особым доверием тюремных властей и прослужил в своей должности до 1840 г., затем был уволен и отправлен в Ямбург «для пропитания себя посильными трудами и с состоянием под надзором полиции» [218]. Портрет второго палача, Козлова, обессилевшего и упавшего в обморок во время казни, оставил в своих записках Н. Р. Цебриков: «...тогда был в крепости плац-майором полковник Егор Михайлович Подушкин, которого вся наружность чрезвычайно как походила на того палача *, раз мною

* В Петербурге в 1818—1825 гг. был только один штатный палач — Козлов.

виденного утром, когда я стоял в карауле на Сенной площади, проехавшего мимо на роспусках на Конную площадь со своею жертвою и одним будочником. Подушкин, всегда поддержанный порядочною дозою водки, имел всегда красное лицо, всегда звериное» [219]. Козлов был вскоре «по старости» отставлен от дел, и на его место 16 декабря 1827 г. был определен уроженец Финляндии Генрих Песси [220], также судившийся за кражу.

Следует, впрочем, иметь в виду, что если описанное Б. Я. Княжниным происшествие произошло на глазах у всех находившихся в тот момент около виселицы и, следовательно, информация о нем могла стать достоянием публики, а затем функционировать в виде слуха, достигшего, возможно, и Москвы осенью 1826 г., то личность палачей была известна только высшему начальству и городским полицмейстерам и едва ли сведения о них могли проникнуть в общество. Однако, во-первых, полностью исключить такую возможность все же нельзя, и, во-вторых, Пушкин мог специально разыскивать такого рода сведения, поскольку личности палачей вызывали его интерес и до описываемых событий. По воспоминаниям Н. А. Бестужева, «когда Рылеев напечатал «Войнаровского» и послал Пушкину экземпляр, прося сказать о нем свое мнение», Пушкин особенно отметил стихи о палаче:

Готов уж исполнитель муки;
Вот засучил он рукава,
Вот взял уже секиру в руки...
Вот покатилась голова...[221]

Против строки «Вот засучил он рукава» Пушкин написал на поле: «Продай мне этот стих!» [222] В письме П. А. Вяземскому в конце мая — начале июня 1825 г. он заметил о К. Ф. Рылееве: «У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого бы я дорого дал» [223]. 12 октября 1826 г. в Москве, на квартире Веневитиновых, после чтения «Бориса Годунова» Пушкин «начал рассказывать о плане для Дмитрия Самозванца» и (это запомнилось М. П. Погодину) «о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского» [224]. Впоследствии, просматривая «Материалы для биографии Пушкина», составленные П. В. Анненковым, Погодин подтвердил свое свидетельство: «О намерении написать Лжедмитрия я слышал. Он говорил и об одной сцене, в которую хотел ввести палача, который шутит с толпою» [225]. Замысел этой «сцены», возникший, возможно, под влиянием рассказов о казни декабристов, был реализован Пушкиным в «Полтаве»:

Средь поля роковой намост.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой [226].

Об интересе Пушкина к личности палача («...Что есть общего между им и людьми живыми? На каком зверином реве объяснит он свои мысли?»[227]) может свидетельствовать и его статья, опубликованная в 1830 г. в «Литературной газете» в связи с появившимися журнальными объявлениями о предстоящем выходе в свет «Записок парижского палача».

6

Прочтение следующих «записей» пушкинского рисунка, связанных с ритуалом казни, заставляет вновь обратиться к мемуарным свидетельствам. По словам В. И. Беркопфа, осужденные к повешению были «обременены самыми тяжелыми кандалами»[228]. Напомним, что кандалы, по его мнению, и явились причиной обрыва веревок во время казни. Однако «помощник квартального надзирателя» на вопрос Н. А. Благовещенского: «На них не было кандалов?» — ответил: «Нет. Никаких кандалов не было. Я как теперь вот на них смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги», «ногами они могли сделать самые маленькие шаги»[229]. В. И. Беркопф тоже вспоминал, что «с большим трудом переступали ноги преступников», но указывал, что это было по причине «тяжких кандалов»[230].

Попытаемся восстановить основные моменты исполнения приговора. И. Д. Якушкин вспоминал, что 12 июля, сразу после того, как осужденные к смерти после объявления приговора возвратились в казематы, т. е. утром, они были закованы в «железы»[231]. По свидетельству Н. Р. Цебрикова, это произошло вечером 12 июля: «В семь часов вечера того же 12 июля пришли служители алтарей приготовить наших мучеников к смерти. В восемь часов им принесли саваны и цепи, грустно со стуком прозвеневшие. Потом все затихло. Усталость, изнеможение и душевные волнения этого дня всех прочих заставили притихнуть, и эта торжественная тишина, только прерываемая беспрестанными повторениями плац-майора и плац-адъютанта не говорить с приговоренными к смерти, была поразительно величественна»[232]. «Прошло несколько времени», когда Е. П. Оболенский услышал звук цепей: «Дверь отворилась на противоположной стороне коридора, цепи тяжело звенели. Слышу протяжный голос друга неизменного, Кондратия Федоровича Рылеева: «простите, простите, братья!», и мерные шаги удалились к концу коридора. Я бросился к окошку; начинало светать; вижу взвод павловских гренадер и знакомого мне поручика Польмана; вижу всех пятерых, окруженных гренадерами с примкнутыми штыками. Знак подали, и они удалились»[233]. С. П. Трубецкой услышал «шум у... окон, звук цепей людей проходящих» в четвертом часу утра[234]. По свидетельству Н. В. Басаргина, смертников «вывели рано,— до свету, заковав прежде в железа»[235]. Это показание подтверждает и П. Н. Мысловский: «Заутра, прежде нежели взо-

шло солнце, Пестель с прочими товарищами своими изведен был из крепости в кронверк уже в оковах» [236]. Н. Р. Цебриков вспоминал, что «в два часа ночи в последний раз прозвенели цепи» [237]. Это же время называет И. И. Горбачевский: «у Бестужева-Рюмина запутались кандалы, он не мог идти далее; каре Павловского полка как раз остановилось против моего окна; унтер-офицер пока распутал ему и поправил кандалы, я, стоя на окошке, все на них глядел; ночь светлая была. Каре тронулось... Это было в два часа ночи...» [238] Итак, в два часа ночи *, еще до рассвета, смертники, закованные в «железы», были выведены из казематов кронверкской куртины.

Согласно утвержденному Николаем I «обряду» казни, осужденные приняли причастие **. Об этом упоминает в своих воспоминаниях А. Х. Бенкендорф: «В 3 часа утра я уже был в крепости для нужных предварительных распоряжений. Осужденным к смертной казни преподаны были все утешения веры» [239]. А затем «...ровно в 4 часа раздался барабанный бой, и преступников вывели на вал, где строилась виселица... Виселица не могла поспеть ранее как 5½ часов, до которого времени преступники стояли подле нее все вместе, изредка прерывая молчание короткими фразами» [240]. Это свидетельство подтверждает корреспондент «Journal de Paris»: «Пятеро приговоренных к смерти... первыми были приведены к эшафоту, который не был еще готов, и они более часа оставались свидетелями приготовлений к казни» [241]. По словам Н. С. Щукина, «плотники» начали «ставить» виселицу «часа в три» [242]. Й.-Г. Шницлер вспоминал, что ее стали возводить «с двух часов утра» [243]. По свидетельству практически всех декабристов, оставивших мемуары, когда их вывели на эспланаду для обряда разжалования, на валу кронверка уже стояла готовая «виселица с пятью петлями». Исключение составляет свидетельство С. П. Трубецкого: «Мы заметили столбы на валу одного бастиона кронверка. Это была виселица, которая еще не имела перекладины, и в нашем отделении казни товарищей видеть не могли, ибо прежде вошли в крепость» [244].

Следовательно, смертники были приведены к строящейся виселице до начала гражданской казни. Но, по свидетельству «помощника квартального надзирателя», сопровождавшего осужденных к смерти, когда они подошли к валу, виселица была уже готова, а на эспланаде в это время происходила гражданская казнь. По его словам, осужденных «отвели в сторону и посадили на траву». Возле них находились помощники квартальных надзирателей и солдаты. Рассказывая Н. А. Благовещенскому о происходившей на эспланаде процедуре разжалования, «помощник

---

* И. Д. Якушкин считал, что это произошло немного раньше. «Был второй час ночи»,— писал он (*Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 82).

** Причастие было совершено, очевидно, в доме бывшего коменданта крепости П. А. Сафонова.

квартального надзирателя» заметил: «Нам все это было видно». На вопрос, не из-за виселицы ли задержалась смертная казнь, он отвечал: «Виселица-то была готова, за нею дело не стало, а сперва исполняли приговор над остальными...» [245]

Отмеченные противоречия источников в значительной степени объясняются свидетельством «присутствовавшего по службе при казни». По его словам, пятеро декабристов, приведенных на кронверкский вал, на «месте казни оставались самое короткое время. Так как эшафот не мог быть готов скоро, то их развели в кронверк по разным комнатам, и когда эшафот был готов, то они опять были выведены из комнат при сопутствии священника». Факт разведения смертников «по комнатам» в кронверке отмечен и в рассказе «самовидца» («...пятерых преступников... поместили в конторе верфи и двух близ нее стоящих домиках»), и в воспоминаниях Н. В. Басаргина («их поместили на время в каком-то пороховом здании...» [247]), а также косвенно подтверждается показаниями В. Ф. Раевского, принадлежность которого к тайным обществам тогда еще оставалась недоказанной. В то время, когда все другие узники были уведены на эспланаду крепости, он находился в камере № 3 кронверкской куртины. Окно его каземата «было прямо против» находившегося на плацу кронверка дома бывшего коменданта крепости П. А. Сафонова *. «Тусклое окно мешало сначала видеть хорошо», но с рассветом В. Ф. Раевский «увидел очень ясно»: «Это было часа в 4 утра... Рота Павловского гвардейского полка вошла в ворота и стала лицом к дому. Чрез несколько минут въехали двое дрожек. На одних был протопоп Казанского собора, на других пастор. Они вошли в дом. У дверей дома стояло 6 человек. Через полчаса из этого дома вышли один за одним 5 человек, осужденные на смерть. Они шли один после другого под конвоем с обеих сторон солдат Пав-

---

* В рисунке Пушкина этот дом с трубой на крыше контурно обозначен как пристройка с внутренней стороны кронверка к третьему эполименту вала. Прямой вертикальной линией отмечен излом вала и невидимый наблюдателю второй эполимент. Если отвлечься от свидетельств очевидцев и следовать логике рисунка, то данный фрагмент — две линии, идущие соответственно под углом и параллельно кронверкскому валу,— можно прочесть и как незавершенное графическое изображение второго и третьего эполиментов вала. Прямой вертикальной чертой Пушкин обозначил излом вала, провел верхние линии эполиментов. Дальше надо было бы убрать в этой части рисунка линии вала и провести нижние линии эполиментов, однако рисовальщик этого не сделал. И понятно почему: предпринятые исправления меняли угол зрения рисунка и избранный вначале ракурс плоскостного изображения, в котором нарисованы ворота, первый эполимент вала, виселица. Но в любом случае третий эполимент при наблюдении с эспланады должен был казаться зрителям примерно на треть ниже первого эполимента, на котором была установлена виселица. То, что вал кронверка изображен с нарушением закона линейной перспективы, подтверждает предположение о том, что линия излома вала, контуры крыши дома П. А. Сафонова (или, по другой версии, эполиментов вала) были нанесены на завершающем этапе работы, когда основная часть рисунка — ворота, первый эполимент вала, виселица — была выполнена.

ловского полка»[248]. Таким образом, по этому свидетельству, «осужденные на смерть» вышли из дома около половины пятого. Это же время указывает П. Н. Мысловский: «В половине пятого, идя на казнь и увидя виселицу, Пестель с большим присутствием духа произнес следующие слова: «Ужели мы не заслужили лучшей смерти? Кажется, мы никогда не отвращали чела своего ни от пуль, ни от ядер. Можно бы было нас и расстрелять!»[249] Следовательно, в половине пятого смертники уже подходили к месту казни. Виселица к этому времени была уже готова, но обряд разжалования на эспланаде еще не окончили.

Перед гражданской казнью декабристов вывели из казематов и поместили внутрь каре, образованного на крепостном плацу солдатами Павловского полка. Затем их разделили «по небольшим кучкам»[250]. «В одном отделении,— вспоминал А. Е. Розен,— находились офицеры, осужденные из 1-й гвардейской дивизии и генерального штаба, гвардейских кавалерийских дивизий особо,— в другом офицеры 2-й гвардейской дивизии, саперы и пионеры,— в третьем офицеры армии,— в четвертом служившие в гражданской службе,— пятое отделение состояло из моряков и отправлено было в Кронштадт, где исполнен был приговор в присутствии флота. В таких отделениях вывели нас из крепостных ворот на гласис кронверкской куртины»[251]. По словам М. А. Бестужева, их «собрали в общий двор» «немного спустя после полуночи, в потемках». С. П. Трубецкой писал, что их «вывели» из казематов, «когда рассвело». И. И. Горбачевский уточнял: вызвали в каре «через час» после того, как из кронверкской куртины увели смертников[252], т. е. около трех часов утра. Свидетельство И. И. Горбачевского подтверждает В. И. Штейнгель: «В 3 часа осужденных вывели на экзекуцию»[253].

Указанное Горбачевским и Штейнгелем время совпадает с высочайше назначенным часом экзекуции. 12 июля 1826 г. Николай I писал вел. кн. Михаилу Павловичу: «Завтра утром в 3 часа приговор должен быть исполнен»[254]. Это подтверждается также дневниковой записью Марии Федоровны: «В 3 часа утра их вывели из тюрьмы...»[255] А. Е. Розен вспоминал: «В этом каре стояли мы с лишком полчаса»[256]. Следовательно, гражданская казнь началась не позднее половины четвертого — четырех* и продолжалась (по свидетельству А. Е. Розена) «с лишком час», а по словам О. А. Пржецлавского — «более часа»[257], т. е. до половины пятого — пяти. Этот расчет времени совпадает с мемуарными данными о часе совершения смертной казни. По словам

---

* Свидетельство А. Х. Бенкендорфа о том, что «военный генерал-губернатор и военное начальство» прибыли в крепость «в 4 часа утра» (ГПБ, ф. 859, карт. 3, д. 6, л. 11 об.— 12), вызывает сомнение. Войска прибыли из казарм и построились на эспланаде крепости под начальством командующего гвардейским корпусом А. Л. Воинова «к 3 часам утра» (*Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов.— Красный архив, 1926, т. 4(17), с. 180).

П. Н. Мысловского, смертников повели на казнь «в половине пятого»[258]. Мария Федоровна записала в дневнике со слов А. И. Чернышева: «Все это продолжалось почти до пяти часов»[259]. Это свидетельство подтверждают «присутствовавший по службе при казни» («...казнь совершилась в 5 часов утра»), «неизвестный очевидец» из зрителей («в пять часов утра все исполнилось») и И.-Г. Шницлер («Это было в исходе пятого часа»)[260]. Между первым и вторым повешением, как сообщал корреспондент «Journal de Paris», прошло «четверть часа жестоких страданий»[261]. Следовательно, переход осужденных из «дома» к месту казни, ожидание завершения обряда разжалования на эспланаде, чтение приговора, конвоирование на эшафот виселицы заняли около 15 минут.

Итак, пятеро декабристов в сопровождении солдат Павловского полка под начальством капитана В. П. Польмана вышли из крепости через кронверкские ворота, перешли по мосту через кронверкский пролив, потом по небольшому мосту через ров, наполненный водой, вошли в кронверк. «...Каховский шел впереди один, за ним Бестужев под руку с Муравьевым, потом Пестель с Рылеевым под руку же и говорили между собой по-французски, но разговора нельзя было слышать»[262]. «На ногах их были кандалы, которые они поддерживали, продевши сквозь носовой платок»[263]. «В воротах, чрез высокий порог калитки, с большим трудом переступали ноги преступников, обремененных тяжкими кандалами... Пестеля должны были приподнять в воротах: так он был изнурен»[264]. «Проходя мимо строящегося эшафота, в близком расстоянии, хоть было еще темно, слышно было, что Пестель, смотря на эшафот, сказал: «C'est trop» (Это слишком)»[265].

«Когда они собрались, приказано было снять с них верхнюю одежду, которую тут же сожгли на костре, и дали им длинные белые рубахи, которые, надев, привязали четырехугольные кожаные нагрудники, на которых белою краскою написано было — «преступник Кондрат Рылеев», на второй — «преступник Сергей Муравьев», и так далее»[266]. «Тут же их посадили на траву в близком расстоянии» от виселицы, «где они оставались самое короткое время»[267]. Потом осужденных к смерти отконвоировали в «дом» коменданта и «развели... по разным комнатам». Вспоминая о том, как «взвод павловских гренадеров» под командой капитана Польмана на рассвете уводил из казематов смертников, Е. П. Оболенский заметил: «И нам сказано было выходить. И нас повели те же гренадеры, и мы пришли на эспланаду перед крепостью»[268]. Это подтверждает и А. Е. Розен. По его словам, начальником построенного на крепостном плацу каре, в которое помещали декабристов, был тот же капитан Польман. Следовательно, сопроводив смертников в пристройку кронверкского вала и оставив там конвоиров, Польман возвратился на крепостной плац и начальствовал над каре павловских солдат, пока декабри-

стов «разделили... на отделения» и под охраной «многочисленного конвоя» повели на эспланаду крепости [269].

Затем Польман с солдатами, составлявшими каре на крепостном плацу и сопровождавшими заключенных на гражданскую казнь, с эспланады вошел через восточные ворота (вот почему в рисунке Пушкина они нарисованы открытыми) в кронверк и подошел к дому П. А. Сафонова. Этот момент и был отмечен В. Ф. Раевским: «Рота Павловского гвардейского полка вошла в ворота и стала лицом к дому» [270]. Затем «отворились двери казематов и позвали преступников. Крикнули: пожалуйте, господа! Они были уже готовы и вышли в коридор. Руки и ноги их были связаны так, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли делать самые маленькие шаги». В. Ф. Раевский добавляет: «Все они были одеты в белых длинных саванах. У каждого на груди была повешена черная доска с надписью: преступник такой-то» [271]. «Все они удивительно были спокойны» [272],— отметил «помощник квартального надзирателя». Их повели в следующем порядке: впереди шел капитан В. П. Польман, «в ряд» — помощники квартальных надзирателей «с обнаженными шпагами», за ними «шли в ряд... преступники», позади — «двенадцать павловских солдат и два палача». «Шел в стороне и наблюдал за процессией» М. Ф. Чихачев [273]. «Возвратившись с аутодафе мундиров и ломания шпаг», Н. Р. Цебриков подошел к окну своей камеры № 16 во втором этаже кронверкской куртины и «из крайнего правого стекла» увидел, как «взвод, построенный в каре» вел смертников [274]. Из окна камеры № 3 первого этажа смотрел В. Ф. Раевский. По его словам, дом, из которого вывели осужденных, находился от виселицы «шагах в 100» [275]. «Двигались вперед медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти идти. Дорогою преступники могли говорить между собою, но что они говорили, нельзя было слышать...» Когда подошли к месту казни, пришлось ждать: обряд разжалования на эспланаде еще не закончился. Они «сидели все время на траве и тихо между собою разговаривали» [276].

А. Е. Розен вспоминал: «Когда нас повели обратно *, то на кронверкском валу виселица еще ждала обреченных жертв,—

* Сохранилось свидетельство Н. Р. Цебрикова о том, что, когда обряд разжалования был завершен, А. И. Чернышев «приказал подвести осужденных к виселице». «Тогда Федор Вадковский закричал: «On veut nous rendre témoins de l'execution de nos camarades. Ce serait une indignité infâme de rester témoins impossibles d'une pareille chose. Arrachons les fusils aux soldats, et jettons nous en avant» [Нас хотят заставить быть свидетелями казни наших товарищей. Постыдно быть безучастными свидетелями этого зрелища. Вырвем ружья у солдат и бросимся вперед]. Множество голосов отвечало: «Oui, oui, faisons ça, faisons ça» [Да, да, сделаем это, сделаем это], но Чернышев и при нем находившиеся, услышав это, вдруг большое каре повернули и скомандовали идти в крепость. Чернышев показал необыкновенную ревность на экзекуции этим маневром. Усердие его, можно полагать, непременно превышало всякое данное ему наставление Николаем» (*Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 262—263).

там еще никого не было. Мы обратились в ту сторону, перекрестились,— и каждый по-своему просил бога принять с любовью наших товарищей, опередивших нас рвением и отшествием от мира сего»[277]. Если это свидетельство, подтверждаемое большинством мемуаристов, достоверно, то смертники находились в это время не на валу (как это можно понять из рассказа «помощника квартального надзирателя», наблюдавшего обряд разжалования, очевидно, через открытые ворота кронверка), а с внутренней стороны вала, на плацу кронверка, и декабристы, возвращающиеся в крепость после гражданской казни, видеть их не могли. Это явствует и из «Записки Николая I»: когда экзекуция на эспланаде «исполнится... тогда взвести присужденных к смерти на вал...»[278]. Однако Е. П. Оболенский утверждал, что «вдали видел пятерых избранников, медленно приближающихся к роковому месту»[279]. Но в любом случае свидетельство М. А. Бестужева о том, что обряд разжалования происходил «в виду пяти виселиц, где в судорогах смерти покачивались злополучные жертвы тирании», послужившее Л. В. Крестовой документальной основой ее интерпретации пушкинской строки «И я бы мог...»[280], следует признать вымыслом.

Когда гражданская казнь была завершена и 97 декабристов возвратились в крепостные казематы*, началось исполнение

Этот рассказ, однако, не подтверждается другими мемуарными свидетельствами, но тем не менее весьма правдоподобен. Дело в том, что по первоначальному варианту плана экзекуции осужденных к каторге и ссылке должны были вывести на гражданскую казнь из кронверка и возвратить в крепость опять через кронверк. При этом декабристы должны были два раза пройти мимо виселицы. Этот вариант изложен в «Записке Николая I»: «Когда приговор исполнится, то вести их тем же порядком в кронверк...» (*Серебровская Е. С.* Записка Николая I о казни декабристов.— Новый мир, 1958, № 9, с. 278; *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба..., с. 179; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 468, л. 127). Впоследствии план был изменен, и декабристов выводили на эспланаду прямо из крепости, минуя кронверк, и тем же путем возвращали обратно в крепостные казематы. Аналогичное изменение было сделано в приказе по гвардейскому корпусу, войска которого по замыслу «Записки Николая I» должны были после исполнения смертного приговора «зайти по отделениям направо и пройти мимо» виселицы.

* Количество осужденных, подвергшихся гражданской казни на эспланаде, устанавливается по сохранившемуся донесению Николаю I коменданта Петропавловской крепости генерал-адъютанта А. Я. Сукина от 13 июля 1826 г.: «Из числа содержавшихся в вверенной мне крепости преступников, которым вчерашнего числа объявили высочайшую вашего императорского величества конфирмацию, по приговору Верховного уголовного суда 15-ь человек морского ведомства сего 13-го июля по полуночи в 3-ем часу сданы присланному за ними от начальника морского штаба капитану 3-его ранга Балашову для доставления на корабль адмирала Кроуна и разжалования их там по обрядам морской службы; из остальных же препровождены на смертную казнь в кронверк 5-ь и для учинения должного пред войсками наказания на эспланаде 97-ь, которые после учинения им оного возвращены для содержания в крепости до дальнейшего отправления в места, им назначенные. Сверх сих преступников по нахождению за болезнью в Санкт-Петербургском

смертного приговора. М. Ф. Чихачев прочитал сентенцию Верховного уголовного суда, которая оканчивалась словами: «...за их тяжкие злодеяния повесить»[281]. «Тогда Рылеев, обратясь к товарищам, сказал, сохраняя все присутствие духа: «Господа! надо отдать последний долг», и с этим они стали все на колени, глядя на небо, крестились. Рылеев один говорил — желал благоденствия России...»[282] К осужденным подошел П. Н. Мысловский, «говорил с ними, напутствовал их еще раз к отходу», «со слезами прощался с ними и давал целовать крест»[283]. Осужденные «расцеловались друг с другом, как братья», и «все пожали друг другу руки»[284]. «Потом,— по свидетельству «помощника квартального надзирателя»,— на них надели этакие мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса. На шеи им на веревках надели аспидные доски с именами и виною их... Мешки им очень не понравились; они были недовольны, и Рылеев сказал, когда ему стали надевать мешок на голову: «Господи! К чему это?..» Опять построились в порядок для шествия на эшафот под виселицу... Пошли... медленно... Солдаты осужденных сзади натискивали, чтобы они знали, куда идти». Поднялись на эшафот, затем по отлогому «деревянному откосу» на свежевыструганный помост, возвышавшийся прямо под перекладиной, и «стали на место». Перед самым эшафотом «палачи им стянули руки покрепче. Один конец ремня шел спереди тела, другой сзади, так, что они рук поднимать не могли»[285]. При этом ноги осужденных были стянуты ремнями. Рассказ «помощника квартального надзирателя» подтверждается записью со слов А. И. Чернышева в дневнике имп. Марии Федоровны: «Когда роковую доску выдернули из-под них, веревка оборвалась, и они со связанными руками и ногами упали, как мешки...»[286] (разрядка наша.— *Г. Н.*).

Итак, совершенно очевидно, что осужденных к смерти расковали у виселицы в их первый приход, в момент облачения в особую смертническую одежду. Этим объясняется и противоречие в показаниях очевидцев о кандалах: свидетельства В. И. Беркопфа, «самовидца» и «присутствовавшего по службе при казни», утверждавших, что смертники «шли в оковах» *, относятся к их первому конвоированию из крепости в кронверк, а рассказ «по-

---

военно-сухопутном госпитале над капитаном Фурманом и штабс-капитаном Фохтом положенное им наказание не учинено с прочими сего числа перед войсками, а статскому советнику Горскому и высочайшая конфирмация не объявлена...»(ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, д. 266, л. 71—71 об.; *Белобородов И. М.* Кронверк — место казни декабристов, с. 420—421).

* Показание В. Ф. Раевского о том, что в момент исполнения приговора «осужденные были в ножных кандалах» (*Раевский В. Ф.* Воспоминания.— Литературное наследство, т. 60, кн. I. М., 1956, с. 97), в данном случае не может рассматриваться как свидетельство очевидца. По дальности расстояния и условиям наблюдения (из окна камеры), увидеть кандалы и отличить их от ремней, стягивающих ноги смертников, было практически невозможно.

мощника квартального надзирателя», решительно отрицавшего наличие у осужденных кандалов,— ко второму, от дома бывшего коменданта до места казни. Поэтому, в частности, В. И. Беркопф, в памяти которого особенно ярко и глубоко запечатлелась первая встреча с осужденными около строящейся виселицы, рассказывал, что смертники в момент казни были «в мундирных сюртуках и рубашках» [287].

Осталось уточнить некоторые детали смертнической одежды осужденных. По свидетельству «самовидца», «...дали им длинные белые рубахи, которые, надев, привязали четырехугольные кожаные нагрудники...». По данным «присутствовавшего по службе при казни», «на груди у них была черная кожа, на которой было написано мелом имя преступника, они были в белых халатах...». По свидетельству В. Ф. Раевского, «они были одеты в длинных белых саванах. У каждого на груди была привешена черная доска...» [288]. Итак, «рубаха» — «халат» — «саван» и «кожаный нагрудник» — «черная доска». Иное описание одежды смертников сообщает «помощник квартального надзирателя»: «...этакие мешки, которыми они были закрыты от головы до пояса» и «аспидные доски» [289]. В данном случае следует обратиться к свидетельству В. И. Беркопфа, который находился на эшафоте, когда помощников квартальных надзирателей уже «свели прочь». Столбы в спешке сооруженной виселицы оказались недостаточно глубоко врыты в землю, и веревки были коротки. По указанию В. И. Беркопфа, из полуразрушенного здания училища торгового мореплавания, находившегося вблизи вала, принесли школьные скамьи и поставили на помост. По словам В. И. Беркопфа, осужденные были «встащены на скамьи, на них надеты петли, а колпаки, бывшие на их головах, стянуты на лица» [290]. Рассказ В. И. Беркопфа подтверждается свидетельствами А. X. Бенкендорфа («всем пятерым спустили колпаки на глаза...»), И. Д. Якушкина («на них надели белые рубашки, колпаки на лицо...»), О. Гризье («они были одеты в серые блузы, а на голове нечто вроде белого капюшона...») [291].

Судя по всему, упоминаемые «помощником квартального надзирателя» «мешки» — это «колпаки» для головы, бывшие весьма глубокими и доходившие осужденным до плеч. Таким образом, «смертнический» наряд представлял собой длинную белую одежду типа балахона или, скорее, халата, такого же цвета широкий и глубокий «колпак» («мешок») для головы и «кожаные нагрудники» или, что вероятнее, «аспидные доски». В последнем, в частности, убеждает рисунок казни в записной книжке А. И. Сулакадзева, который не был очевидцем, но располагал обильной информацией и, случалось, сообщал достоверные сведения. По его рисунку хорошо определяется одежда осужденных, а в записи, помеченной 13 июля 1826 г., он отметил: «Надеты на них были рубахи длинные, на груди доска черная с надписью госуд[арственный] преступник» [292].

7

В рисунке Пушкина повешенные изображены без кандалов, но, заметим, и без смертнических балахонов, без колпаков, без нагрудных досок «с именами и виною их», без связанных рук и ног.

Информация об этих деталях, не вошедшая в нижний рисунок на 38-м листе третьей масонской тетради, графически законспектирована в серии рисунков казни декабристов в черновой рукописи «Полтавы», предположительно датируемых по тексту серединой — второй половиной сентября 1828 г.[293] Рисунки расположены на полях трех листов. На первом из них у верхних строк слева Пушкин нарисовал две фигуры повешенных: одна, большей величины, как бы приближена к зрителю, другая, меньшая, несколько удалена; ниже — рисунок виселицы с пятью повешенными, в самом низу — еще один рисунок виселицы, меньшего объема. На втором листе — отдельная фигура повешенного, и на третьем — перекладина виселицы и на ней расположенные по перспективе трое повешенных.

Рисунки на полях чернового автографа «Полтавы», не замеченные в свое время С. А. Венгеровым, впервые были воспроизведены Н. О. Лернером в 1912 г.[294] А. М. Эфрос полагал, что эти рисунки отражают «политический стержень одной из основных тематических линий «Полтавы», прикрытый исторической и романтической фабулой... Восстание Мазепы, казнь Кочубея — Искры, победа Петра представляют собой переключенное уподобление декабрьских происшествий»[295]. По мнению Н. В. Измайлова, рисунки объясняются состоянием Пушкина в период создания «Полтавы»: «Тяжелые переживания летом и осенью 1828 г., опасения за свою собственную судьбу, ожидание (по поводу обвинения в авторстве «Гавриилиады»), что он «того гляди» поедет «прямо, прямо на восток, т. е. в Сибирь,— все это настраивало Пушкина на мысли о погибших друзьях-декабристах». При этом исследователь отмечал, что «непосредственной связи между рисунками и текстом, около которого они нанесены, не устанавливается»[296].

По мнению М. Д. Беляева и Т. Г. Цявловской, использовавших наблюдение Ф. Л. Эрнста, последний из серии рисунков в черновике «Полтавы» — «изображение трех повешенных, висящих на длинном бревне» воспроизводит не казнь декабристов, а события, описанные в поэме: «Левая фигура — в жупане, опоясанном широким казацким поясом, какие носила знатная старшина на Украине; по-видимому, это изображение чучела Мазепы, всенародно повешенного по приказу Петра. Две другие фигуры — должно быть, сообщники Мазепы»[297]. Этот рисунок, считают они, в отличие от предшествующих ему в рукописи «Полтавы» рисунков, являющихся «плодом тяжких размышлений Пушкина, к творчеству отношения не имеющих», связан со стихами «Пес-

ни третьей» поэмы:

Кто опишет
Негодованье, гнев царя?
Гремит анафема в соборах;
Мазепы лик терзает кат,—

и «соответствует 26-му пушкинскому примечанию»: «...а 9-го дня предали клятве Мазепу оные архиереи публично; того же дня и персону (куклу) оного изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили. В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников...» (*Журнал Петра Великого*)[298].

Сопоставление пушкинского изображения фигур повешенных на полях чернового текста «Полтавы» с нижним рисунком казни на 38-м листе третьей масонской тетради позволяет обнаружить их прямую связь. Фигуры повешенных — это графический конспект тех деталей ритуала казни, которые отсутствуют в рисунке 1826 г., причем только этих деталей — балахонов, колпаков, нагрудных досок, связанных рук и ног осужденных. Последнее обстоятельство, как представляется, с особенной очевидностью раскрывает смысл и назначение рисунков: эта серия набросков является своеобразным графическим приложением к основному рисунку — исследованию о казни декабристов.

На первом листе две фигуры повешенных изображены со спины, в длинных, ниже колен, балахонах, напоминающих запахнутые халаты с рукавами. На одной фигуре балахон шире, на другой — у́же, слегка приталeн. Руки повешенных туго связаны за спиной, ноги связаны по-разному: у одного сильно стянутые веревкой «нога к ноге», у другого веревка на ногах гораздо свободнее. На головах повешенных широкие, доходящие до плеч колпаки типа капюшона (вспомним свидетельство И.-Г. Шницлера: «Виднелись только серые халаты с капюшонами, которыми закрывались их головы»[299]).

И еще одна деталь, представляющая, быть может, наибольший интерес в этих рисунках: способ наложения веревочной петли. У одного повешенного петля на шее находится под колпаком, у другого — наложена поверх колпака, обтягивая его по голове на манер платка. В этой графической записи Пушкин «законспектировал» две основные версии мемуаристов об этой подробности, изложенные в свидетельствах очевидцев. «Присутствовавший по службе при казни» отмечал: «...надевали петлю сперва, а потом белый колпак». Об этом же писал В. И. Беркопф: «...на них надеты петли, а колпаки, бывшие на их головах, стянуты на лица» (т. е. петли под колпаками). «Самовидец» утверждал: «Палачи наложили петли на их шеи, надвинули колпаки на глаза». А. X. Бенкендорф свидетельствовал: «Всем пятерым спустили белые колпаки на глаза и надели на шею веревки». Это подтверж-

дал И.-Г. Шницлер: «Плохо затянутые веревки соскользнули по капюшонам» (т. е. веревка шла по верху колпаков). О. Гризье видел, как «к осужденным приблизился палач и надел каждому из них на шею веревку, надвинул предварительно капюшоны на их головы» [300].

Заметим, что одна версия — «петли под колпаками» — сообщается очевидцами из числа должностных лиц, принимавших участие в совершении казни или стоявших вблизи виселицы, другая — «петли поверх колпаков» — излагается очевидцами из числа должностных лиц и зрителей, находившихся вдали от кронверкского вала. Пушкин зафиксировал в своем рисунке обе версии, следовательно, во-первых, он их считал в равной степени возможными и, во-вторых, что особенно важно, источниками «законспектированной» им информации были как очевидцы — непосредственные участники казни, так и очевидцы-зрители. Поэтому, в частности, колпаки в рисунке разного цвета: один — белый, по показаниям очевидцев, находившихся возле виселицы, и второй — зачерненный, темный, каким он виделся зрителям.

Ниже двух повешенных находится рисунок казни декабристов. Виселица и эшафот обозначены жирными линиями, подчеркивающими массивность сооружения и как бы обрамляющими картину. Обрисовка фигур казненных очень схожа с изображениями на нижнем рисунке 38-го листа третьей масонской тетради, в частности так же воспроизведено состояние движения трех фигур посередине, только одна из фигур отличается большей громоздкостью, а ноги другой (крайней слева) доведены до линии эшафота. Последнее — графическое отражение факта, происшедшего, по свидетельству «присутствовавшего по службе при казни», во время второго повешения: «Когда доска была опять поднята, то веревка Пестеля (висевшего крайним слева.— *Г. Н.*) так была длинна, что он носками доставал до помосту, что должно было продлить его мучение, и заметно было некоторое время, что он еще жив» [301]. Есть и другие отличия: фигуры повешенных изображены в темной, зачерненной одежде, видны лишь очертания тел, руки прижаты к туловищу, только у одной — «громоздкой» фигуры несколько выдвинуты локти. Однако ноги нарисованы несвязанными и их положение точно соответствует рисунку 1826 г.

Эта картина казни на рукописи «Полтавы», являясь документальным свидетельством исследовательской работы поэта, отражает новый этап в его изучении событий 13 июля: зафиксированная в ней историческая информация уточняет рисунок казни в третьей масонской тетради (одежда осужденных, положение рук — за спину) и в то же время не содержит важных деталей ритуала, воспроизведенных здесь же, в рисунках двух повешенных. Анализ исторического содержания графических записей подтверждается тем, что линия ноги первой фигуры повешенного идет по расположенному ниже рисунку казни, следовательно, этот

рисунок более раннего происхождения. Реконструкция заполнения этой части листа выглядит так: первым был сделан рисунок виселицы, затем (очевидно, одновременно) появился текст [302] (стихи обходят рисунок, но последующая правка идет по нему), позднее на полях листа, наверху, были выполнены рисунки двух повешенных. Таким образом, по тексту находящихся на этом листе стихов «Песни первой» поэмы можно датировать только рисунок казни. Расположенный внизу страницы рисунок виселицы — набросок-схема небольшого размера без прорисовки деталей, но с «привязкой» к месту (видны очертания вала, линии излома и слева начало стены второго эполимента) — интересен тем, что показывает вид виселицы с другой стороны вала, изнутри кронверка.

Отдельная фигура повешенного, нарисованного на другом листе, изображена спереди, без балахона и колпака, с головой, похожей на череп, со связанными руками и ногами, в костюме с пуговицами, напоминающем и однобортный мундир с фалдами, и мундирный фрак. Под ногами повешенного проведена длинная продольная черта — линия эшафота. Пушкин, видимо, обдумывал смысл особой «смертнической» одежды и пытался представить, как выглядели бы осужденные без нее, в тех костюмах, в которых они в первый раз были приведены к виселице. По рассказу «самовидца», Бестужев-Рюмин и Рылеев «вышли в черных фраках», Пестель и Муравьев-Апостол — «в мундирных сюртуках» [303]. В «Описи вещам, оставшимся после убылых из Санкт-Петербургской крепости арестантов» значится: у Пестеля — «шинель форменная» и два мундира, у Рылеева — «фрак черного сукна», у Муравьева-Апостола — «сюртук форменный», у Бестужева-Рюмина — «шинель форменная», у Каховского — «фрак черный суконный» [304]. В зарисовках В. Ф. Адлерберга Пестель и Муравьев-Апостол изображены в сюртуках, Рылеев — во фраке, Бестужев-Рюмин — в шинели. А. С. Пушкин нарисовал фигуру повешенного во фрачном костюме, в большей степени похожем не на фрак К. Ф. Рылеева в рисунке Адлерберга, а на мундирный фрак В. К. Кюхельбекера (форма воротника, пуговицы, фалды) в рисунке 1827 г. «Кюхельбекер, Рылеев, 14 декабря 1825». И картина получилась иная: костюм индивидуализировал повешенного, казнь лишалась ритуальной торжественности. Балахоны и колпаки были страшнее, они обезличивали осужденных, становились символом неотвратимости приговора и обреченности его жертв.

Иное прочтение этого рисунка предложил А. М. Эфрос, увидевший в нем более глубокий и значительный смысл: «Эта отдельная фигура повешенного — самая выразительная и страшная. Черты смертничества даны в ней так подчеркнуто, что явно внутреннее самоистязание, с каким Пушкин их отыскал, пережил и передал. Сила и мучительность изображения достигают почти уровня зарисовок казней, которые есть у классических мастеров

искусства; в одном отношении рисунок Пушкина даже ярче: в нем нет профессионального объективизма, полуравнодушия, которые свойственны анатому Леонардо или эпику Калло; своей устрашающей экспрессивностью Пушкин подходит в этом листе к Гойе. Эта возбужденная сосредоточенность внимания на одной фигуре казненного заставляет предполагать, что мысли о виселице применительно к самому себе («Когда не буду я повешен...», «Если буду я повешен...») получили в этом рисунке наибольшую автобиографичность» [305].

В последнем рисунке (три повешенных на перекладине) дан вид казненных спереди. Вначале Пушкин, очевидно, хотел изобразить повешенных фронтально, в одной плоскости. Он сделал набросок перекладины и нарисовал висящую на ней фигуру (третья справа). Но потом изменил замысел и разместил повешенных по перспективе. Первая фигура слева — в широком до пят балахоне, второй и третий повешенные — в более узких, обтягивающих тело одеждах. Руки у всех стянуты назад, за спину, но у второго повешенного веревки, связывающие руки, изображены в несколько рядов идущими поперек тела, по поясу (вспомним свидетельство «помощника квартального надзирателя»: «Один конец ремня шел спереди тела, другой сзади, так что рук поднимать не могли» [306]). Ноги связаны, но по-разному: у третьей фигуры они не стянуты, как у остальных, а изображены свободно висящими с обрывками связывавших их веревок. На груди первого повешенного помещена закрепленная идущей за спину веревкой большая зачерненная доска с оставленными в центре белыми пятнами. Веревочные петли у всех троих крепятся взахлест через перекладину, как у сорвавшихся и повешенных второй раз.

Заметим, что форма балахона в пушкинских рисунках — халат с рукавами — представляется более точной, нежели та, которая описывается в выше приведенных свидетельствах (так, «присутствовавший по службе при казни» указывал, что осужденные «были в белых халатах» [307]). Это же относится и к положению связанных рук поверх балахона (халата), за спиной (по словам «самовидца», «руки их связали позади»), а не «вдоль туловища», как свидетельствует «помощник квартального надзирателя» [308]. По сообщению М. А. Бестужева (со слов офицера Волкова), «когда осужденных ввели на эшафот, все пятеро висельников приблизились друг к другу... и, оборачиваясь задом, потому что руки были связаны, пожали друг другу руки...» [309] Н. А. Бестужев (со слов П. Н. Мысловского) писал о последних минутах смертников: «Они все пятеро поцеловались, оборотились так, чтоб можно было пожать им связанным друг другу руки...» [310] Эти сообщения косвенно подтверждает инженер-подпоручик В. А. Половцев, стоявший среди зрителей на крепостной эспланаде. Он записал в свой «Дневной журнал»: «...двое предпоследних, М[уравьев] и Б[естужев-Рюмин], прощались между собой несколько раз...» [311].

Внимание А. С. Пушкина к этому моменту в ритуале казни не случайно. Среди его «оренбургских записей» к «Истории Пугачева», сделанных в сентябре 1833 г., есть конспект устного предания о пленении Пугачева, в котором объясняется значение различного положения связанных рук: «Когда казаки решились выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед. Разве я разбойник, говорил Пугачев»[312]. Этот рассказ об обстоятельствах ареста Пугачева, раскрывший, возможно, Пушкину подлинный исторический смысл восстановленной им и графически воспроизведенной в черновике «Полтавы» важной детали ритуала казни декабристов, в художественно обработанном виде вошел в «Историю Пугачева»: «*Я давно видел вашу измену*, сказал Пугачев, и подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: *вяжи*! Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. *Разве я разбойник*? говорил он гневно»[313].

Серия рисунков казни на полях рукописи «Полтавы» наглядно свидетельствует о стремлении Пушкина к максимально полному и точному соответствию между полученной им информацией и формой ее графической записи. Конспектирование сведений о казни потребовало изображения повешенных в разном положении (сзади, спереди, сбоку), фиксации в рисунках противоречивых версий очевидцев (варианты наложения веревочных петель, форма балахонов, цвет колпаков, положение связанных рук, способ связывания ног осужденных и т. д.). Эта информация восполнила недостающие в рисунке 1826 г. графические записи о казни.

Документально устанавливаемые этапы в изучении Пушкиным казни декабристов (осень 1826 г.— место виселицы, ее устройство, обстоятельства второго повешения и т. д.; 1828 г.— ритуал казни, смертническая одежда осужденных) позволяют, в свою очередь, датировать пушкинский рисунок виселицы на странице книги «Ивангое». Т. Г. Цявловская, исследовавшая «историю» этой книги, полагала, что Пушкин купил ее в свой первый после возвращения из ссылки приезд в Петербург, т. е. «не ранее конца мая 1827 г.»[314]. Основанием для такой датировки является запись, сделанная наверху титульного листа книги: «St. Pétersb[ourg]». По мнению Л. М. Лотман, Пушкин приобрел «Ивангое» осенью 1826 г. в Москве. Установив, что в X книге «Московского телеграфа» за 1826 г., цензурное разрешение которой состоялось 12 августа 1826 г., была помещена рецензия на изданный в типографии А. Ф. Смирдина русский перевод романа В. Скотта, Л. М. Лотман пишет: «Приехавший в Москву в начале сентября Пушкин в свежем номере «Московского телеграфа» мог прочесть о выходе перевода романа Вальтера Скотта и в Москве его приобрести как литературную новинку». Это допущение, маловероятное, но возможное (помета «St. Pétersb[ourg]» могла и не обозначать места приобретения книги и иметь иное происхождение), привело исследовательницу к предположению о том, что

«рисунки виселиц на 38-м листе третьей масонской тетради и на полях «Ивангое» возникли примерно в одно время»[315].

Однако гипотеза Л. М. Лотман не основывается на сравнительном изучении этих рисунков. На рисунке в книге «Ивангое» в отличие от рисунков третьей масонской тетради фигуры повешенных изображены в лишь обозначенной, но явно различимой смертнической одежде типа «мешка», со связанными руками и ногами. Схематичность рисунка, нечеткость линий, незавершенность деталей одежды могут свидетельствовать о том, что это один из первых дошедших до нас графических набросков, сделанных Пушкиным в процессе «восстановления» ритуала казни. С другой стороны, схематизм рисунка и отсутствие в нем тщательной детализации можно рассматривать и как признак его образной обобщенности. Но в любом случае этот рисунок и по времени возникновения, и по характеру исполнения примыкает к графическим записям в рукописи «Полтавы» либо предшествуя им как один из начальных опытов графического освоения сведений о ритуале казни декабристов, либо (что вероятнее) являясь более поздним, «резюмирующим» наброском, не преследовавшим цели зафиксировать подробности изображаемого сюжета.

Предположение Т. Г. Цявловской о том, что рисунок был сделан «между 5 и 8 марта 1829 г.», остается документально не подтвержденным и весьма условно «привязанным» ко времени дарственной надписи на книге «Ал. Ал. Раменскому», датируемой 8 марта 1829 г.[316] Между тем эта дата означает лишь, что рисунок виселицы был сделан не позднее 8 марта 1829 г. Пушкинский рисунок, помещенный на первой странице первой части «Ивангое», не находится в прямой связи с дарительной надписью, сделанной в другом месте, на титульном листе второй части книги, и мог появиться гораздо раньше марта 1829 г., но, как это видно из анализа рисунка, не ранее 1828 г. Таким образом, рисунок виселицы следует датировать в хронологических границах 1828—8 марта 1829 г. К этому времени относится и находящийся ниже портрет С. И. Муравьева-Апостола. Расположенные слева шесть заключительных строк <15> «декабристской строфы» «Евгения Онегина», прочитанные С. М. Бонди, обходят рисунок виселицы[317]. Это может указывать на последовательность и, очевидно, разновременность заполнения страницы: рисунки предшествуют тексту, они более раннего происхождения. Датировка рисунков в «Ивангое» имеет важное значение для понимания исследовательской логики графических материалов Пушкина.

При определении возможных источников информации о казни, собранной Пушкиным к осени 1828 г., следует иметь в виду, что, по возвращении из ссылки, в Москве и Петербурге поэт находился в весьма осведомленной общественной среде, постоянно встречаясь в свете либо с очевидцами казни, либо с людьми, причастными к процессу по делу 14 декабря и исполнению пригово-

ра, либо с родственниками казненных. По свидетельству В. А. Жуковского, Пушкин был знаком со всеми членами хорошо информированного дипломатического корпуса[318]. Знакомство с некоторыми из них могло состояться еще осенью 1826 г. в Москве. Среди дипломатов, встречи которых с Пушкиным в 1827—1828 гг. засвидетельствованы источниками, очевидцами казни были (или, точнее, могли быть) французский посол П. Л. де Лаферроннэ, секретарь французского посольства Т.-Ж. де Лагренэ, нидерландский посланник Л.-Б. Геккерн, вюртембергский посланник Х.-Л. Гогенлоэ, датский посланник О. Бломе, шведский посланник Н. Ф. Пальмшерна. Общение Пушкина в эти годы с другими членами дипломатического корпуса — возможными очевидцами казни декабристов — не подтверждается документально и остается неизвестным, однако приведенное свидетельство В. А. Жуковского позволяет с уверенностью предположить такие встречи и включить сотрудников дипломатических миссий, в частности 1826—1828 гг., в круг возможных знакомых поэта[319]. С 1828 г. Пушкин вновь стал посещать салон графа И. С. Лаваля, одна из дочерей которого была замужем за австрийским посланником в Петербурге в 1826 г. графом Л.-А. Лебцельтерном.

По возвращении в Петербург в мае 1827 г. А. С. Пушкин встретился с двумя очевидцами казни — А. А. Дельвигом и Н. И. Гречем, стоявшими той страшной ночью в толпе зрителей на эспланаде, неподалеку от Н. В. Путяты. Летом 1827 г. Пушкин сблизился с адъютантом петербургского генерал-губернатора Н. А. Мухановым, который вопреки распространенному мнению не был очевидцем казни, но мог располагать нужной информацией. В агентурных сведениях III Отделения, помеченных 13 июля 1827 г., сообщалось, что живущего «в гостинице Демута» Пушкина «обыкновенно» посещает «полковник Безобразов»[320]. Это тот самый полковник л.-гв. Московского полка Н. М. Безобразов *, который 13 июля 1826 г. находился в качестве младшего штаб-офицера при первом сводном пехотном батальоне на эспланаде Петропавловской крепости. Младшим штаб-офицером при втором сводном пехотном батальоне был полковник л.-гв. Измайловского полка К. К. Мердер, с которым Пушкин также был знаком и, как явствует из его записи в «Дневнике» от 25 апреля 1834 г., знал за «человека доброго и честного»[321].

В мае — июле и октябре 1827 — октябре 1828 г. могли состояться встречи Пушкина с «учителем фехтования» О. Гризье. В апреле — октябре 1828 г. Пушкин виделся с О. А. Пржецлавским. Наконец, рассказы очевидцев, в том числе и не дошедшие до нас, распространялись в списках. Так, свидетельство «само-

* Как установил Л. А. Черейский, другого «полковника Безобразова» в петербургских военных учреждениях и полках в 1827 г. не было (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 30).

видца» сохранилось в трех списках: один был найден в бумагах М. Я. Чаадаева, родного брата П. Я. Чаадаева, другой — в семейном архиве кн. П. М. Волконского, третий был прислан в 80-х годах в «Русский архив»[322]. Известно, что в Москве осенью 1826 г. возобновились встречи А. С. Пушкина с П. Я. Чаадаевым. В Петербурге он общался с кн. П. М. Волконским, был хорошо знаком с женой последнего — кн. С. Г. Волконской, с их дочерью А. П. Волконской, бывшей замужем за П. Д. Дурново, братом очевидца казни Н. Д. Дурново[323].

Итак, в течение двух лет, с осени 1826 по осень 1828 г., Пушкин сумел собрать, привести в систему и графически «записать» в третьей масонской тетради и в черновике «Полтавы» достоверные исторические сведения о казни декабристов. Эта историческая работа Пушкина представляет значительный научный интерес, как первое в отечественной историографии исследование о казни 13 июля 1826 г. Выполненное современником событий, оно сохраняет значение уникального исторического источника, не только синтезировавшего преимущественно не дошедшие до нас достоверные свидетельства очевидцев, но и благодаря своей необычной форме «показывающего» процесс исполнения приговора, и в частности те подробности и детали, о которых сохранились наиболее противоречивые мемуарные свидетельства.

„НА ТАЙНЫЕ ЛИСТЫ ЗАПИСЫВАЛ Я ЖИЗНЬ“...

ТЕКСТОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ

Характеризуя творческую эволюцию Пушкина в конце 1820-х — начале 1830-х гг., Ю. Н. Тынянов отмечал: «Работа поэта, а затем и прозаика все более сталкивает Пушкина с документом. Его художественная работа не только питается резервуаром науки, но и по возникающим методологическим вопросам близка к ней. Отсюда — диалектический переход на материал как на таковой» [1]. Историографическая деятельность поэта становилась источником литературного творчества, а полученное историческое знание — элементом художественной системы. Исторические материалы о декабристах должны были бы явиться документальной основой литературных произведений, незавершенных и известных по черновым наброскам. Отрывок под условным названием «Записки молодого человека» свидетельствует о замысле Пушкина в 1829—1830 гг. написать повесть о прапорщике*, 6 мая 1825 г. получившем «повеление отправиться в полк в местечко В.[асильков]» [2]. Время и место действия повести, а также план намечавшихся глав позволяют предположить, что ее возможный сюжет — восстание Черниговского пехотного полка под руководством С. И. Муравьева-Апостола 29 декабря 1825 — 3 января 1826 г. [3] Другие дошедшие до нас заметки — наброски текста и планы романа «Русский Пелам», относящиеся к 1834—1835 гг., отражают более широкий замысел — воссоздать картину русской общественной жизни конца 1810-х — начала 1820-х гг. и на этом историческом фоне показать становление и развитие в России революционных тайных обществ [4]. В одном из планов романа наряду с другими дворянскими кругами отмечены «Дом Всеволожских», в котором проходили заседания «Зеленой лампы» и «Общество *умных* (И.[лья] Долг.[оруков], С.[ергей] Труб.[ецкой], Ник.[ита] Мур.[авьев] etc.)» [5].

Исторические исследования А. С. Пушкина, сохраняя самостоятельное научное значение, были подготовительным этапом

* Пушкинский замысел повести о «прапорщике» имеет явную идейную связь с известными словами А. С. Грибоедова о восстании декабристов: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России» (Беседы в Обществе любителей российской словесности, 1867, вып. 8, с. 20). А. А. Жандр пояснял это высказывание: «Если он и говорил о 100 человеках прапорщиков, то это только в отношении к исполнению дела, а в необходимость и справедливость дела он верил вполне» (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, с. 269).

его литературной работы. Сближение историографического и художественного в пушкинских трудах проявилось в документальности художественных произведений, созданных в этот период, и в художественности подготовленных им в это время исторических материалов. Этот процесс взаимодействия раскрывается при анализе сохранившихся текстовых документальных записей о декабристах.

1

15 октября 1827 г., на другой день после встречи с В. К. Кюхельбекером, Пушкин записал: «...Вчерашний день был для меня замечателен... На... станции нашел я Шиллерова *Духовидца*, но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали 4 тройки с фельдъегерем. Вероятно, поляки? сказал я хозяйке.— Да,— отвечала она, их нынче отвозят назад.— Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинели... Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю К[юхельбекера]. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. К[юхельбекеру] сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали» [6]. Фельдъегерь Подгорный, сопровождавший «государственных преступников», в рапорте от 28 октября 1827 г. сообщал дежурному генералу Главного штаба А. Н. Потапову, что «по пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать. Я, видя сие, наипоспешнейше отправил как первого, так и тех двух за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать, а сам остался для написания подорожной и заплаты прогонов. Но г. Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г. Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытию в С.-Петербург в ту же минуту доложу его императорскому величеству как за недопущение распроститься с другом, так и дать ему на дорогу денег; сверх того не примину также сказать и генерал-адъютанту Бенкендорфу. Сам же г. Пушкин, между угрозами, объявил мне, что он посажен был в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал ему иметь сношение с арестантом; а преступник Кюхельбекер мне сказал: Это тот Пушкин, который сочиняет» [7].

«Встреча с Кюхельбекером» — самая ранняя из сохранившихся текстовых «декабристских» записей Пушкина. По мнению И. Л. Фейнберга, она предназначалась для «биографии», которую Пушкин собирался писать взамен «Записок», сожженных

после 14 декабря 1825 г.[8] Однако планы их возобновления и наброски к ним датируются началом 1830-х гг.[9], а о работе Пушкина над «биографией» осенью 1827 г. ничего не известно. Но, как уже упоминалось, 15 сентября 1827 г. он говорил приехавшему в Михайловское А. Н. Вульфу: «Непременно должно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться. Теперь уже можно писать царствование Николая и об 14-м декабря»[10]. Через месяц, 15 октября 1827 г., по дороге из Михайловского в Петербург на отдельном листке бумаги Пушкин описал свою встречу с Кюхельбекером. Естественно предположить, что эта запись могла иметь непосредственное отношение к историческому замыслу поэта.

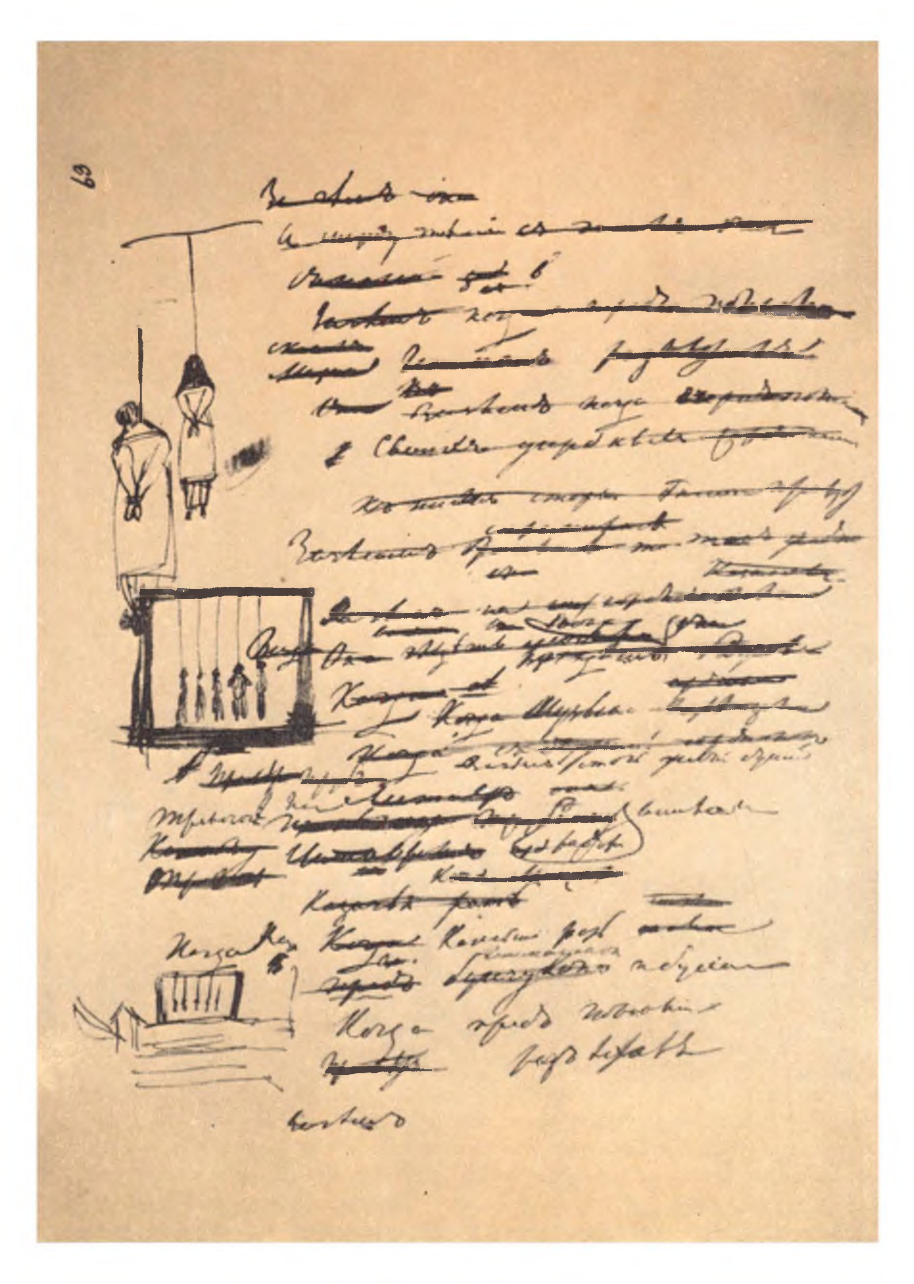
Документальные заметки о декабристах из путевого дневника Пушкина[11], который он вел во время поездки на Кавказ в 1829 г., в литературно обработанном виде и значительно дополненные вошли в очерки «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», подготовленные поэтом к печати в 1835 г., к десятилетию выступления декабристов, и опубликованные в первом томе «Современника» в апреле 1836 г. Содержащийся в этом произведении рассказ о «кавказских» декабристах (В. А. Мусине-Пушкине, И. Г. Бурцове, М. И. Пущине, П. П. Коновницыне, Н. Н. Семичеве) является свидетельством очевидца о судьбе сосланных на Кавказ «государственных преступников», их участии в военной кампании 1829 г., боевых заслугах, доблести и патриотизме. Подлинность написанного засвидетельствована жанром — путевые записки; достоверность сведений подтверждается документально; исторические и топографические описания отличаются точностью и обстоятельностью; работая над ними, Пушкин использовал большой литературный и научный аппарат[12]. Созданная Пушкиным по материалам поездки на Кавказ художественная проза — это одновременно и документальный источник по истории кавказской ссылки декабристов, и первый опыт ее освещения, открывший новую для русской литературы декабристскую тему.

В пушкинском «Дневнике» 1833—1835 гг. между записями от 3 и 8 марта 1834 г. помещен рассказ о Николае I, ожидающем в Царском Селе известий из Петербурга о казни декабристов: «13 июля 1826 года в полдень, гос.[ударь] находился в Царск.[ом] Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег.— В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку и платок и побежал во дворец — собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр.[ейлина] подняла платок в память исторического дня».

Эта запись была сделана Пушкиным, очевидно, со слов фрейлины А. О. Смирновой, которая позднее вспоминала, как однажды П. А. Вяземский в присутствии Пушкина попросил ее «рас-

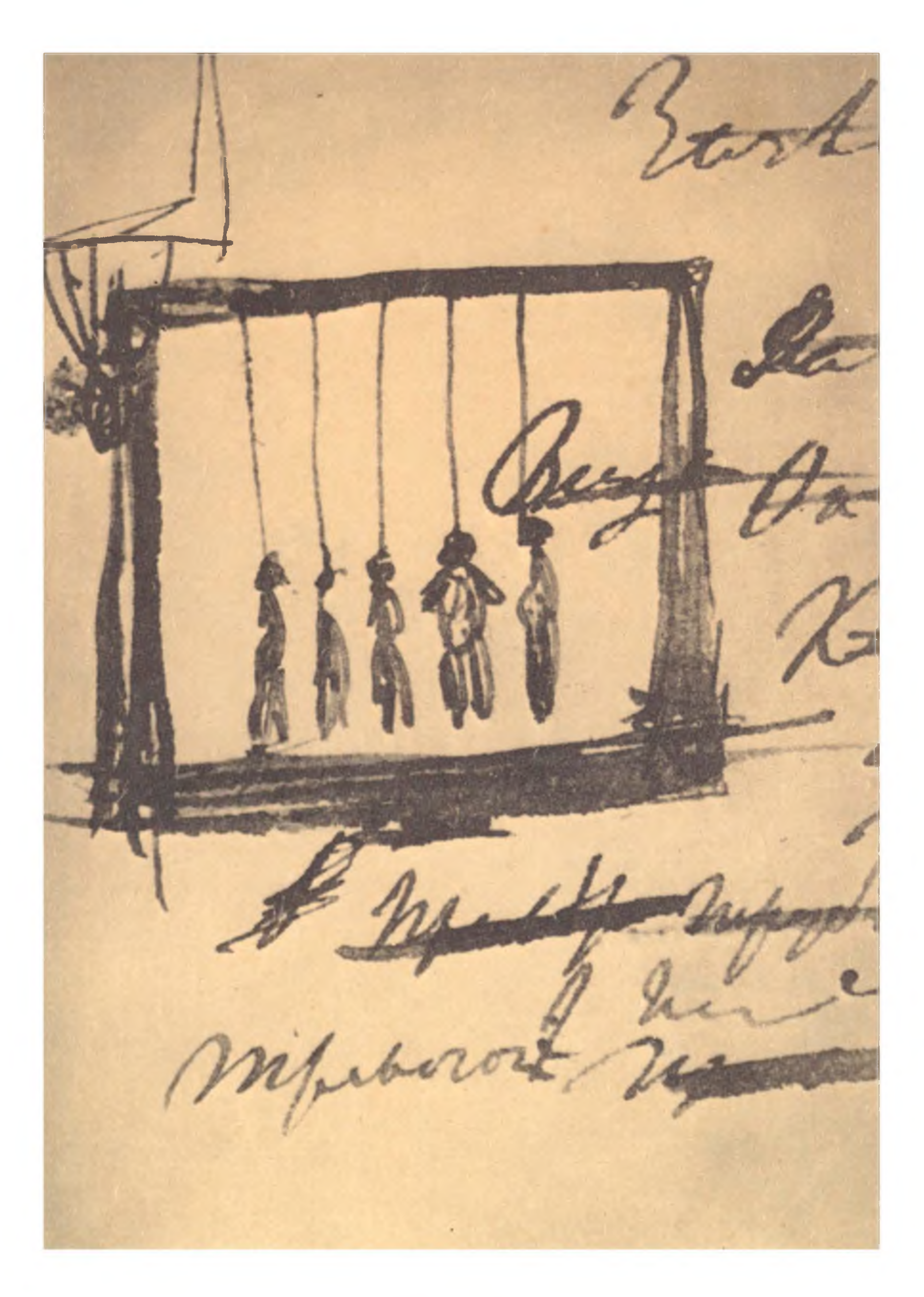

С. И. Муравьев-Апостол. Портрет работы Н. И. Уткина
Государственный Литературный музей, г. Москва

Лист рукописи «Полтавы»

Фрагмент № 1 ▷

Фрагмент № 2

Лист рукописи «Полтавы» ▷

Гетман [redacted] [illegible]

[illegible] [redacted] [illegible]

[illegible]

Когда [illegible]

[illegible] почили [illegible]

И [illegible] шатёр и казни —

Когда пред Русью бушевал

Малороссийского владыки — —

[illegible] [redacted]

Зачем [illegible] [redacted]

Когда [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Зачем [illegible] [redacted]

[illegible] [redacted] [illegible]

[illegible] [illegible], [illegible]

[illegible] [illegible] [redacted]

[illegible] [redacted]

[illegible] Он [illegible]

[redacted]

Когда [illegible] его [illegible]

Когда он [illegible] [illegible]

[illegible] [redacted]

[illegible] [redacted] [illegible]

[illegible] Кудри [illegible]

[illegible] [redacted]

[redacted] [illegible]

И сохранила [illegible] [illegible]

[illegible] [redacted] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [redacted] [illegible]

[illegible] [redacted] [illegible]

[illegible] [illegible]

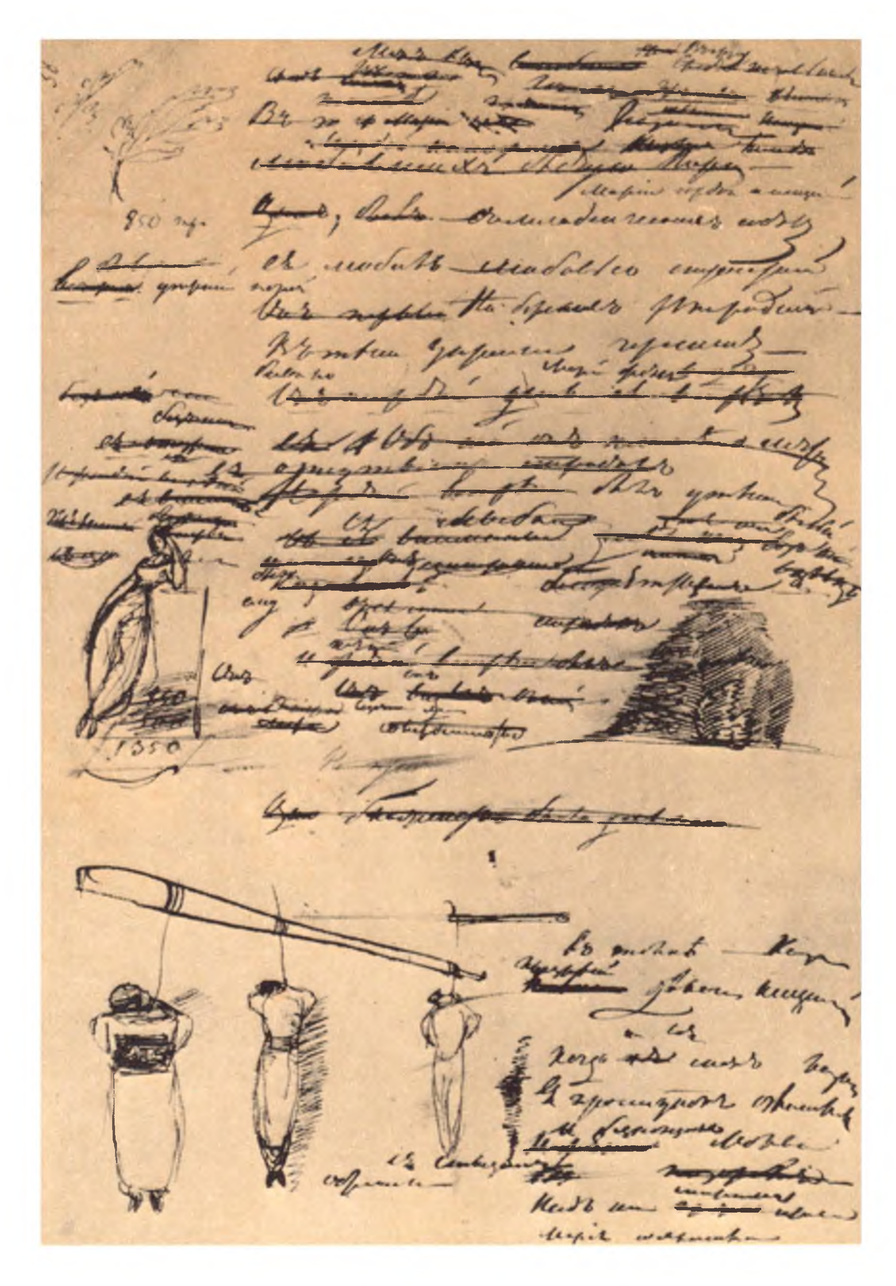
Мало

Зал

когда

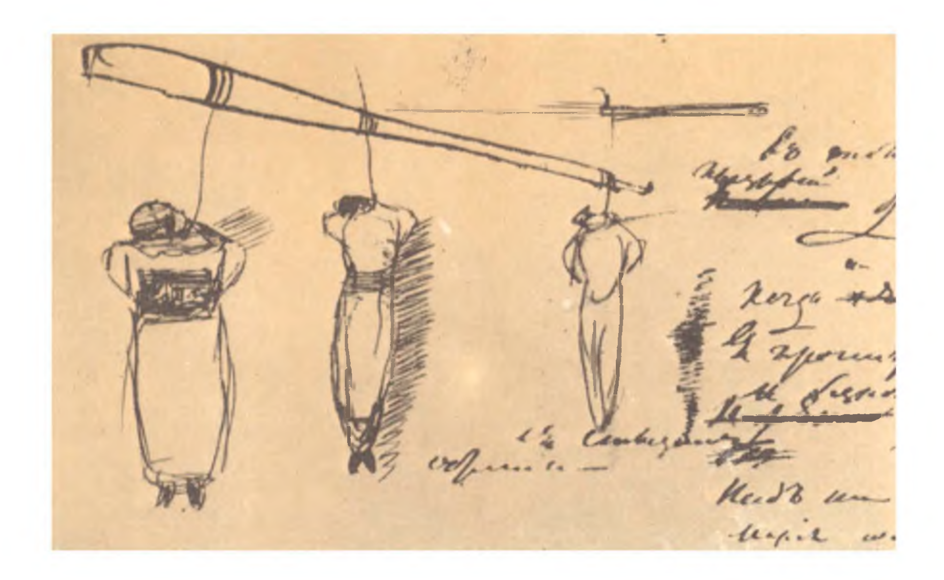
ищешь

Ко

Лист рукописи «Полтавы»

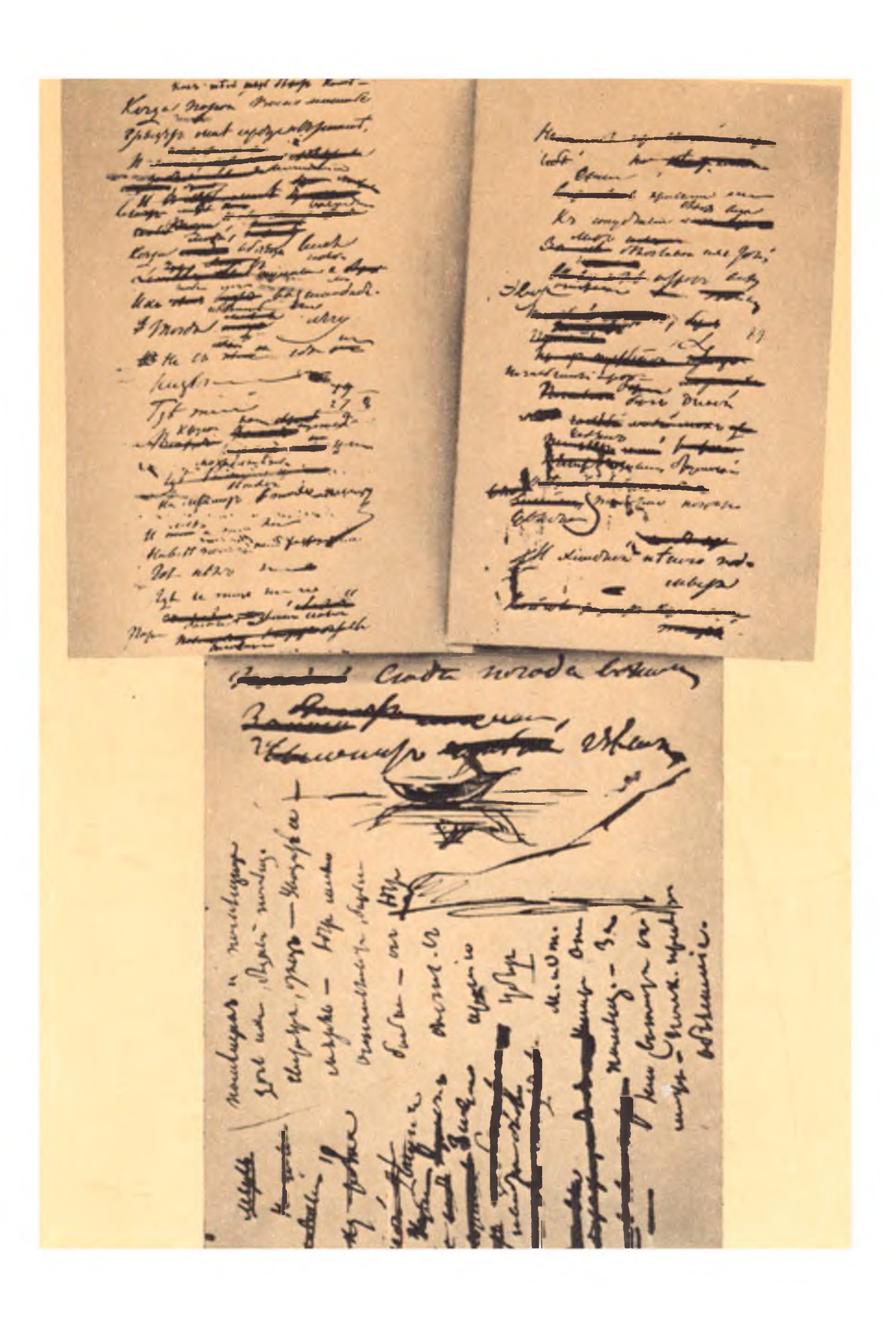
◁ Фрагмент

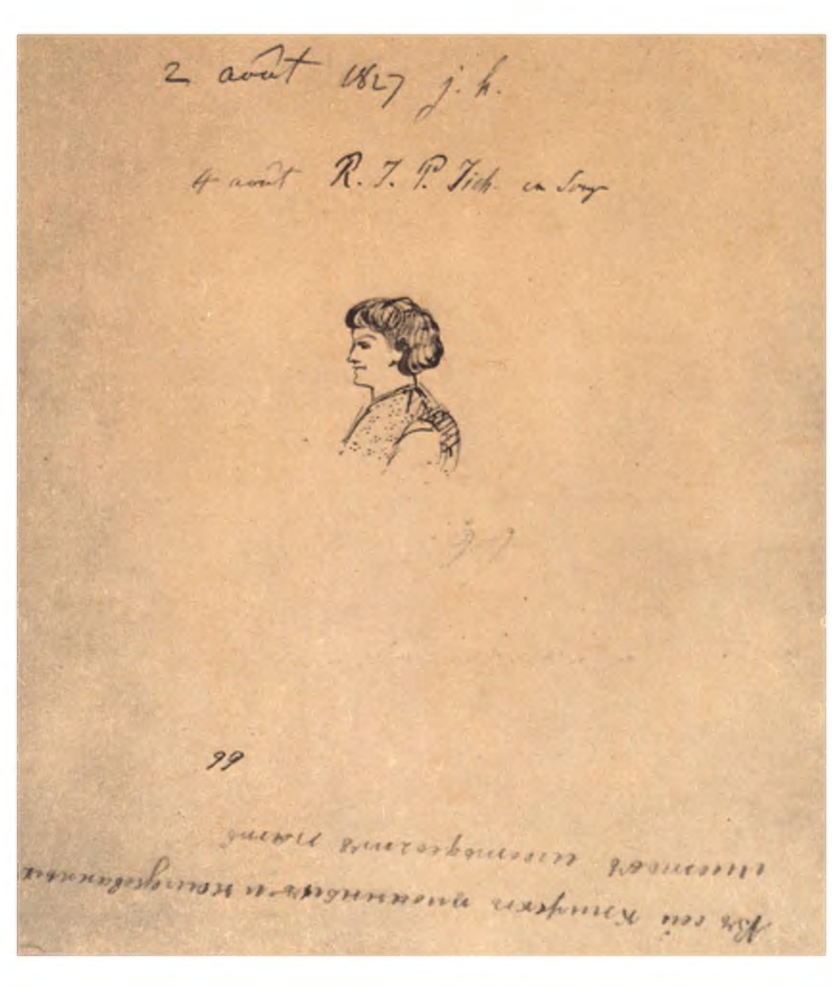
Фрагмент

Автограф стихотворения «Арион»

Рукопись «Медного всадника»

Автограф стихотворения «Когда порой воспоминанье...»

88-й лист третьей кишиневской тетради

«Декабристские строфы» «Евгения Онегина»

А. П. Юшневский

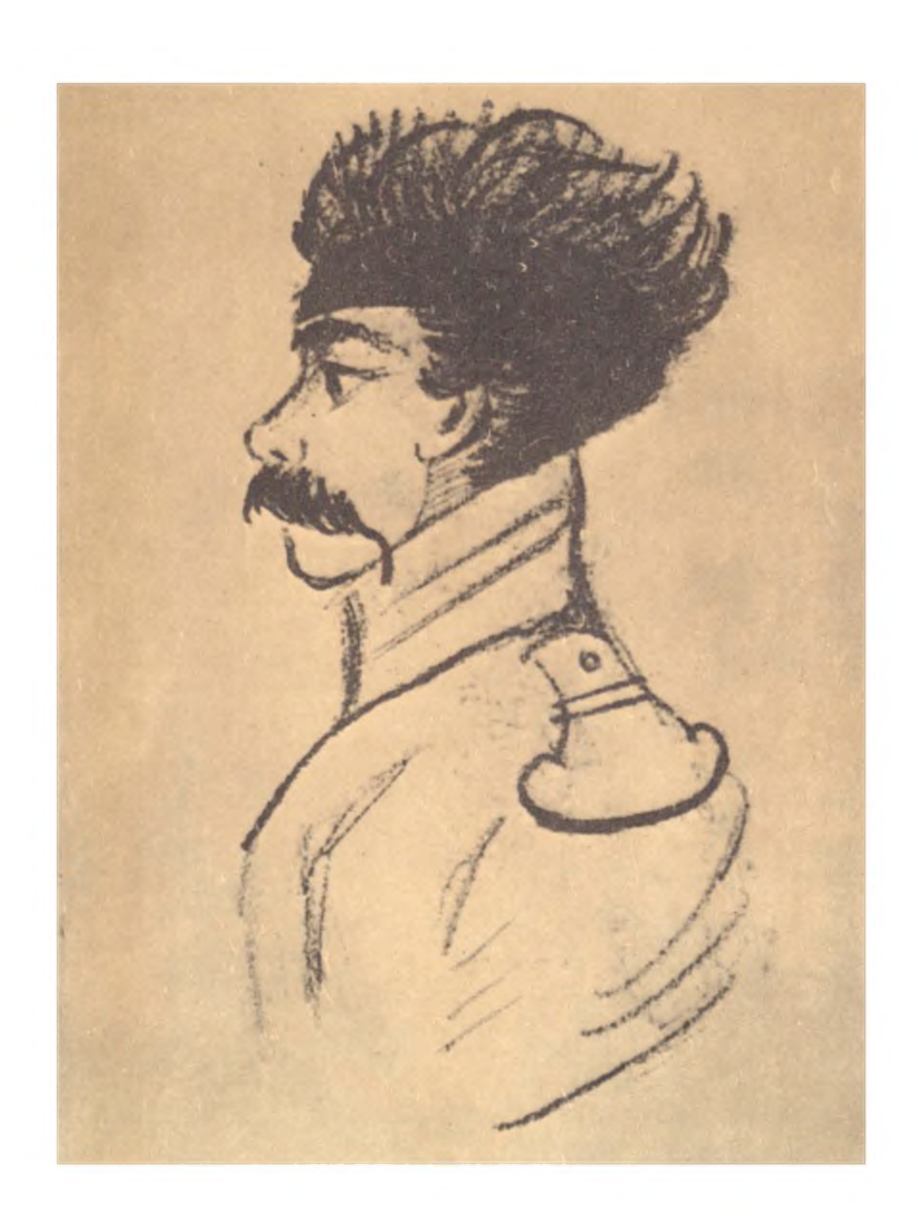

М. С. Лунин

В. Ф. Раевский (верхний рисунок, внизу слева) ▷

М. Ф. Орлов (нижний рисунок, слева) ▷

А. И. Якубович

сказать, что произошло в утро казни пяти декабристов»[14]. Когда происходил этот разговор, неизвестно, но Пушкин виделся с А. О. Смирновой 7 марта 1834 г.[15] Описание этой встречи помещено в «Дневнике» поэта после записи о Николае I в день казни декабристов. Возможно, Пушкин не хотел раскрывать источник приводимого им рассказа «фрейлины» и потому сначала поместил недатированную отдельную запись о Николае I, а затем уже написал: «*8 марта.* Вчера был у См.[ирновой], ц. н.— анекдоты...»[16] Перед записью о 13 июля 1826 г. у Пушкина — анекдот о происшествии с С. А. Соболевским на вечере у В. Ф. Одоевского, помеченный 3 марта 1834 г.[17] Но этот рассказ идет в «Дневнике» после записи от 6 марта[18], следовательно, он записан не ранее 7 марта. Значит, наше предположение о дате пушкинской записи о дне казни декабристов — 8 марта 1834 г.— справедливо.

Рассказ «фрейлины» о 13 июля 1826 г. помещен в «Дневнике» Пушкина между двумя записями, одна из которых — от 8 марта — расшифровывает его источник, указывает дату, другая, помеченная 3 марта, но сделанная, очевидно, тоже 8 марта, нарушая хронологию заполнения «Дневника», как бы «уводит» от источника и действительной даты этого рассказа и салонным анекдотом подчеркивает случайность и политическую «нейтральность» последующей записи. Таким образом, предположение Д. П. Якубовича о применении в пушкинском «Дневнике» 1833—1835 гг. метода «смежного эпизода», когда «непосредственно за одной записью» помещается «другая, внешне не связанная с первой, но по существу являющаяся ее расшифровкой», в случае с записью о казни декабристов подтверждается вполне[19].

Дочь мемуаристки, О. Н. Смирнова, дополнила свидетельство матери о состоявшемся у нее на вечере разговоре следующим комментарием: «Моя мать прогуливалась по парку и увидала на берегу озера государя. Он кидал платок своей собаке, ирландскому ретрайверу, а та бросалась за ним в воду. Государь был бледен и мрачен. Прибежал лакей и доложил о прибытии фельдъегеря. Государь направился большими шагами ко дворцу; собака, которая была в воде, принесла лакею платок государя. Когда моя мать вернулась с прогулки, Марья Савельевна объявила ей, что курьер привез известие о казни пяти декабристов и что государь, расспросив его, отправился в часовню и велел отслужить панихиду, на которой он присутствовал, а затем заперся в своем кабинете. Вечером в Царское Село приехал великий князь Михаил Павлович, и оба брата только поздно вечером пожаловали к чаю императрицы. Моя мать записала этот вечер. Императрице очень нездоровилось (она была беременна), государь, очень бледный и грустный, почти не разговаривал; великий князь казался озабоченным и мрачным»[20].

Итак, источник пушкинской записи от 8 марта 1834 г. в «Дневнике» — рассказ А. О. Смирновой. Содержание его предположительно восстанавливается по комментарию дочери мемуа-

ристки. «Этому повествованию,— отмечал Б. Л. Модзалевский,— есть полное основание доверять; по крайней мере в схематической записи рассказов А. О. Смирновой Я. П. Полонский сделал такую заметку с ее слов: «14 декабря 1825 года, собака, платок обыкновенный»» [21].

Однако рассказ «фрейлины» и в изложении О. Н. Смирновой, и в пересказе Пушкина является вымыслом. В действительности Николая I «разбудили» 13 июля 1826 г. в семь утра. Императрица Александра Федоровна записала в тот день в своем дневнике: «В 7 часов Николая разбудили. Двумя письмами Кутузов и Дибич доносили, что все прошло без каких-либо беспорядков; виновные вели себя трусливо и недостойно, солдаты же соблюдали тишину и порядок» [22]. Прочитав доставленные из Петербурга фельдъегерем Чаусовым записку И. И. Дибича и донесение П. В. Голенищева-Кутузова, Николай I отвечал Дибичу на полях его записки: «Благодарю бога, что все окончилось благополучно; я вполне был уверен, что герои 14-го не выкажут в этом случае более храбрости, нежели нужно. Прошу вас, любезный друг, быть сегодня как можно осторожнее и прошу передать Бенкендорфу, чтобы он удвоил свою бдительность и внимание; тот же приказ следует отдать по войскам. Я хочу уехать отсюда таким образом, чтобы быть в 3 часа в моем дворце в городе» [23]. Вслед за фельдъегерем в Царское Село прибыл А. И. Чернышев. После разговора с ним Николай I писал в Москву Марии Федоровне: «Два слова наспех, дорогая матушка, чтоб сообщить вам, что все прошло спокойно и в совершеннейшем порядке. Презренные и вели себя как презренные — с величайшей низостью. Чернышев уезжает сегодня вечером и, как очевидец, сможет сообщить вам все подробности. Извините меня за краткость, но, зная и разделяя ваше беспокойство, дорогая матушка, я хотел вам сообщить эти сведения, как только я их получил» [24].

Содержание этого письма ставит под сомнение сообщаемые О. Н. Смирновой сведения о том, что Николай I, получив донесение о казни, «отправился в часовню и велел отслужить панихиду», а впервые прочитав стихи К. Ф. Рылеева, говорил В. А. Жуковскому: «Я жалею, что не знал о том, что Рылеев — талантливый поэт; мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их» [25]. Вел. кн. Михаил Павлович 13 июля 1826 г. в Царское Село не приезжал, а Николай I «в полдень» должен был уже уехать в Петербург, чтобы во второй половине дня из Зимнего дворца отдать необходимые распоряжения по поводу назначенных на следующий день молебна и парада войск на Сенатской площади.

Историческая недостоверность сцены у царскосельского пруда в день казни не могла не быть очевидной для Пушкина. В этом убеждал простой расчет времени получения в Царском Селе донесения из Петербурга. Пушкин, конечно, не мог не знать того, что было известно современникам, в том числе и из его

окружения: казнь была совершена в пять — начале шестого утра[26]. И тем не менее запись о Николае I с заведомо неверными сведениями вносится Пушкиным в «Дневник». Важное и глубокое наблюдение сделал И. Л. Фейнберг: «Подготовляя изображение исторического события, писать о котором было запрещено, Пушкин закреплял иногда в «Дневнике» лишь цензурную — на первый взгляд — часть задуманной картины. Закрепляя, прямо подразумевая запретное целое; при этом он иногда осторожно касался в «Дневнике» собранного им изустно (или почерпнутого в записках современников) запретного исторического материала. Такой способ работы облегчал ему возможность воссоздать в дальнейшем задуманную картину в целом»[27].

На вечере у А. О. Смирновой 7 марта 1834 г. Пушкин услышал еще один «анекдот»: «Жук.[овский] поймал недавно на бале у Фикельмон... цареубийцу Скарятина, и заставил его рассказывать 11-ое марта... В эту минуту входит гос.[ударь] с гр. Бенкенд.[орфом] и застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцею его отца!»[28] Этот «анекдот», очевидно последовавший за рассказом «фрейлины» и потому записанный в «Дневнике» 8 марта 1834 г. после сцены у царскосельского пруда, вновь упоминается в записи Пушкина от 17 марта 1834 г., и вновь в связи с казнью декабристов: «Третьего дня обед у австр.[ийского] посланника... Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марта. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмон не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества, но по[койный] гос.[ударь] окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины.— NB государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать»[29].

18 декабря 1834 г. Пушкин поместил в «Дневнике» подробный рассказ о состоявшемся в Аничковом дворце бале («Третьего дня был я наконец в Аничковом»). Подлинный смысл и содержание рассказа раскрываются дневниковой записью от 15 декабря 1833 г.: «Вчера не было обыкновенного бала при дворе: имп.[ератрица] была не здорова.— Поутру обедня и молебен»[30]. Итак, 14 декабря 1834 г. Пушкин «наконец» побывал на балу в Аничковом дворце, где по традиции Николай I ежегодно праздновал свою победу на Сенатской площади и восшествие на престол. В той же записи Пушкин сообщает о молебне утром 14 декабря 1834 г. в малой церкви Зимнего дворца, где собрались «ветераны» Сенатской площади, и о том, что он возвращался оттуда домой вместе с одним из участников событий — вел. кн. Михаилом Павловичем[31].

Разговор с Михаилом Павловичем был и 19 декабря 1834 г.:

«22 дек[абря], суббота.— В середу был я у Хитр[ово] — имел долгий разговор с в.[еликим] кн.[язем]»[32]. Пушкин, не называя точной даты состоявшегося разговора, позволяет ее вычислить. Это имеет значение для понимания изложенной в записи беседы. 19 декабря 1825 г. был издан высочайший манифест, утверждавший случайность происшедших в Петербурге событий и невозможность революционного движения в России. В разговоре с Михаилом Павловичем Пушкин спорит с основными идеями манифеста 19 декабря, доказывает существование социальной основы революции в России и неизбежность новых потрясений: «Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много»[33].

Источниковедческий анализ «декабристских записей» в пушкинском «Дневнике» 1833—1835 гг. подтверждает историографическое назначение составленного поэтом «конспекта» достоверных документальных сведений о своем времени — собственных наблюдений над «современными происшествиями» и рассказов очевидцев об «исторических днях». Как отмечал П. Е. Щеголев, «когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, он смотрел на нее как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей дневника или он сам, или неведомый читатель и исследователь»[34].

2

В один из вечеров 1828 г. у Карамзиных А. С. Пушкин рассказал новеллу о «влюбленном бесе». Присутствовавший на вечере В. П. Титов, московский знакомый поэта, недавно переведенный на службу в Петербург, «воротясь домой, не мог заснуть почти всю ночь и несколько времени спустя положил» услышанный рассказ «с памяти на бумагу», «пошел с тетрадью к Пушкину в гостиницу Демута, убедил его прослушать от начала до конца, воспользовался многими поныне памятными его поправками и потом, по настоятельному желанию Дельвига, отдал в «Северные цветы»»[35].

Повесть, озаглавленная «Уединенный домик на Васильевском», была опубликована под псевдонимом В. П. Титова — Тит Космократов в «Северных цветах на 1829 год». Она начиналась описанием пейзажа: «Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга. Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных огромных строений, и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косою в сонные ряды залива. По мере приближения к этой оконечности каменные здания, редея, уступают место деревянным хижинам; между сими хижинами проглядывают пустыри; наконец строение вовсе исчезает, и вы идете мимо

ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одними или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями; ров, заросший высокою крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий; а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье. И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова,— все погребено в седые сугробы, как будто в могилу» [36].

По мнению А. А. Ахматовой, это описание соответствует топографии острова Голодай, где, по преданию, были захоронены казненные декабристы. «Для южной стороны Васильевского острова, которую он ежедневно видит, автор не находит, однако, ни одного живого слова,— отмечает исследовательница,— а над северной, где вообще никогда никто не бывает, он почти плачет, угнетенный мрачным летним пейзажем, и представляет себе еще более унылый — зимний, сравнивая его с могилой» [37].

Остров, описанный в «Уединенном домике на Васильевском», А. А. Ахматова отождествляет с местом захоронения Евгения в «Медном всаднике» [38]. Однако обратимся к пушкинскому тексту:

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он, как черный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего.
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога [39].

Наблюдение Ахматовой было оспорено А. Е. Тарховым: «К этому мнению трудно присоединиться, ибо пушкинское описание определенно говорит о том, что остров, во-первых, «малый», а во-вторых, «лежит на взморье» — чего никак нельзя сказать о Голодае, который, по существу, есть оконечность большого Васильевского острова, и увидеть его отдельно лежащим на взморье просто невозможно. Достаточно взглянуть на карту Петербурга, чтобы понять, что Пушкин имел в виду не Голодай... Та же карта подсказывает, что есть только один остров, который в точности отвечает описанию Пушкина: название его Вольный...» [40] Сообра-

жения Тархова поддержал Н. В. Измайлов, считавший, что «остров малый на взморье» в «Медном всаднике» — «это, конечно, не обширный, лесистый тогда остров Голодай (теперь о. Декабристов), отделенный от Васильевского острова лишь узким протоком — речкой Смоленкой...». По его мнению, поэт «имел в виду один из песчаных безымянных островков, лежавших в устье Малой Невы, к западу от острова Голодая... Эти безымянные и пустынные островки слились впоследствии в один такой же пустынный и болотистый остров, получивший название «Вольный»» [41]. Ю. Б. Борев считает, что выявленное исследователями «разночтение и нужно было Пушкину. В исторической ситуации рождения поэмы для осуществления ее концептуально-художественных целей важно было, чтобы остров выглядел как то и не то место, чтобы он угадывался и не угадывался, чтобы он сближался и намекал, но прямо не совпадал с роковым островом, чтобы читатель не мог понять, не мог догадаться, а догадавшись, не обретал полную уверенность» [42].

Однако А. Е. Тархов и Н. В. Измайлов формально, безусловно, правы, и их возражения А. А. Ахматовой справедливы. Голодай действительно отделен от Васильевского острова лишь небольшой речкой и на карте практически сливается с основным массивом острова, превращаясь в его северную оконечность. Но Голодай — возвышенность, вдавшаяся «длинною косою в сонные воды залива», с низким заболоченным берегом, составлявшим взморье, и при взгляде с залива, со стороны Петровского острова, он, будучи резко отделенным речкой от остальной части Васильевского острова, выглядит небольшим пустынным островком.

По «твердому убеждению» А. А. Ахматовой, остров Голодай в «Уединенном домике на Васильевском» и «остров малый» в «Медном всаднике» связаны с образом «печального острова» в стихотворном отрывке «Когда порой воспоминанье...» [43]. Б. В. Томашевский, впервые расшифровавший это незаконченное стихотворение Пушкина, писал: «Оно не разгадывается до конца, и все-таки оно красноречиво, едва ли не так же красноречиво, как известная строка «И я бы мог, как шут» над рисунком пяти повешенных» [44]. Но вернемся снова к пушкинскому тексту:

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине,
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне;
Когда людей повсюду видя,
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас возненавидя...
Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт

И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок [45].

Из этого «загадочного отрывка», отмечает А. А. Ахматова, мы узнаем, что Пушкин бежит от разговоров, «связанных с чем-то очень ему дорогим». Поэт «готов скрыться от людей, но не в свою обожаемую Италию, а на какой-то покрытый тайгой северный островок, похожий на тот, где он через три года закопает «ради бога» своего Евгения Езерского...». «Скорбный интерес, который проявляет к этому месту Пушкин, трижды описывая его... позволяет нам предположить,— писала Ахматова,— что... он искал безымянную могилу на Невском взморье». Пушкин «как бы» присоединял «себя к жертвам 14 декабря», чье последнее пристанище на Невском взморье должно было казаться ему «почти его собственной могилой» [46].

Сам факт существования у Пушкина текстовых или, возможно, графических записей о месте захоронения казненных декабристов и их творческое назначение не вызывают сомнения. Место казни и могила декабристов сливались в сознании современников в одно «страшное лобное место» (П. А. Вяземский). Публичная насильственная смерть руководителей восстания и их тайное погребение составляли два основных события не календарного, но «исторического» дня 13 июля 1826 г.

Осознание Пушкиным судьбы декабристов как своей собственной («И я бы мог...») и соответствие описания острова в «Уединенном домике на Васильевском», в стихотворении «Когда порой воспоминанье...» и в «Медном всаднике» топографическим реалиям острова Голодая делают предположение А. А. Ахматовой о поисках Пушкиным могилы казненных декабристов психологически убедительным и исторически обоснованным.

По сведениям Н. А. Рамазанова, «о месте, которое приняло в себя трупы казненных, ходили по Петербургу два слуха: одни говорили, что их зарыли на острове Голодае, другие уверяли, что тела были вывезены на взморье и там брошены, с привязанными к ним камнями, в глубину вод» [47]. Об этом свидетельствует и «присутствовавший по службе при казни»: «Где они похоронены, неизвестно. Говорят, что тела с гирями спустили в море на острове Голодай» [48]. Разноречивые сведения приводят и декабристы. А. Е. Розен писал: «Ночью в лодке перевезли тела в рогожах и зарыли на берегу Гутуева острова, другие же утверждали — на прибрежии Голодая, еще другие,— что их зарыли во рву крепостном с негашеной известью» [49].

Последней версии придерживался также М. С. Лунин: «...ночью кинули их в яму, засыпали негашеной известью...» [50] А. М. Муравьев отмечал: «Тела наших пяти мучеников были

тайно преданы земле на одном из островков Невы». По данным В. И. Штейнгеля и Д. И. Завалишина, «...тела погибших в следующую ночь тайно отвезли на остров Голодай и там зарыты скрытно»[51]. И. И. Горбачевский сообщал М. А. Бестужеву в письме от 12 июля 1861 г.: «Одни говорят, что тела похоронены за Смоленским кладбищем на острове, другие — около завода Берда, тоже на острове. Положительно об этом последнем не знаю». Сам Бестужев указывал место захоронения более определенно: «Их схоронили на Голодае за Смоленским кладбищем и, вероятно, недалеко от Галерной гавани, где была гауптвахта, потому что с этой гауптвахты наряжались часовые, чтобы не допускать народ на могилу висельников. Это обстоятельство и было поводом, что народ повалил туда толпами»[52]*. По словам Н. С. Щукина, «повешенных увезли на остров Голодай и похоронили в одной яме в конце острова на пустынном месте [за немецким кладбищем]»[53]**. Наиболее авторитетным в данном случае является свидетельство «помощника квартального надзирателя», очевидца и участника захоронения. На вопрос Н. А. Благовещенского он ответил: «Знаешь ты Смоленское кладбище? Там есть этакий переулочек налево. Вот мимо армянского кладбища и идти до конца переулка. Как выйдешь к взморью, тут и есть. Тут их всех и похоронили. Ночью их вывезли с конвоем, и мы тут шли»[54] (разрядка наша.— *Г. Н.*).

Розыском могил казненных декабристов занималось «Общество памяти декабристов», основанное в Петрограде после Февральской революции 1917 г. «Общество» обратилось к администрации острова Голодай с просьбой о наблюдении за производившимися там земельными работами. 1 июня 1917 г. при прокладке водопроводных труб вблизи Голодаевского переулка, недалеко от взморья, рабочие натолкнулись на гроб. На другой день было обнаружено еще четыре гроба[55]. В 1918 г. найденные останки были переданы в Музей революции.

В 1925 г., накануне 100-летия со дня восстания, вопросом о месте захоронения декабристов занялся Василеостровский истпарт. 30 июня 1925 г. комиссия истпарта при участии П. Е. Щеголева произвела повторную раскопку на Голодае, при которой были обнаружены новые человеческие останки. Научная экспертиза обнаруженных на Голодае в 1917 и 1925 гг. останков привела к единогласному заключению, что они «ни в коем случае не могут быть приписаны казненным декабристам»[56]. Дополнительным аргументом, подтверждающим вывод комиссии истпарта, является то обстоятельство, что при раскопках были обнаружены гробы и остатки мундиров, между тем как захоронение декабристов было произведено без гробов (о них упоминает толь-

---

* Карандашная запись М. А. Бестужева на полях процитированного письма И. И. Горбачевского.

** Слова, заключенные в квадратные скобки, в рукописи зачеркнуты.

ко один мемуарист, Н. В. Басаргин, в данном случае явно не осведомленный[57]) и без мундиров (по свидетельству очевидца Д. С. Левшина, «трупы были нагие»[58]). Как показал анализ грунта, в 1820-х годах место произведенных раскопок было самым возвышенным на острове и, следовательно, единственным, пригодным для погребения: остальное пространство вокруг было сплошным болотом. На этом основании в 1926 г. и было принято решение о закладке памятника казненным декабристам на острове Голодай *, у взморья[59].

Мог ли А. С. Пушкин получить достоверные сведения о месте погребения казненных декабристов? Об одном из возможных и доступных для него источников такой информации сообщается в мемуарном свидетельстве дочери скульптора и медальера Ф. П. Толстого — писательницы М. Ф. Каменской **, которая в своих воспоминаниях писала, что осенью 1826 г. находившаяся в то время в Петербурге вдова декабриста Н. М. Рылеева «часто водила» ее, восьмилетнюю девочку, «с собой на могилу мужа своего». «Помню, что наши говорили тогда при мне,— вспоминала писательница,— что вдове Рылеева, по какой-то особой к ней милости, позволили взять тело мужа и самой похоронить его на Голодае только с тем, чтобы она над местом, где его положат, не ставила креста и не делала никакой заметы, по которой бы можно было заподозрить, что тут похоронен кто-нибудь. И точно, на том месте, куда мы ходили, креста не было. Но не утерпела несчастная женщина, чтобы своими руками не натаскать на ту землю, под которой лежало ее земное счастье, грудку простых булыжников и не утыкать их простыми травками и полевыми цветами... Для постороннего глаза эта грудка камешков была совсем незаметна, но мы с нею видели ее издалека и прямо шли на нее...»[60]

Сообщение М. Ф. Каменской, на первый взгляд апокрифическое, подтверждается сохранившимися письмами близкого друга К. Ф. Рылеева — Ф. П. Миллера к вдове декабриста. 13 мая 1827 г. он писал Н. М. Рылеевой: «Ровно через два месяца нужно сходить с дочерьми моими в известную Вам сторону, отслужить панихиду и вместо Вас там, на самом месте, пролить слезу моления о успокоении души друга Вашего...»[61] (разрядка наша.— *Г. Н.*). О том же в письме от 3 июня 1827 г.: «Через месяц и десять дней, испросив от Вас позволение и получив, в надежде на дружбу Вашу, согласие,— пущусь с божией помощью на уединенный остров и принесу усерднейшую молитву о известном Вам лице...»[62] (разрядка наша.— *Г. Н.*). Эти письма, в которых говорится о намерении посещения могилы на острове Голодай в годовщину казни, лишь частично подтверж-

---

* Обелиск был установлен в 1939 г.

** По традиции, идущей от Н. А. Котляревского, оно считается «едва ли достоверным».— *Котляревский Н. А.* Рылеев. СПб., 1908, с. 189.

дают свидетельство мемуаристки. Сведения М. Ф. Каменской, будто вдове К. Ф. Рылеева было позволено «взять тело мужа и самой похоронить его», вызывают сомнение.

Скупые сведения о захоронении декабристов содержатся в свидетельствах мемуаристов. После экзекуции трупы «сложили на телегу и сдали» полицмейстеру К. Ф. Дершау, который «был назначен хоронить их» [63]. Весь день 13 июля телега с трупами находилась в кронверке, в полуразрушенном здании училища торгового мореплавания [64]. Вечером 13 июля по приказанию К. Ф. Дершау в кронверк для участия в захоронении явились «помощник квартального надзирателя» и его товарищи Богданов и Дубинкин [65]. По словам Д. И. Завалишина, Д. С. Левшин рассказывал ему впоследствии, что, проходя 14 июля «случайно рано поутру через место казни, он видел сам, как клали все пять трупов на телегу, и узнал тела Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола, которых прежде знал лично» [66]. В то же утро трупы казненных были преданы земле. Об этом узнаем из рассказа Б. Я. Княжнина, который, по его словам, сам руководил захоронением: «Я приказал вывезти мертвые тела из крепости на далекие скалистые берега Финского залива, выкопать одну большую яму в прибрежных лесных кустах и похоронить всех вместе, сравнявши землю, чтобы не было и признака, где они похоронены» [67]. Кроме того, известно, что на прошение Е. И. Бибиковой, поданное на высочайшее имя 12 июля 1826 г. о выдаче ей «смертных останков» ее брата, С. И. Муравьева-Апостола, Николай I ответил решительным отказом, объявив, что это «невозможно» [68]*. М. С. Лунин отмечал впоследствии: «Родным запретили взять тела повешенных» [69].

Итак, Н. М. Рылеева с М. Ф. Каменской в 1826 г. и Ф. П. Миллер в 1827 г. могли посещать только общую могилу пяти декабристов. Сведения М. Ф. Каменской о «грудке простых булыжников», сооруженной Н. М. Рылеевой на месте захоронения декабристов, подтверждаются свидетельством художника Л. М. Жемчужникова. Рассказывая о своих прогулках по Васильевскому острову с художниками П. А. Федотовым и А. Е. Бейдеманом в конце 40-х — начале 50-х гг., Л. М. Жемчужников заметил: «...вдали виднелось Смоленское кладбище в виде леса, за кладбищем был известный нам курган над телами казненных декабристов» [70].

А. С. Пушкин мог узнать об этом от Н. М. Рылеевой, с которой он, очевидно, был знаком и мог с ней общаться, в частности, в Петербурге в 1829—1832 гг. [71], когда она ежегодно, надо полагать 13 или 14 июля, посещала на острове Голодай могилу казненных декабристов.

---

* Этот запрет действовал вплоть до амнистии декабристов в 1856 г.: на все прошения «о дозволении перевозить мертвые тела» государственных преступников «в другие места для погребения» следовал неизменный отказ (ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., 1 экс., 1826, д. 61, ч. 21).

Но это только один из возможных источников. Пушкин был знаком с подругой детства его матери В. А. Княжниной, бывшей замужем за умершим в марте 1829 г. генерал-лейтенантом А. Я. Княжниным, родным братом петербургского обер-полицмейстера. Наконец, источником таких сведений мог быть А. А. Жандр, с которым Пушкин был хорошо знаком еще по Петербургу в 1818—1820 гг. и по возвращении из ссылки встречался не раз [72]. В 1859 г. А. А. Жандр рассказывал, отвечая на вопросы Д. А. Смирнова о казни декабристов: «Церемония эта началась в 5 часов утра и к 6-ти все было уже кончено. Потом этих несчастных положили в лодку, прикрыли чем-то, отвезли на один пустынный остров Невы — Голодай, где хоронятся самоубийцы, и там похоронили. Мы на этот островок ездили... (разрядка наша.— *Г. Н.*)

— Что же вы там нашли?

— Ничего, кроме кустов,— никаких следов могил, только тут какой-то солдатик шатался... Мы его расспрашивать не стали» [73].

Встретившийся Жандру на Голодае «солдатик» был, вероятно, одним из «часовых», направлявшихся с ближайшей гауптвахты в Галерной гавани, «чтобы не допускать народ на могилу висельников» [74]. По словам «помощника квартального надзирателя», «там потом четыре месяца караул стоял» [75].

А. А. Жандр не видел «грудки простых булыжников», собранных Н. М. Рылеевой осенью 1826 г. на могиле казненных, следовательно, он был на Голодае сразу после казни, летом 1826 г. Жандр не сказал, с кем он ездил на поиски могилы казненных декабристов. Однако известно, что в это время на его квартире жил освобожденный 2 июня 1826 г. из-под ареста А. С. Грибоедов. В «справке», препровожденной дежурному генералу Главного штаба А. Н. Потапову 8 июня 1826 г., Грибоедов писал: «Живу в военно-счетной экспедиции в доме Энгельмана у А. А. Жандра» [76]. Записанные Д. А. Смирновым в конце 50-х гг. воспоминания А. А. Жандра посвящены А. С. Грибоедову, и слова мемуариста: «Мы на этот островок ездили...» — потому, очевидно, и не вызвали соответствующего вопроса у его слушателя. Д. А. Смирнову было понятно, о ком идет речь.

Итак, возможный спутник А. А. Жандра в поездке на Голодай — А. С. Грибоедов [77], причем «ездили», судя по всему, именно на лодке и Жандр, отличавшийся и в преклонных годах, по свидетельству современника, «неистощимой памятью» и «необыкновенной наблюдательностью» [78], называет Голодай «островком». Это полностью соответствует строке из «Медного всадника» («Остров малый На взморье виден») и повторяет пушкинскую характеристику места захоронения Евгения — «пустынный остров Невы».

Голодай действительно не был, как полагает Н. В. Измайлов, «лесистым» островом: по данным Л. М. Жемчужникова, деревья росли только на участке Смоленского кладбища, да еще, как от-

мечал Пушкин, «несколько деревьев» было на «последней возвышенности» острова [79]. Пушкин специально обращает внимание на характер местности в своем описании Голодая в «Уединенном домике на Васильевском»: «...печальны сии места пустынные». И «остров малый» в «Медном всаднике» — «пустынный остров».

Итак, справедливость отождествления места захоронения Евгения в «Медном всаднике» и острова Голодай подтверждается [80]. Сопоставление описания «острова малого» в «Медном всаднике»:

Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,—

и строк из отрывка «Когда порой воспоминанье...»:

Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг,—

позволяет, в свою очередь, с известной долей уверенности идентифицировать остров Голодай и «печальный остров» в стихотворении «Когда порой воспоминанье...».

Трудно предположить, чтобы по возвращении в Петербург в 1827 г. Пушкин не посетил место казни декабристов в кронверке Петропавловской крепости и оттуда не отправился на остров Голодай, и не вспомнить при этом просьбу Пушкина к А. А. Муханову в письме из Москвы в феврале — первой половине мая 1827 г.: «Пришли мне план Петербурга!» [81].

А. А. Жандр не нашел на Голодае «никаких следов могил». «Курганчик над телами казненных декабристов», по свидетельству Л. М. Жемчужникова, существовавший на Голодае в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в., впоследствии исчез. Местонахождение могилы казненных декабристов неизвестно и устанавливается лишь предположительно. Сумел ли разыскать это место Пушкин?

Обратимся к отрывку из «Уединенного домика на Васильевском». Он представляет собой описание пути по северной оконечности Васильевского острова, т. е. по острову Голодай, начинавшемуся за речкой Смоленкой. «...Вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности... ров, заросший высокою крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий; а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье». При этом, по справедливому замечанию А. А. Ахматовой, «мы узнаем, что́ — направо, что́ — налево, ощущаем под ногой топкость почвы. Все это увидено не из окна кареты и даже не с дрожек» [82].

Выделенные нами слова-сигналы в пушкинском описании удивительно точно совпадают с данными раскопок 1917 и 1925 гг. и рассказами очевидцев — «помощника квартального надзирателя», Б. Я. Княжнина и А. А. Жандра. В самом деле, Пушкин описывает именно то место, где производились раскопки и которое по результатам анализа грунта было признано единственно возможным местом захоронения казненных. Это же место указывал и «помощник квартального надзирателя»: «Как выйдешь к взморью, тут и есть» (разрядка наша.— *Г. Н.*). По свидетельству Б. Я. Княжнина, он приказал «выкопать одну большую яму в прибрежных лесных кустах» (разрядка наша.— *Г. Н.*). О кустах на месте захоронения упоминает и А. А. Жандр[83]. В стихах, отброшенных Пушкиным при работе над отрывком «Когда порой воспоминанье...», есть строка, восполняющая пейзаж «печального острова»: «Кой-где растет кустарник тощий»[84].

По описанию в «Уединенном домике на Васильевском», «последняя возвышенность» на Голодае, перед взморьем, была украшена лишь «несколькими деревьями»; только «ров», отделявший «возвышенность от вала», за которым шло болото, был «заросший высокою крапивой и репейником». Следовательно, «прибрежные лесные кусты» находились именно во «рву», между «последней возвышенностью» острова и «валом» взморья. «Возвышенность» острова была определена при раскопках, однако о существовании «рва» и «вала», описанных Пушкиным, известно не было, и поиски их не предпринимались. Поэтому сообщаемые им сведения топографического характера о строении прибрежной части Голодая сами по себе, независимо от их назначения в структуре повести, являются историческим источником, позволяющим при сопоставлении с имеющимися свидетельствами очевидцев и данными археологических раскопок с известной точностью установить место захоронения пяти казненных декабристов — «ров» между последней «возвышенностью» и прибрежным «валом» острова.

По наблюдению А. А. Ахматовой, «описание острова Голодая не имеет ровно никакого отношения» к сюжету «и ничто другое так подробно в повести не описано»[85]. Исторический анализ описания северной оконечности Васильевского острова в «Уединенном домике на Васильевском» дает основание утверждать, что выбор в качестве сценической площадки повести именно этой части острова связан с предпринятым поэтом поиском могилы казненных декабристов и что пушкинская запись о Голодае представляет собой топографически точное описание найденного Пушкиным места их захоронения[86], реалии которого впоследствии были использованы им в стихотворении «Когда порой воспоминанье...» и в «Медном всаднике».

Обратимся к строкам стихотворения «Арион», датированного поэтом в беловой рукописи 16 июля 1827 г.:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою [87].

Они имеют реальное историческое содержание, раскрываемое, в частности, датой их написания (годовщина казни декабристов). Стихотворение могло быть написано под впечатлением посещения острова Голодай в «исторический день» 13 июля или, возможно, на самом «печальном» и «пустынном острове», на его «последней возвышенности», «под скалою» [88], на «береге диком» («печальный остров — берег дикой...»), на могиле казненных друзей *.

Анализ исторического содержания описания северной оконечности Васильевского острова в повести «Уединенный домик на Васильевском» позволяет предположить, что этот текст либо был вписан Пушкиным в «тетрадь» В. П. Титова, либо подвергся особенно сильной правке [89], и, кроме того, заставляет с вниманием отнестись к факту опубликования повести в «Северных цветах на 1829 год». По мнению Т. Г. Цявловской, Пушкин «так легко позволил» В. П. Титову напечатать услышанную от него повесть, потому что «не жаль было поэту» своего положенного в основу рассказа давнего и оставленного затем замысла новеллы о «Влюбленном бесе» [90]. Вероятно, потому Пушкин «позволил» В. П. Титову напечатать рассказанную им у Карамзиных «чертовщину уединенного домика на Васильевском» и внес поправки в принесенную Титовым рукопись, что заинтересовался возможностью опубликования описания места погребения казненных декабристов в тексте «сказки про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров». Этим, очевидно, объясняется и та поспешность, с которой «Уединенный домик на Васильевском» был напечатан: из уже собранных «Северных цветов на 1829 год» была выброшена статья П. П. Свиньина, а секретарь альманаха О. М. Сомов, препровождая повесть на рассмотрение цензору К. С. Сербиновичу, писал 27 ноября 1828 г.: «Если можно, сделайте одолжение, удостойте ее поскорее вашим одобрением, ибо она непременно пойдет в печать на сей же неделе» [91].

В третьей кишиневской тетради Пушкина сохранилась карандашная запись:

14 juillet 1826 Go <...> [92].

В последнем слове читаются только две первые буквы **, осталь-

* Столь же «декабристским» является стихотворение С. С. Тепловой, напечатанное в альманахе М. А. Максимовича «Денница» в 1830 г. и справедливо воспринятое обществом и властями как элегия памяти К. Ф. Рылеева (*Заборова Р. Б.* Посвящено Рылееву? (малоизвестная страница из истории русской поэзии).— Русская литература, 1976, № 3, с. 56—62).

** Предложенное М. А. Цявловским чтение видимой части слова как «Gon» (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.— Л., 1935, с. 307) текстологически не оправдано.

ная его часть попала под чернильное пятно. Содержание этой записи остается нераскрытым. Опубликовавший ее впервые В. Е. Якушкин от каких-либо истолкований воздержался[93]. М. А. Цявловский предположил, что Go, возможно, означает Gonzaga (или Gonzago, как писал Пушкин) — фамилию португальско-бразильского поэта, стихотворение которого «Там звезда зари взошла» перевел Пушкин[94].

Есть, однако, неменьшие основания для предположения, что буквы Go являются началом слова Goloday, в котором столько же букв, что и в слове, прочитанном М. А. Цявловским, и, кроме того, завершение последней буквы, лишь частью закрытой пятном и относительно хорошо видимой (ее принимают за росчерк), совпадает с начертанием буквы у. В этом случае пушкинская запись приобретает смысл как помета с указанием даты и места захоронения казненных декабристов: «14 juillet 1826 Go[loday]» (14 июля 1826 Го[лодай]).

На этом же листе под карандашной пометой находятся еще две шифрованные записи:

2 août 1827 j. h.
4 août R.J.P. Jich. en songe.

Обе они сделаны одним почерком и одними чернилами, поэтому вторую запись датируют также 1827 г.[95] Аббревиатуры первой строки читаются по аналогии с пушкинской записью от 1 июля 1822 г. как journée heureuse (день счастливый)[96]. П. В. Анненков обратил внимание, что буквы второй строки — R., P.— совпадают с первым и вторым инициалами в криптограмме, сделанной Пушкиным под автографом стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...»: «У ос. Р.П.М.К.Б.24»[97]. Его поддержала Т. Г. Цявловская, предположившая, что буква J является инициалом французского написания лицейского прозвища И. И. Пущина (Жанно), а сокращение Jich обозначает приятеля Пушкина по «Арзамасу» московского губернского прокурора С. П. Жихарева[98].

Смысл этих шифрованных строк проясняется, если прочитать все три пометы на листе как единую запись: «14 июля 1826 Го[лодай], 2 августа 1827 д[ень] с[частливый], 4 августа [1827] Р[ылеев] Ж[анно] П[естель] Жих[арев] во сне». Между карандашной пометой с указанием даты и места захоронения пяти декабристов, появившейся в тетради, очевидно, осенью 1826 г., скорее всего в Москве, и записью 2 августа 1827 г. («день счастливый»), сделанной в Михайловском, по возвращении из Петербурга, о раскрытии местонахождения «безымянной» могилы на Невском взморье — упорные поиски поэта-историка.

Эта напряженная творческая деятельность явилась историческим подтекстом размышлений поэта о своей судьбе в стихотворении «Е. Н. Ушаковой», написанном 16 мая 1827 г.: «Вы ж вздохнете ль обо мне, Если буду я повешен?»; в послании «Ки-

пренскому», датируемом июнем — июлем 1827 г.: «И я смеюся над могилой, Ушед навек от смертных уз»; в «Арионе» с его первоначальным стихом «Гимн избавления пою» (замененным строкой «Я гимны прежние пою» позднее, возможно перед публикацией стихотворения в «Литературной газете» в июле 1830 г.); в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной», помеченном 31 июля 1827 г.: «Земли достигнув наконец, От бурь спасенный провиденьем»; в карандашной строке «И я бы мог в...»

3

Документальной основой «декабристских строф» «Евгения Онегина», изъятых Пушкиным из текста романа и сохранившихся в виде зашифрованной рукописи и черновика [99], послужили прежде всего личные воспоминания поэта, первоначально зафиксированные в его автобиографических «тетрадях», сожженных «в конце 1825 года, при открытии заговора» [100]. Все декабристы, названные в качестве действующих лиц исторической «хроники»,— Н. М. Муравьев, И. А. Долгоруков, М. С. Лунин, И. Д. Якушкин, Н. И. Тургенев, П. И. Пестель, А. П. Юшневский, С. И. Муравьев-Апостол — были либо друзьями, либо знакомыми Пушкина, с которыми он общался в Петербурге и на юге, в годы ссылки. Декабристская «хроника» «Евгения Онегина» — это не только поэтическая биография революционного поколения, вышедшего на Сенатскую площадь в Петербурге 14 декабря 1825 г., но и автобиография самого поэта. Это документальное свидетельство участника и очевидца описываемых событий, с позиций историка осмыслившего факты собственной биографии.

Однако личные воспоминания поэта не были и не могли быть в данном случае единственным источником. Фрагмент о декабристах был задуман как рассказ о своем времени, ведущийся не от лица автора, но от имени его героя [101]. Принцип исторической объективности и художественный замысел требовали обращения ко всем доступным источникам, в том числе и к «Донесению» Следственной комиссии. Описанная поэтом история декабризма освобождалась тем самым от возможной односторонности, становилась подлинно объективной исторической «хроникой».

Декабристский фрагмент «Евгения Онегина» открывают строки <12> строфы:

Россия * присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,

---

* Чтение «Россия», предложенное В. Я. Брюсовым и Б. В. Томашевским, является произвольным. В рукописи стоит «Р. Р.». По мнению А. И. Гербстмана, эти буквы могут означать Р.[усские] Р. [ыцари] — преддекабристскую организацию Орден русских рыцарей (*Гербстман А. И.* Кто такие «Р. Р.»? О непрочитанной строке десятой главы «Онегина».— В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 131—135). Это предположение тем более вероятно, что в «Донесении» Следственной комиссии

Но искра пламени иного
уже издавна может быть
. . . .

Сохранившийся отрывок не содержит фактических данных. Его «декабристский» смысл раскрывается метафорой «искра» — тайное общество. В <13> строфе тема развивается:

У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки...

Эти строки, очевидно, представляют собой начало не дошедшей до нас характеристики раннего декабризма. Однако Пушкин вводит в текст исторический факт более позднего происхождения — знаменитые «русские завтраки» у К. Ф. Рылеева, служившие одной из форм общения петербургских декабристов в период Северного общества [102]. По свидетельству М. А. Бестужева, он часто присутствовал у К. Ф. Рылеева «на обычных «русских завтраках», которые были постоянно около второго или третьего часа пополудни и на которые обыкновенно собирались многие литераторы и члены... общества. Завтрак неизменно состоял: из графина очищенного русского вина, нескольких кочней кислой капусты и ржаного хлеба» [103]. Этот факт не отмечен в «Донесении». Не мог присутствовать на рылеевских «завтраках» и Пушкин, находившийся в ссылке. Возможные источники сведений поэта раскрываются по воспоминаниям М. А. Бестужева: «Я... очень любил эти завтраки, и, как только была возможность, я спешил отдохнуть там душою и сердцем, в дружной семье литераторов и поэтов, от убийственной шагистики, поглощавшей все мое утро до вечера. Особенно врезался у меня в памяти один из них, на котором, в числе многих писателей, были Дельвиг, Ф. Глинка, Гнедич, Грибоедов и другие. Тут же присутствовал и брат А. Пушкина, Лев...» [104] С Дельвигом и Гнедичем Пушкин виделся летом 1827 г. в Петербурге, а с Грибоедовым — там же весной 1828 г., с братом — в начале 1827 г. в Москве и летом 1829 г. на Кавказе.

Строки следующей, <14> строфы посвящены собраниям декабристов, причем любопытно, что Пушкин, как и М. А. Бестужев, называет декабристское общество «семьей»:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты
У осторожного Ильи.

Эти и последующие несохранившиеся строки, по всей видимости, представляли собой введение к рассказу о заседаниях тайного общества, содержащемуся в <15> строфе:

подробно рассказывалось о «Михаиле Орлове, который... думая вместе с графом Мамоновым и действительным статским советником Николаем Тургеневым завести... другое общество под названием Русские рыцари» (Восстание декабристов. Документы, т. XVII. М., 1980, с. 26).

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Историческая достоверность приведенных стихов, и в частности строки «Читал свои Ноэли Пушкин», вызывавшей наибольшие сомнения исследователей [105], подтверждается опубликованным М. В. Нечкиной следственным показанием члена Союза Благоденствия Н. И. Горсткина от 28 января 1826 г.: «Потом стали у некоторых собираться, сначала охотно, потом с трудом соберется человек десять, я был раза два-три у к[нязя] Ильи Долгорукова, который был, кажется, один из главных в то время, у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало; съезжались как бы по должности, под конец и вовсе не съезжались; бывал я на вечерах у Никиты Муравьева, тут встречал частенько лица, отнюдь не принадлежавшие обществу; скоро все это надоело, и понемногу совсем свидания прекратились». Эти показания имеют большое значение для комментария к «декабристскому» фрагменту «Евгения Онегина». «Из свидетельства Горсткина,— отмечает М. В. Нечкина,— мы не только впервые узнаем о факте личного знакомства Пушкина с Ильей Долгоруковым, но и впервые получаем здесь достоверное и со стороны декабриста идущее свидетельство об участии Пушкина в собраниях Союза Благоденствия у Ильи Долгорукова. Ранее мы располагали лишь стихотворными строчками самого Пушкина. Их поэтическая форма и язык в какой-то мере все же допускали толкование условного характера: Пушкин якобы воссоздает не какую-либо реальную, а поэтически-условную картину своих встреч, он мог допустить художественный вымысел. Теперь подобное толкование начисто отпадает» [106]. По мнению М. В. Нечкиной, Пушкин «читал свои Ноэли», «по-видимому, зимой 1819—1820 гг.» причем не на «дружеских сходках в петербургском дворянском обществе», как полагал Б. В. Томашевский, и не на «сборищах либерально и революционно настроенной молодежи», как считал С. М. Бонди, а на совещаниях Союза Благоденствия, происходивших у «блюстителя» Союза И. А. Долгорукова — «осторожного Ильи» и у Н. М. Муравьева — «беспокойного Никиты» [107].

Датировка М. В. Нечкиной — «зима 1819—1820 гг.» — осно-

вана на историческом анализе свидетельства Н. И. Горсткина. Однако сам Пушкин указывает иное время событий: его характеристики декабристов построены на материале истории движения 1816—1817 гг.

М. С. Лунин в тайном обществе имел репутацию «человека, известного решительностию своею»[108]. Пушкинская характеристика Лунина, «дерзко» предлагающего «свои решительные меры», отражает это мнение. Образы других декабристов также наполнены у Пушкина конкретно-историческим содержанием, освещение их личностей дается через историческое действие-поступок как отражение их революционного дела. Одним из исторически значимых поступков М. С. Лунина в этот период было выдвижение плана цареубийства. По свидетельству П. И. Пестеля, М. С. Лунин «в самом начале общества в 1816 и 1817 году предлагал... с масками на лице совершить цареубийство на Царскосельской дороге, когда время придет к действию приступить...». О «решительной мере» Лунина на заседаниях Союза Спасения «говорено не было» (во всяком случае, при П. И. Пестеле)[109], но, очевидно, это предложение обсуждалось членами тайного общества и вполне могло стать известно Пушкину. Его осведомленность подтверждается сохранившимся портретом М. С. Лунина в «лицейской» тетради поэта: декабрист изображен с кинжалом над головой — знаком цареубийства[110].

М. С. Лунин был из числа ближайших друзей поэта, он принадлежал к тому кругу людей, «которые после сделались историческими лицами» и встречи с которыми были запечатлены «с откровенностью дружбы или короткого знакомства» в не дошедшей до нас «биографии» Пушкина 1821—1825 гг. В письме М. С. Лунину в Петровский Завод от 9 августа 1835 г. сестра декабриста Е. С. Уварова, рассказывая о встрече с Пушкиным в салоне Е. И. Голицыной, писала: «Я имела счастье слышать, как он говорил о тебе — всей душой поэта! Он поручил мне горячо напомнить о нем твоей памяти и сказать тебе, что он сохраняет прядь волос, которую он утащил у тети Катерины Федоровны, когда ты велел побрить голову перед отъездом, если не ошибаюсь, в Одессу. Он говорил, между прочим, что Лунин — человек поистине замечательный»[111].

В январе 1820 г. у П. Я. Чаадаева Пушкин познакомился с приехавшим из Москвы И. Д. Якушкиным. В ноябре того же года они вновь встретились в Каменке, имении А. Л. и В. Л. Давыдовых. И. Д. Якушкин вспоминал впоследствии: «Я ему прочел его Noёl: «Ура! в Россию скачет», и он очень удивился, как я его знаю...»[112] Этот поразивший Пушкина факт давнего заочного «знакомства» позволил ему, не нарушая исторической достоверности, включить декабриста в нарисованную им картину заседания тайного общества, поместив себя, читающего «Ноэли», между «дерзким» М. С. Луниным и «меланхолическим» И. Д. Якушкиным. «Цареубийственный кинжал» И. Д. Якушки-

на — план цареубийства, выдвинутый декабристом в конце 1817 г. на совещании тайного общества в Москве.

Этот эпизод известен по воспоминаниям самого И. Д. Якушкина: «...Александр Муравьев сказал, что для отвращений бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанесть удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести... Я решился по прибытии императора Александра отправиться с двумя пистолетами к Успенскому собору и, когда царь пойдет во дворец, из одного пистолета выстрелить в него, из другого в себя. В таком поступке я видел не убийство, а только поединок на смерть обоих» [113]. На этом совещании кроме А. Н. Муравьева и И. Д. Якушкина присутствовали также Н. М. Муравьев, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, М. А. Фонвизин и Ф. П. Шаховской [114]. По-видимому, С. И. Муравьев-Апостол известил письмом находившихся в Петербурге С. П. Трубецкого и П. И. Пестеля о решении И. Д. Якушкина, и Трубецкой сразу выехал в Москву [115]. Впоследствии большинство участников «московского» совещания возвратились в Петербург, и план И. Д. Якушкина, конечно, обсуждался в декабристском кругу. Из этого источника о «вызове» И. Д. Якушкина мог узнать и Пушкин.

Хотя пушкинская характеристика И. Д. Якушкина — «меланхолический» * — восстановлена лишь предположительно (в слове достоверно читается только «мела», далее в автографе следует черта, указывающая на недописанность слова), следует отметить различие (и смысловое и содержательное) строк Пушкина о декабристе и соответствующего места из «Донесения» Следственной комиссии: «Якушкин, который в мучениях несчастной любви давно ненавидел жизнь, распаленный в сию минуту волнением и словами товарищей, предложил себя в убийцы. Он в исступлении страстей, как кажется, чувствовал, на что решался: «Рок избрал меня в жертвы,— говорил он,— сделавшись злодеем, я не должен, не могу жить: совершу удар и застрелюсь»» [116]. Трудно поэтому принять вывод С. Я. Гессена о том, что «Донесение»

---

* Этот эпитет соответствует характеристике, данной декабристом самому себе в письме к П. Я. Чаадаеву (1821 г.): «Моя душа утратила часть своей энергии, она устала от страданий и разбилась, она не хотела принять жизнь, полную горечи, и ослабела в борьбе. Я выносил бремя существования одиноким. Время от времени встречалась душа, способная, может быть, симпатизировать мне, но судьба, обстоятельства,— я уже не знаю, что именно,— нас всякий раз разлучали, и я оказывался более одиноким и обособленным, чем раньше. Над жизнью моей тяготели годы разочарований, горькие слезы жгли мне лицо, лишенный утешения молитвы, я был предоставлен себе... Взгляни на эту полуисповедь, как на одну из редких минут излияний, которым подвержены люди, всегда сосредоточенные и замкнутые в себе самих...» (*Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 237—238).

явилось основным и единственно возможным историческим источником пушкинских строк о И. Д. Якушкине [117].

Стихи о Н. И. Тургеневе, одном из политических «наставников» поэта в 1817—1820 гг., содержат исторически точную характеристику социально-политической программы декабриста, всю свою жизнь посвятившего борьбе за уничтожение крепостного права в России. Однако в строке «Хромой Тургенев им внимал» историческая ситуация была воспроизведена явно не точно: не Н. И. Тургенев «внимал», а скорее ему «внимали» на собраниях тайного общества. Возможно, поэтому так резко протестовал Н. И. Тургенев *, поставивший под сомнение и компетенцию и само право поэта выступать в роли историка декабристов. В письме из Парижа 20 августа 1832 г. брату, А. И. Тургеневу, он писал: «Сообщаемые вами стихи о мне Пушкина заставили меня пожать плечами. Судьи, меня и других осудившие, делали свое дело: дело варваров, лишенных всякого света гражданственности, цивилизации. Это в натуре вещей. Но вот являются другие судьи. Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения и при всем том быть варваром... Если те, кои были несчастливее меня и погибли, не имели лучших прав на цивилизацию, нежели Пушкин, то они приобрели иные права пожертвованиями и страданиями, кои и их ставят выше суждений их соотечественников» [118].

Источником сведений Пушкина о Н. И. Тургеневе могли быть воспоминания о личном общении 1817—1820 гг. и, возможно, «оправдательные записки» декабриста (составленные им после процесса по делу 14 декабря 1825 г.), в которых он подробно писал о владевшей им «идее освобождения крепостных людей» [119]. «Оправдательные записки» Н. И. Тургенева представлялись Николаю I через В. А. Жуковского, их читал П. А. Вяземский, и они, несомненно, были известны Пушкину [120].

В <16> строфе поэт переходит к рассказу о южных декабристах:

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины

---

* По мнению Н. Л. Бродского, «раздражение» Н. И. Тургенева объясняется тем, «что пушкинские стихи напомнили ему содержание» одной из его «оправдательных записок» Николаю I (*Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Изд. 3-е. М., 1950, с. 379). По мнению Б. В. Томашевского, «Н. И. Тургенев не усматривал чего-нибудь особенного в данных стихах и лишь протестовал против самого факта, не допуская, чтобы Пушкин, о котором он составил свое мнение по другим данным, осмеливался произносить свое суждение по вопросам, в которых Тургенев считал его совершенно некомпетентным» (*Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина». История разгадки.— Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 389).

Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель... для тиранов
И рать... набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

Здесь дана исторически верная картина деятельности «южан», намечено противопоставление революционной тактики южных и северных декабристов, точно указаны топографические реалии *. События, описанные в пушкинских стихах, происходят после 1818 г. (в том году П. Х. Витгенштейн стал командующим 2-й армией), но расшифровке они поддаются с большим трудом. Историческое содержание второй части строфы (стихи 9—14) остается непроясненным, что в значительной степени объясняется отсутствием ее окончательной редакции в черновом автографе Пушкина [121].

Написав «Там Пестель... для тиранов», Пушкин, возможно, как предположил С. Я. Гессен [122], имел в виду план, возникший у П. И. Пестеля в 1823 г.: составить из «нескольких отважных людей», не принадлежавших к тайному обществу, «особую партию под названием une cohorte perdue» для «истребления всей императорской фамилии». Об этом плане можно было прочесть в «Донесении» Следственной комиссии [123]**. А. С. Пушкин встречался с П. И. Пестелем весной 1821 г. в Кишиневе. Личность декабриста произвела на него сильное впечатление. В кишиневском дневнике поэта сохранилась запись: «9 апреля [1821], утро провел я с Пестелем, умный человек во всем смысле этого слова. Mon coeur est matérialiste, говорит он, mais ma raison s'y réfuse [сердцем я материалист, но мой разум этому противится]. Мы с ним имели разговор метафизической, политической, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» [124]

Содержание двух следующих строк: «И рать... набирал Холоднокровный генерал» — комментаторами не раскрыто.

---

* «В этих стихах,— отмечает Т. П. Ден,— Пушкин с присущей ему лаконичностью дал четкое описание характерных крутых холмов, встающих над Бугом, которые открываются на окраине Тульчина, как раз за домом, где жил Пестель. В черновых вариантах этих стихов вместо холмов упоминаются то «чертоги», то «равнины». «Чертоги», т. е. дворцы,— также характерная деталь тульчинского пейзажа. Почти наискосок от дома, в котором жил Пестель, находился дворец Потоцких с медной сверкающей крышей. Другой дворец Потоцких был против дома, в котором жил Киселев. «Равнины» стелются у подножия холмов и за ними» (*Ден Т. П.* Пушкин в Тульчине.— Пушкин. Исследования и материалы, т. 1. М.— Л., 1956, с. 223).

** Сам Пестель решительно отрицал свою причастность к этому плану цареубийства (Восстание декабристов. Материалы, т. IV. М.— Л., 1927, с. 159).

С. Я. Гессен полагал, что «холоднокровный генерал» — это А. П. Юшневский, упоминаемый в «Донесении» «рядом с Пестелем»[125]. В «Донесении» действительно есть место, близкое по смыслу к пушкинскому тексту: «В исходе 1820 года... начала оказываться холодность, несогласия в мнениях и возникали жаркие споры на собраниях, кои бывали у Пестеля и Юшневского (генерал-интенданта 2-й армии), им принятого и до конца остававшегося в тесной с ним связи»[126]. Возможно, что слова «холодность» и «генерал», вызвав личные воспоминания поэта, слились впоследствии в его поэтической характеристике А. П. Юшневского.

По мнению Б. В. Томашевского, «холоднокровный генерал» — это С. Г. Волконский, который в отличие от А. П. Юшневского, интендантского чиновника, лишь занимавшего генеральскую должность, был настоящим боевым генералом[127]. В «Донесении» Следственной комиссии есть фраза, как будто подтверждающая эту догадку: «Генерал-майор князь Сергей Волконский сообщал Пестелю, что он подговорил многих офицеров из всех полков 19-й дивизии...» (ср.: «И рать... набирал»)[128].

Строки о С. И. Муравьеве-Апостоле, полном «дерзости и сил» в противоположность «холоднокровному генералу», позволяют высказать предположение, что Пушкин в своей поэтической картине революционной деятельности южных декабристов дает образы трех членов директории Южного тайного общества: П. И. Пестеля, А. П. Юшневского и С. И. Муравьева-Апостола. В этом случае становится понятным и обоснованным противопоставление «дерзкого» и решительного С. И. Муравьева-Апостола «холоднокровному генералу» А. П. Юшневскому, «всегда согласному» с П. И. Пестелем, но «по наружности недеятельному». С. И. Муравьев-Апостол был введен в директорию по предложению П. И. Пестеля в ноябре 1824 г.[129], что может служить вторым датирующим признаком для определения исторического времени пушкинских стихов о южных декабристах.

<17> строфа содержит преимущественно «оценочные» суждения, логически завершающие предыдущий рассказ. Пушкин прерывает «хронику» событий и подводит итоги своего повествования. Он отмечает эволюцию в истории тайных обществ в России 1816—1824 гг.: последовательное нарастание революционности декабристов, «постепенно» овладевавших «мятежной наукой», неминуемо приближавшей их к Сенатской площади и кронверку Петропавловской крепости:

Сначала эти разговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,

Забавы взрослых шалунов,
Казалось . . . .
Узлы к узлам . . . . .
И постепенно сетью тайной
Россия . . . .
Наш царь дремал . . . .

Первая часть строфы (стихи 1—8) возвращала читателей к преддекабристскому периоду оппозиционного движения [130], которое со временем привело к организации политических революционных обществ, «постепенно сетью тайной» покрывших Россию. Вторая часть строфы (стихи 9—13) являлась, очевидно, переходом к решающим событиям 1825 г. По свидетельству А. И. Тургенева, которому Пушкин в декабре 1831 — начале 1832 г. читал «отрывки» из неизданной «части своего Онегина», там описывалось «возмущение 1825 года» [131]. Вероятно, в не дошедших до нас строфах содержалась и опущенная Пушкиным в его обзоре движения декабристов 1816—1824 гг. характеристика подготовившего выступления 14 декабря 1825 г. Северного тайного общества [132].

Изучение документального «слоя» «декабристских строф» «Евгения Онегина» восстанавливает предшествовавшую художественному творчеству поэта тщательную работу историка. Достоверность и документированность исторического и автобиографического материала *, положенного в основу поэтического текста, составляют важнейшую особенность созданной Пушкиным в 1829 г. исторической «хроники» декабризма **.

---

* Проведенный анализ не позволяет принять вывод С. Я. Гессена, специально изучавшего вопрос об источниках «декабристских строф» «Евгения Онегина»: «Если мы обратимся к фактическому содержанию пушкинских строф, посвященных декабристам, то убедимся, что оно все почти без исключений построено на данных, почерпнутых из «Донесения»» (*Гессен С. Я.* Источники десятой главы..., с. 137; ср.: *Нечкина М. В.* О нас в истории страницы напишут... Из истории декабристов. Иркутск, 1982, с. 98). Гессен обошел вниманием целый ряд других возможных источников Пушкина, и в частности его личные воспоминания, значение которых, как справедливо отметил Б. В. Томашевский, не следует преуменьшать (*Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина»..., с. 405). Так, из всех приведенных в пушкинской «хронике» исторических фактов только один — «русские завтраки» у К. Ф. Рылеева — является очевидно заимствованным, все остальные могли иметь автобиографическое происхождение. Наконец, нельзя не отметить хронологическое совпадение событий «декабристской хроники» и биографии поэта: строфы <13—15> — события 1816—1820 гг.— пребывание Пушкина в Петербурге; строфа <16> — события 1820—1824 гг.— пребывание Пушкина на юге.

** Историко-документальный характер декабристской «хроники» «Евгения Онегина» не учитывает, например, И. М. Дьяконов, предположивший, что «похожий на Волконского, но безымянный «холоднокровный генерал» в <16> «декабристской строфе» мог быть и не историческим Волконским, а мужем Татьяны...» (*Дьяконов И. М.* Об истории замысла «Евгения Онегина».— Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982, с. 99).

4

«Декабристские» факты в художественно-обобщенном виде получили отражение в творчестве поэта конца 20-х — начала 30-х гг. А. С. Пушкин пользовался методом исторической аналогии и скрытого цитирования. Одной из таких аналогий, по мнению Б. С. Мейлаха, является стихотворение Пушкина «Какая ночь! Мороз трескучий...», посвященное опричнине и предположительно датируемое по положению в рукописи апрелем — июлем 1827 г. [133] Исследователь обращает внимание на строки стихотворения, иносказательно воспроизводившие сцену казни декабристов:

Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладинке дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчаться был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит, и фыркает, и рвется
Назад...[134]

К этому наблюдению добавим, что «опричники» — И. И. Дибич, П. В. Голенищев-Кутузов, А. Х. Бенкендорф, А. И. Чернышев и др.— 13 июля 1826 г. были верхом и во время экзекуции разъезжали по гласису эспланады. Антитеза заключительных строк стихотворения — испуганный конь и равнодушно мчащийся среди трупов опричник [135] — почти точно воспроизводит обстановку у эшафота.

Прием исторической аналогии использован в «Полтаве». Приведем строфу из «Песни второй» поэмы:

Свершилась казнь. Народ беспечный
Идет, рассыпавшись, домой
И про свои заботы вечны
Уже толкует меж собой.
Пустеет поле понемногу.
Тогда чрез пеструю дорогу
Перебежали две жены.
Утомлены, запылены,
Они, казалось, к месту казни
Спешили полные боязни.
«*Уж поздно*»,— кто-то им сказал
И в поле перстом указал.
Там роковой намост ломали,
Молился в черных ризах поп,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гроб [136].

Нарисованная Пушкиным сцена казни Кочубея и Искры основана на исторических событиях 13 июля 1826 г. Агап Иванович, служивший по найму в редакции «Полярной Звезды», рассказывал в конце 1871 г. редактору «Русской старины» М. И. Семевскому: «Когда накануне казни разнесся слух, что на следующий

день будут исполнять решение — что совершится смертельная казнь, мы не знали,— жена Рылеева со мною проездила всю ночь, прося о последнем свидании. Мосты через Неву были сняты, и мы воротились без всякого успеха». Только утром следующего дня Н. М. Рылеева смогла увидеть «не снятые еще уже пустые виселицы. Они стояли за крепостью на бугорке...» [137]. Рассказ Агапа Ивановича подтверждается свидетельством В. С. Толстого, помещенного после гражданской казни в кронверкскую куртину. «Я попал в нижний [этаж... поста]вил стул на подоконник, разбил стекло и сижу, глотая воздух; вдруг растерянная женщина подбегает с вопросом, где Кондрати[й]? Это была Рылеева» [138].

Последние строки стихов по содержанию близки к рассказу В. И. Беркопфа: «Спустя малое время доктора освидетельствовали трупы, их сняли с виселицы и сложили в большую телегу...» [139]

Отказ Николая I выдать Е. И. Бибиковой останки ее казненного брата (о чем Пушкин мог узнать от самой Е. И. Бибиковой, с которой был знаком, или от С. Г. и А. П. Волконских, принимавших в ней участие [140]) также отражен в «Полтаве». Строки о могиле Кочубея и Искры:

Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила —

Пушкин сопроводил примечанием, в котором обращал внимание на благородное поведение Петра I, возвратившего тела казненных им «преступников» родным: «Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись: «...Року 1708, месяца июля 15 дня, посечены средь обозу войскового за Белою Церковию на Борщаговце и Ковшевом, благородный Василий Кочубей, судия генеральный; Иоанн Искра, полковник полтавский. Привезены же тела их июля 17 в Киев и того же дня в обители святой Печерской на сем месте погребены»» [141].

По мнению А. А. Ахматовой, Пушкин «приводит точные данные, когда тела были возвращены родным, чтобы еще раз напомнить царю, как в подобных случаях принято поступать: «Их мирно церковь приютила»» [142]. Может быть, и так. Однако «Полтава» писалась не только для царя и введение хронологии в «примечания» (так же как и отражение известных современникам подробностей казни декабристов в тексте поэмы) преследовало, вероятно, иные цели. Сближение дат казни — 15 июля 1708 г. и 13 июля 1826 г., не случайно, конечно, подчеркнутое Пушкиным, придавало строкам о могиле «двух страдальцев», примечанию к ним и всей сцене казни Кочубея и Искры глубокий исторический смысл:

Прошло сто лет...

. . . .

Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят [143].

Примером скрытого цитирования могут служить «декабристские» факты в «Капитанской дочке». В тексте «Пропущенной главы» *, оставшейся в черновой рукописи повести, есть описание виселицы: «Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту — 3 тела висели на перекладине. Болезненное любопытство овладело мною.— Я захотел взглянуть на лица висельников.

По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, лодка моя толкнулась о плывучую виселицу. Я выпрыгнул и очутился между ужасными столбами.— Яркая луна озаряла обезображенные лица несчастных... Над ними прибита была черная доска, на которой белыми крупными буквами было написано: *Воры и бунтовщики*. Гребцы [смотрели] равнодушно, и ожидали меня, удерживая плот багром. Я сел опять в лодку. Плот поплыл вниз по реке. Виселица долго чернела во мраке. Наконец она исчезла — и лодка моя причалила к высокому и крутому берегу...» [144]

В этом тексте, воспроизводящем один из рисунков казни в черновике «Полтавы» («трое повешенных») ** и являющемся по существу словесным комментарием к нему, дается описание доски, помещенной на груди первого повешенного (слева) в этом рисунке: она была черного цвета и надпись на ней была сделана «белыми крупными буквами». Эти сведения полностью совпадают со свидетельствами очевидцев казни. Однако в тексте «черная доска» расположена не на груди повешенных, а прибита к перекладине. В этой текстовой записи сообщается очень интересная информация, еще раз свидетельствующая о высоком уровне осведомленности Пушкина. Дело в том, что первоначально разработанный ритуал казни декабристов предполагал именно такое прикрепление доски с «именами и виною» осужденных к перекладине виселицы. Пушкин практически цитирует черновик приказа по гвардейскому корпусу от 12 июля 1826 г.: «О прибит[ии] имян к висельнице» [145].

---

* «Пропущенная глава», контуры которой определились в 1833 г., была изъята Пушкиным из черновой редакции законченного романа перед его перепиской для сдачи в цензуру в 1836 г.

** Сюжетное единство рисунка «трое повешенных» в рукописи «Полтавы» и описания виселицы в «Капитанской дочке» впервые отмечено А. М. Эфросом, видевшим в этом свидетельство глубокого впечатления, произведенного на Пушкина казнью декабристов (*Эфрос А. М.* Рисунки поэта. М.— Л., 1933, с. 376). Заметим, что соответствие сцены с виселицей в «Пропущенной главе» и рисунка «трое повешенных» исключает возможное предположение о связи этого текста с фактами расправ над пугачевцами, сведения о которых Пушкин изучал в начале 30-х гг., собирая материалы к «Истории Пугачева».

В главе «Суд» в сцене ареста и допроса Гринева, в эпизоде с письмом из Петербурга, извещавшем «батюшку» Гринева о высочайшем решении судьбы его сына, Пушкин использует исторические документы о процессе декабристов: «Меня привезли в крепость... Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузнеца. Надели мне на ноги цепь и заковали ее наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою...

На другой день тюремный сторож меня разбудил, с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека... У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагою, готовый записывать мои показания. Начался допрос»[146]. Несоответствие данного описания исторической картине следствия над пугачевцами очевидно: Секретная комиссия, учрежденная в Казани рескриптом Екатерины II от 29 ноября 1773 г., размещалась в здании местной семинарии; нижний этаж семинарии был переделан под тюремные камеры для колодников (заключенных), переводимых туда по мере надобности из губернской тюрьмы[147].

Все детали приведенного текста точно воспроизводят реалии заключения декабристов в Петропавловской крепости, именно так привозили в нее привлеченных по делу 14 декабря 1825 г.: заковывали в «железа»[148], помещали в наспех устроенные тесные тюремные казематы, через двор крепости водили на допрос в комендантский дом, где в обширной зале заседала Следственная комиссия. Источник цитирования устанавливается при сопоставлении описания ареста и допроса Гринева в «Капитанской дочке» и «Записок» В. П. Зубкова. Привезенный в Петропавловскую крепость Зубков был помещен в «тесной и темной конурке» — «комната в шесть шагов длины и пять ширины... левая стена... была перегородка... а правая стена была... сводом... когда голова касалась свода, ноги от него были еще на полтора шага отступя». Стекла в окне «были так грязны, что через них почти ничего не было видно», окно было загорожено «железной решеткой». Расположение комнат в «комендантском доме», в который привели Гринева, точно соответствует составленному В. П. Зубковым и приложенному им к «Запискам» плану квартиры коменданта, где обозначены упоминаемые Пушкиным передняя и «довольно обширная» зала (у В. П. Зубкова: «Я вошел в большой зал комендантского дома»[149]).

Обратимся к следующему фрагменту: «Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя Б**. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа, он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бун-

товщиков к несчастию оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни (т. е. казни через повешение.— *Г. Н.*), повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение» [150]. Здесь Пушкин цитирует официальные правительственные документы следствия и суда над декабристами: «Прибавление к подробному описанию происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го декабря 1825 года», в котором говорилось о «примерной казни» «главных зачинщиков», и формулу приговора («сослать вечно в каторжную работу... и потом на поселение», «по уважению совершенного и искреннего раскаяния сослать на житье в Сибирь») из «Доклада» Верховного уголовного суда, «Росписи государственным преступникам», «Указа Верховному уголовному суду» [151].

И еще одна запись, возможно имеющая отношение к декабристам. Осенью 1826 г. в Москве Пушкин изучает свидетельства очевидцев о казни декабристов. Их рассказы о поведении народа во время экзекуции (Н. С. Щукин: «Народ безмолвно стоял и смотрел на церемонию и, когда все кончилось, тихо пошел по домам, повеся головы»; И.-Г. Шницлер: «...зрители разошлись в молчании... Народ... не позволил себе никаких изъявлений и пребывал в молчании» [152*]) удивительно близки и по смыслу и по содержанию последней сцене «Бориса Годунова». В редакции первого издания 1831 г. трагедия кончается словами Мосальского: «Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (*Народ в ужасе молчит.*) Что ж вы молчите? кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович! (*Народ безмолвствует.*)» [153] Возможно, ремарка Пушкина «Народ безмолвствует», изменившая вариант концовки сцены в первом беловом списке трагедии, помеченном 7 ноября 1825 г.: «*Народ*. Да здравствует царь Дмитрий Иванович!» [154] — возникла под влиянием рассказов очевидцев о реакции народа на казнь декабристов и отражала реальный исторический факт.

Текстовые документальные записи характеризуют процесс накопления и изучения А. С. Пушкиным исторических сведений о декабристах и вместе с графическими составляют единый историко-документальный комплекс. Смысл и содержание этих записей раскрываются методами исторического исследования, но и предназначались они «в пользу будущего Вальтер Скотта».

---

* Достоверность этого свидетельства подтвердил Н. В. Путята, московский собеседник Пушкина.

„ДЛЯ ВЕКОВ И ПОТОМСТВА"

Предвидя сложность исторического изучения 14 декабря 1825 г., но твердо веря в «закон исторической справедливости», неминуемо устанавливающий истину и воздающий по заслугам историческим «действователям», декабрист В. И. Штейнгель писал: «За скальпель истины возьмется будущий век»[1]. Но он ошибался. Практически сразу после казни 13 июля 1826 г. один из современников начал изучение истории декабристов, «скальпелем истины» восстанавливая историческую правду.

Этим современником был Александр Сергеевич Пушкин. «Какое поле — эта новейшая Русская история! — писал он М. А. Корфу 14 октября 1836 г. — И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано, и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять! — Но история долга, жизнь коротка...»[2] Исследование Пушкина по истории декабристов, над которым он работал в конце 20-х — начале 30-х гг., осталось незавершенным. Но и в «разобранном», неоконченном виде его историческая работа имеет важное научное значение.

Пушкинское исследование предшествует историческим замыслам «огласить правду», возникшим среди узников Читинской тюрьмы и Петровского Завода в конце 20-х — начале 30-х гг., литературной деятельности «каторжных» мемуаристов и публицистическим выступлениям М. С. Лунина. Пушкин с полным основанием может быть назван первым историком декабризма, и его имя должно войти в отечественную историографию декабризма.

Документальные материалы о декабристах, графически и текстуально законспектированные Пушкиным, являются достоверными историческими свидетельствами, основанными на тщательном изучении собранных поэтом устных рассказов очевидцев и всей совокупности имевшихся в его распоряжении сведений. Этот уникальный исторический источник, подготовленный Пушкиным для своего труда и, возможно, для будущих историков («чтобы могли на нас ссылаться»), охватывает основные стороны истории декабризма: «хроника» движения 1816—1824 гг., восстание 14 декабря 1825 г., следствие и суд, казнь 13 июля 1826 г., каторга и ссылка. Но до сих пор он остается неизвестным в декабристоведении.

Материалы по истории декабристов получили свое отражение в художественном творчестве поэта. Их изучение как литературных источников помогает воссоздать историю ряда произведений и замыслов Пушкина, определить соотношение и принципы взаимодействия исторического и художественного в его творче-

стве, проследить становление документализма творческого метода поэта в конце 1820-х — начале 1830-х гг.

Восстановление процесса работы А. С. Пушкина над историей декабристов, выяснение круга его источников, методов конспектирования исторического материала углубляют представление о масштабах и характере его деятельности, раскрывают подлинный смысл и содержание взаимоотношений поэта-историка и его времени, тесную связь творчества и политической биографии.

Изучение истории декабристов, предпринятое Пушкиным в конце 20-х — начале 30-х гг., было одной из форм осмысления поэтом современного ему общества, проявлением, как писал П. В. Анненков, его «мучительной страсти» понять свое время, «открыть законные причины его явлений, уверовать в его необходимость и, наконец, угадать смысл самой русской истории, как лучшего оправдания народа и страны» [3].

Осознавая свою принадлежность к движению, в котором не принимал участия, рассматривая восстание 14 декабря и казнь 13 июля как факты собственной биографии («И я бы мог...»), Пушкин обращается к изучению трагического опыта русской истории, которая, по его убеждению, требовала «другой мысли, другой формулы», нежели «мысли и формулы», выведенные «из истории христианского Запада» [4]. Стремление постичь своеобразие исторических судеб России, раскрыть исторические формы и природу «русской революции», увидеть «общий ход вещей» и вывести «из оного... предположения... оправданные временем» о направлении исторического развития России и о характере будущего «нового возмущения», которое он считал неизбежным [5], явилось стимулом и целью исторических занятий поэта после 14 декабря: Петр I — революция «сверху»; Пугачев, декабристы — революция «снизу»; французская революция — «формула» западной революции. Поэт-историк, мучительно познававший «тайну» своего времени, ощущал себя преемником практиков революции, творивших историю 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади в Петербурге.

Исторический замысел, возникший у Пушкина, очевидно, к осени 1826 г., привел к изменению его давнего замысла написать «биографию». «Записки» 1821—1825 гг., сожженные поэтом из-за опасения «замешать многих и, может быть, умножить число жертв», помимо собственно автобиографических сведений включали историко-публицистическое введение, один из разделов которого известен под названием «Заметки по русской истории XVIII века» [6]. Сохранившийся набросок «Начало автобиографии», датируемый началом 1830-х гг., такого введения уже не содержит. То, что раньше являлось введением к автобиографии, теперь стало введением к истории его времени. «Заметки по русской истории XVIII века» стали «Историей Петра» и «Историей Пугачева», а воспоминания «о людях, которые после сделались

историческими лицами»[7], из не дошедших до нас «Записок» 1821—1825 гг., должны были стать частью исторической работы «об 14-м декабря».

Историческое осмысление восстания на Сенатской площади требовало решения важнейших философско-исторических и политических проблем своего времени. Концепция декабризма развивалась как часть философской и политической концепции поэта. Правительственные реляции никоим образом не повлияли на «мнения» Пушкина о «происшествии» 14 декабря 1825 г. Эти «мнения», которые он оставлял при себе, обещая власти лишь «не противуречить... общепринятому порядку», формировались на основе его собственного исторического опыта. Для Пушкина, как и для большинства передовых современников, восстание декабристов было естественным следствием «общих нещастий» России, проявлением «всесокрушающего течения времени»[8]. Понимая справедливость дела восставших и разделяя основные устремления тайного общества, Пушкин тем не менее с осуждением отнесся к примененной ими тактике военной революции. Неудача декабристов убедила его в неоправданности революционных выступлений типа 14 декабря и политической революции в целом.

Размышляя над опытом своих «братьев, друзей, товарищей», Пушкин пришел к выводу о закономерности поражения декабристов и победы самодержавия, основанной на «силе вещей»[9]. Опыт восставших подтвердил его сомнение в возможности путем военной революции уничтожить самодержавие и крепостничество, углубил недоверие к самой идее насильственной политической революции. Однако трагический исход восстания на Сенатской площади воспринимался Пушкиным как крах одного из возможных способов борьбы, но не декабризма как политической программы в целом.

Не принимая «политическое революционерство» 14 декабря, Пушкин сохранял общий с декабристами дух «негативного патриотизма» к российской действительности и после 1825 г. оставался борцом за политическую свободу и сторонником социальной революции[10]. Идейная и духовная общность с декабризмом как теоретической системой, но не как революционной практикой определяла направление его политических поисков после событий на Сенатской площади.

Сомнение Пушкина в правильности и исторической целесообразности «средств» и «методов» 14 декабря вызывало, в свою очередь, активные поиски возможных нереволюционных путей изменения общественной жизни. Декабрьская катастрофа показала, что политическая революция непонятна народу. После восстания политические проблемы отодвигаются Пушкиным на второй план, а форма власти воспринимается как нечто формальное, не главное. Республика перестала быть в глазах поэта гарантией свободы, а монархия — синонимом тирании, особенно в условиях

России, где правительство, по его мнению, являлось «единственным Европейцем» и действовало «выше... собственной образованности»[11].

Абсолютизм представлялся Пушкину в конце 20-х гг. единственной в то время реальной исторической формой социального прогресса. Признавая прогрессивность самодержавия (при безусловно отрицательном отношении к самовластию как историческому явлению — к деспотизму Петра, «азиатскому невежеству» его преемников, творивших «добро» лишь «ненарочно», «плешивому щеголю» Александру, «новому Петру» Николаю и его «придворным хамам»), Пушкин не считал ее исторической заслугой русского царизма. Самодержавие подавило элементы, из которых развиваются в обществе «учреждения независимости», ограничивающие деспотизм и способствующие распространению просвещения, и лишь в силу объективных причин стало лидером прогресса, приобщая страну к европейской цивилизации[12]. Однако действия самодержавного правительства на «поприще образованности и просвещения» Пушкин оценивал высоко, ибо, «сколь бы грубо и цинично оно не было, только от него зависело бы стать во сто крат хуже. Никто не обратил бы на то ни малейшего внимания»[13].

Не видя в России после 14 декабря 1825 г. общественной силы, способной противостоять царизму, Пушкин связывал теперь возможность социального усовершенствования с реформаторской деятельностью просвещенного монарха. Отсюда делался вывод о необходимости сотрудничества с самодержавным правительством, возникало убеждение, что в данный период «развитие идет не снизу вверх, а сверху вниз»[14]. Это сотрудничество рассматривалось как вынужденная мера, как необходимый начальный этап революции в России: освободить и просветить народ, т. е. социально подготовить будущую политическую революцию (ибо «политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян»[15]), по мнению Пушкина, могло в этот период только самодержавное правительство, направляемое и поддерживаемое передовыми общественными деятелями. Просвещенный и освобожденный в будущем народ, ныне «безмолвствующий», но к «смятенью тайно» склонный, таящий в себе постоянную угрозу «пугачевщины», и передовое дворянство, возвысившееся над внутрисословными распрями и «притязаниями на власть и богатства»[16], явятся той независимой исторической силой, которая сумеет уничтожить самодержавный деспотизм и создать новые политические формы общественной жизни. Исследование «об 14-м декабря» — история передового дворянства, внутренне связанное с размышлениями Пушкина о судьбах русского дворянства вообще («Что такое дв.[орянство]?», «*Русск.*[*ое*] *дв.*[*орянство*], что ныне значит?») в сохранившихся конспективных набросках начала 1830-х гг., справедливо названных П. Н. Сакулиным «программой целого исторического трактата»[17], продолжалось в

«Истории Пугачева»: «Одна только история народа может объяснить истинные требования оного...»[18] Концепция революции, складывавшаяся у Пушкина в конце 20-х — начале 30-х гг., представляла собой теоретическую попытку преодолеть исторически не оправдавшую себя политическую революционность декабристов и явилась одним из первых в истории русской мысли опытов соединения политического и социального аспектов революции[19].

Политические идеи и проекты Пушкина этого периода «возникали как бы в поисках выхода из той исторической обстановки, которая, по существу, никакого выхода не подсказывала»[20]. Теории мирной социальной революции оказывались несостоятельными. Иллюзии, основанные на идее просвещенного монарха — вере в революцию сверху, сравнительно быстро рассеивались. В Николае I, как выяснилось, «много прапорщика и мало Петра Великого»[21]. Надежды на близость прекрасного будущего сделались, по словам А. В. Никитенко, «мечтами без всякого практического значения»[22]. Мыслить в молчании, к чему призывал Е. А. Баратынский («молча можно быть поэтом»[23]), становилось все труднее. Круг единомышленников сужался. «Все не то, что было,— писал П. А. Вяземский в письме Д. П. Северину 2 мая 1833 г.— И мир другой, и люди кругом нас другие, и мы сами выдержали какую-то химическую перегонку... Некому сказать ты, нечего назвать наше...»[24]

«...Отсутствие общественного мнения, равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине... циничное презрение к человеческой мысли и достоинству...»[25] порождали трагическое ощущение социального одиночества, мучительное чувство безнадежности, приводили в отчаяние. 26 декабря 1835 г. Пушкин писал П. А. Осиповой: «Как подумаю, что 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения, мне кажется, что все это я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч.»[26].

14 декабря резко отделило прошлое от настоящего. Наступило новое время. Оно требовало новых людей — с иной политической закалкой и историческим опытом, воспитанных на идеях сомнений и отрицания, сжившихся с горькими истинами. Эти люди должны были молча, в страшных, гнетущих все живое условиях николаевского «острога» вынашивать свои мысли, бороться с сомнениями, извлекать уроки из прошлого. Некоторые, почувствовав усталость, сдавались и медленно умирали в пошлой действительности, заботливо одетые в мундир, определенные на службу «коронованным полицейским надзирателем». Эта «бездонная пучина» поглотила многих, «выплыли» лишь самые сильные, обладавшие, по словам А. И. Герцена, «безграничной гордостью, чтобы, с кандалами на руках и ногах, высоко держать голову»[27].

Среди них был А. С. Пушкин, человек поистине трагической судьбы, живший и «раскалявшийся», по словам П. А. Вяземского, в «жгучей и вулканической атмосфере» декабризма, дышавший и волновавшийся «этим воздухом» [28], «таинственный певец», случайно уцелевший в декабрьскую бурю и оказавшийся после 14 декабря между дворцом, где был его цензор, эшафотом виселицы, где он мог быть повешен, и каторгой, где были его «друзья, братья, товарищи». Поэт стал летописцем своего времени, историком декабризма, мужественно работавшим «для веков и потомства», подготовляя будущий «день торжества» истины, «а Истина сильнее царя...».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина

ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея СССР

ГПБ — Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив

ЦГИА ВМФ — Центральный государственный исторический архив Военно-Морского Флота СССР

ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР

ПРИМЕЧАНИЯ *

«... Взглядом Шекспира» (с. 5—10)

[1] *Герцен А. И.* Собр. соч., т. XIII. М., 1958, с. 399; т. XVI. М., 1959, с. 72.

[2] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 564; см. также: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 7.

[3] *Невелев Г. А.* Запретная рукопись о 14-м декабря.— Дружба народов, 1975, № 12, с. 279.

[4] *Герцен А. И.* Собр. соч., т. VII. М., 1956, с. 200.

[5] *Лорер Н. И.* Записки декабриста. М., 1931, с. 109.

[6] *Кошелев А. И.* Записки. Berlin, 1884, с. 18.

[7] *Модзалевский Б. Л.* Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов.— Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925, с. 38.

[8] *Вигель Ф. Ф.* Записки, т. 2. М., 1928, с. 272.

[9] *Анненкова П. Е.* Воспоминания. Изд. 3-е. Красноярск, 1977, с. 85.

[10] *Герцен А. И.* Собр. соч., т. VII, с. 201.

[11] Там же, т. XIII, с. 143.

[12] См. об этом подробнее: *Мандрыкина Л. А.* После 14 декабря 1825 г. (Агитаторы конца 20-х — начала 30-х гг.).— Декабристы и их время. М.— Л., 1951, с. 221—245; *Федосов И. А.* Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (революционные организации и кружки). М., 1958; *Насонкина Л. И.* Московский университет после восстания декабристов. М., 1972; *Дьяков В. А.* Освободительное движение в России 1825—1861 гг. М., 1979.

[13] Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая по донесениям М. Я. Фон-Фока А. Х. Бенкендорфу.— Русская старина, 1881, № 1, с. 172.

[14] *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма, т. II. М., 1914, с. 129.

[15] *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч., т. II. М., 1911, с. 19; т. I. М., 1911, с. 86.

[16] *Гаккель П. Ф.* Записки от 14 декабря 1825 г.— Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г. Л., 1927, вып. 1(34), с. 238—266.

[17] *Бучина Л. И.* Записки А. Я. Булгакова (1825—1826 гг.) как источник по истории восстания декабристов.— Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979, с. 59—77.

[18] Вступление на престол императора Николая I в записках А. И. Михайловского-Данилевского.— Русская старина, 1890, № 11, с. 509.

[19] ГБЛ, ф. 712, I.I, л. 74 об.

[20] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 109.

[21] Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 2. М., 1933, с. 294.

[22] *Муравьев А. М.* Записки. Пг., 1922, с. 26.

[23] *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов.— Литературное наследство, т. 59, кн. 1. М., 1954, с. 748.

[24] *Штейнгель В. И.* Записки.— Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I. СПб., 1905, с. 468.

[25] Из писем и показаний декабристов. СПб., 1906, с. 18.

---

* Цитаты из произведений Пушкина и ссылки на них, кроме специально оговоренных случаев, приводятся по изданию: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в 17-ти тт. М.— Л., 1937—1959.

[26] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 310; *Левкович Я. Л.* Когда Пушкин уничтожил свои записки? — Временник Пушкинской комиссии 1979. Л., 1982, с. 102—106.

[27] *Châteaubriand F.-A.* Oeuvres complètes. Nouv. ed. T. VI. Paris, 1859, p. 512; *Реизов Б. Г.* Из истории европейских литератур. Л., 1970, с. 74; *Фельдман О. М.* Судьба драматургии Пушкина. «Борис Годунов», «Маленькие трагедии». М., 1975, с. 42—43.

[28] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 224; см. также: *Мещерский Н. А.* «Истина сильнее царя...» (Из наблюдений над языком эпистолярной прозы А. С. Пушкина).— Вестник ЛГУ, серия истории, языка, литературы, 1982, вып. 3, № 14, с. 46—48; *Воронцов-Вельяминов Г. М.* «Истина сильнее царя...» — Вопросы литературы, 1983, № 4, с. 210—218.

[29] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 256.

[30] *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма, т. II, с. 105.

[31] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 181.

[32] Там же, т. 13, с. 259; т. 11, с. 181.

[33] *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 126.

[34] *Вульф А. Н.* Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929, с. 137. Н. М. Языков в письме к М. П. Погодину от 3 октября 1833 г. сообщал («между нами») о том, что Пушкин «собирается... писать историю Петра, Ек[атерины] I-ой и далее вплоть до Павла первого...» (Пушкин по документам архива М. П. Погодина.— Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 715).

[35] Историю изучения темы в дореволюционной и советской историографии см. в работах: *Вацуро В. Э., Мейлах Б. С.* Пушкин и деятельность тайных обществ.— Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.— Л., 1966, с. 168—197; *Вацуро В. Э., Пугачев В. В.* Пушкин и общественно-литературное движение в период последекабрьской реакции. Ситуация 1825—1837 годов.— Там же, с. 198—235. Среди новейших работ: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 125—147; *его же.* Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. Изд. 2-е. М., 1979, с. 243—391; *Мейлах Б. С.* Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975, с. 38—71; *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина.— Литературное наследие декабристов. М., 1975, с. 195—218; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979; *Макогоненко Г. П.* Творчество Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 300—346; *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг.— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 88—114.

[36] *Предтеченский А. В.* Исторические взгляды Пушкина.— Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., 1955, с. 304—310; *Томашевский Б. В.* Историзм Пушкина.— *Томашевский Б. В.* Пушкин, кн. 2. М.— Л., 1961, с. 154—199; *Пугачев В. В.* Историческая проза.— Пушкин. Итоги и проблемы изучения, с. 502—513; *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968, с. 14—55; *Тойбин И. М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820-х и 1830-х годов. Воронеж, 1980.

[37] *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. М.— Л., 1937; *Соловьева О. С.* Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года. Краткое описание. М.— Л., 1964; *Данилов В. В., Султан-Шах М. П.* Документальные материалы об А. С. Пушкине. Краткое описание.— Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома, вып. VI. М.— Л., 1956, с. 27—96; вып. VIII. М.— Л., 1959, с. 5—44; *Теребенина Р. Е.* Новые поступления в пушкинский фонд Рукописного отдела ИРЛИ (ПД) за 1958—1968 гг.— Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971, с. 114—120; *ее же.* Новые поступления в пушкинский фонд Рукописного отдела ИРЛИ (ПД) за 1969—1974 гг. Новонайденные рисунки Пушкина.— Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 104—124; *Левкович Я. Л.* Документальная литература о Пушкине (1966—

1971).— Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973, с. 57—72; *Головин В. В.* Новейшие публикации автографов Пушкина.— Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983, с. 73—82. Анализ основных видов и групп документальных источников о Пушкине см.: *Измайлов Н. В.* Источниковедение.— Пушкин. Итоги и проблемы изучения, с. 613—630.

[38] Восстание декабристов. Библиография. М.— Л., 1929; *Снытко Т. Г.* Неопубликованные материалы по истории декабристского движения.— Вопросы истории декабристского движения.— Вопросы истории, 1950, № 12, с. 122—133; *Данилов В. В.* Декабристские материалы в Рукописном отделе ИРЛИ (ПД) АН СССР.— Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.— Л., 1951, с. 259—279; *Федосеева Е. П.* Описание рукописных материалов по истории движения декабристов. Л., 1954; *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов. Историко-библиографический обзор.— Литературное наследство, т. 59, кн. I. М., 1954, с. 601—777; Движение декабристов. Указатель литературы. 1928—1959. М., 1960; Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР, вып. 1—3. М., 1975; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях, т. 2, ч. I (1801—1856). М., 1977, с. 179—211; Движение декабристов. Аннотированный указатель к документам фондов и коллекций ЦГИА СССР. М., 1981; Движение декабристов. Указатель литературы 1960—1976. М., 1983. Обзор научных публикаций источников в советском декабристоведении см.: *Эймонтова Р. Г.* Источники по истории декабристов в советских изданиях.— Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976, с. 222—243.

ПОСЛЕ 14 ДЕКАБРЯ 1825 года
Источники и каналы информации (с. 12—62)

[1] *Вигель Ф. Ф.* Записки, т. 2. М., 1928, с. 269—270.

[2] Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. 1825, 15 декабря, № 100; см. также: Русский инвалид, 1825, 19 декабря, № 300, с. 1206—1208; Северная пчела, 1825, 19 декабря, № 152, с. 1—2; Московские ведомости, 1825, 23 декабря, № 102, с. 3577—3579.

[3] Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям, 1825, 15 декабря, № 100.

[4] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.— Л., 1926, с. 146.

[5] Там же, с. 146—147, 169.

[6] *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. 2. М., 1866, с. 466. Подробнее об этом см.: *Невелев Г. А.* 14 декабря 1825 года (Официальные версии и Западная Европа).— Вопросы истории, 1975, № 12, с. 94—109.

[7] *Звавич И. С.* Восстание 14 декабря и английское общественное мнение.— Печать и революция, 1925, кн. 8, с. 38—39.

[8] *Татищев С. С.* Воцарение императора Николая (по неизданным источникам Парижского архива министерства иностранных дел).— Русский вестник, 1893, № 3, с. 150.

[9] *Пыпин А. Н.* Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, с. 175.

[10] *Корф М. А* Восшествие на престол императора Николая. Изд. 3-е (первое для публики). СПб., 1857, с. 159—160.

[11] La Russie et l'Autriche (Documents inédits).— Le monde slave, t. 1, 1938, p. 259, 260; Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760—1850. Extraits de ses archives. T. IV (1819—1827). Paris, 1909, p. 263—268. Ср.: ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 503, ч. 1, л. 1—4.

[12] *Татищев С. С.* Указ. соч.— Русский вестник, 1893, № 4, с. 5.

[13] *Звавич И. С.* Восстание 14 декабря, с. 41.

[14] *Звавич И. С.* Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством.— Тайные общества в России в начале XIX столетия. М.,

1926, с. 90 (депеша К. В. Нессельроде Х. А. Ливену, 23 декабря 1825 — 4 января 1826 г.).

[15] *Анграи П.* Отголоски восстания декабристов во Франции.— Вопросы истории, 1952, № 12, с. 101—102.

[16] *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин по его сочинениям..., ч. 2, с. 467.

[17] Санкт-Петербургские ведомости, 1825, 22 декабря, № 102, с. 1199—1200.

[18] *Татищев С. С.* Указ. соч.— Русский вестник, 1893, № 4, с. 7, 8—9.

[19] *Анграи П.* Отголоски восстания декабристов, с. 103.

[20] *Metternich.* Mémoires, documents et écrits divers, 2 éd., t. IV. Paris, 1881, p. 309.

[21] *Орлик О. В.* Передовая Россия и революционная Франция (1-я половина XIX в.). М., 1973, с. 99.

[22] *Татищев С. С.* Указ. соч.— Русский вестник, 1893, № 4, с. 22, 23, 25—26.

[23] *Wellington A. W.* Despatches, Correspondence and Memoranda. Vol. III. London, 1860, p. 152; Император Николай I в донесениях шведского посланника.— Русская старина, 1903, № 10, с. 207.

[24] *Анграи П.* Отголоски восстания декабристов, с. 102.

[25] *Боровков А. Д.* Автобиографические записки.— Русская старина, 1898, № 11, с. 335.

[26] Journal de Saint-Pétersbourg. 1826, 5 janvier, N 2, p. 6; Санкт-Петербургские ведомости, 1826, 5 января, № 2, с. 13; Русский инвалид, 1826, 7 января, № 5, с. 19.

[27] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 166, 168, 170.

[28] Русский инвалид, 1825, 29 декабря, № 305, с. 1227—1230; Московские ведомости, 1826, 2 января, № 1, с. 2—5.

[29] По поводу событий 14 декабря 1825 года [письмо А. И. Чернышева к П. Д. Киселеву, 5 января 1826 г.].— Русская старина, 1887, № 7, с. 335.

[30] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 181.

[31] *Голицын Н. В.* Сперанский в Верховном уголовном суде над декабристами.— Русский исторический журнал, 1917, кн. 1—2, с. 64—65, 97—102.

[32] Там же, с. 64; Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, 186.

[33] Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям, 1826, 29 января, № 9; Московские ведомости, 1826, 6 февраля, № 11, с. 333—336.

[34] *Боровков А. Д.* Автобиографические записки, с. 349.

[35] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 469, л. 78—78 об.

[36] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 194.

[37] Восстание декабристов. Документы, т. XVII. М., 1980, с. 24, 69, 65.

[38] *Модзалевский Б. Л.* Записка о «Донесении Следственной комиссии».— Декабристы. Неизданные материалы и статьи. М., 1925, с. 50.

[39] Русский инвалид, 1826, 12 июня, № 138; Северная пчела, 1826, 17 июня, № 72; Московские ведомости, 1826, 19 июня, № 49, с. 1905—1925; 23 июня, № 50, с. 1961—1979.

[40] Санкт-Петербургские ведомости, 1826, 13 июля, № 56, с. 661; Московские ведомости, 1826, 3 июля, № 53, с. 2135; 14 июля, № 56, с. 2247.

[41] Русский инвалид, 1826, 15 июня, № 140, с. 574; Московские ведомости, 1826, 3 июля, № 53, с. 2121; *Лапин Н. А.* Западная Сибирь и декабристы в 1825—1830 гг.— Ученые записки Курганского педагогического института, вып. VI, 1964, с. 113.

[42] *Анграи П.* Отголоски восстания декабристов, с. 109.

[43] *Тургенев Н. И.* Россия и русские, т. I. М., 1915, с. 141—142. Ср.: *Пыпин А. Н.* Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, с. 184.

[44] *Тургенев Н. И.* Россия и русские, с. 141.

[45] *Звавич И. С.* Восстание 14 декабря, с. 47.

[46] *Анграи П.* Отголоски восстания декабристов, с. 98.

[47] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 835, л. 80 об., 81 об.; д. 798. На связь между пушкинской графикой этого периода и текстом правительственных сообще-

ний о декабристах впервые указал С. Я. Гессен (см. его рецензию на статью А. М. Эфроса «Декабристы в рисунках Пушкина» в кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 1. М.— Л., 1936, с. 348—351).

[48] Известно два варианта слов Пушкина о декабристах: «друзья, братья, товарищи» — в письме к П. Вяземскому от 14 августа 1826 г. (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 291) и «братья, друзья, товарищи» — в записке «О народном воспитании», законченной 15 ноября 1826 г. (там же, т. 11, с. 43). По мнению Ю. М. Лотмана, «слова Пушкина о декабристах — «братья, друзья, товарищи» — исключительно точно характеризуют иерархию интимности в отношениях между людьми декабристского лагеря» (*Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни. (Бытовое поведение как историко-психологическая категория).— Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 65). Однако это не учитывает наличия еще одного варианта формулы и нуждается в уточнении.

[49] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 257; *Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина». История разгадки.— Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 405.

[50] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 256, 259, 260.

[51] Там же, с. 262.

[52] Там же, с. 257—258.

[53] Там же, с. 264, 265—266.

[54] Там же, с. 271; см. также: *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. М., 1958, с. 345—362; *Пугачев В. В.* Новые данные о Пушкине и декабристах (из недавних публикаций дел Следственной комиссии).— Временник Пушкинской комиссии. 1975. Л., 1979, с. 121—125; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979, с. 350—368.

[55] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 285, 286.

[56] «Донесение» Следственной комиссии сохранилось в библиотеке Пушкина (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910, с. 36).

[57] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 283—284. Здесь прошение Пушкина Николаю I датировано: «11 мая — первая половина июня 1826 г.». В автографе дата отсутствует (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 1330, л. 5—5 об.).

[58] *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование, т. 1. СПб., 1903, с. 429—430; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 284. О датировке медицинского свидетельства см.: Пушкин. Письма, т. II (1826—1830). М.— Л., 1928, с. 156—157.

[59] *Анненков П. В.* А. С. Пушкин в александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, с. 316—317.

[60] Пушкин. Письма, т. II, с. 156.

[61] *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., 1951, с. 789.

[62] Пушкин. Письма, т. II, с. 157.

[63] Русский инвалид, 1826, 4 июня, № 2, с. 7—8.

[64] Восстание декабристов, т. XVII, с. 70.

[65] Там же, с. 71—73.

[66] Там же, с. 217.

[67] Там же, с. 104.

[68] Там же, с. 221—222.

[69] Там же, с. 245—246.

[70] Там же, с. 247.

[71] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 147.

[72] *Татищев С. С.* Указ. соч.— Русский вестник, 1893, № 4, с. 14; *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый, т. 1, с. 347.

[73] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 175.

[74] Русский инвалид, 1826, 7 января, № 5, с. 20; 8 января, № 6, с. 24.

[75] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 196.

[76] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е, т. 1. СПб., 1831, с. 388—389. П. А. Вяземский назвал манифест 4 мая 1826 г. «пре-

дисловием к последствиям Верховного суда» (*Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 126).

[77] *Звавич И. С.* Восстание 14 декабря, с. 47.

[78] Восстание декабристов, т. XVII, с. 221.

[79] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 469, л. 116—116 об; д. 464, л. 33—34.

[80] ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1456, л. 2.

[81] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1. д. 7, л. 5; К истории суда над декабристами.— Вопросы архивоведения, 1963, № 1, с. 111—120.

[82] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, д. 7, л. 6 об.

[83] ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 1456, л. 3.

[84] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 207, 212.

[85] *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов.— Красный архив, 1926, т. 4(17), с. 175. Ср.: *Щеголев П. Е.* Декабристы. Очерки. М.— Л., 1926, с. 277.

[86] Восстание декабристов, т. XVII, с. 246. Ср.: *Щеголев П. Е.* Декабристы, с. 281; *Голицын Н. В.* Сперанский в Верховном уголовном суде, с. 92.

[87] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 207; Восстание декабристов, т. XVII, с. 250—251.

[88] *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба..., с. 176. Ср.: К истории казни декабристов 1826 года.— Русская старина, 1882, № 7, с. 214; Восстание декабристов, т. XVII, с. 249—250, 278—279.

[89] *Щеголев П. Е.* Николай I и декабристы. Пг., 1919, с. 33; *его же.* Казнь пяти.— Красная газета, 1926, 27 июля, № 170 (2513), с. 3.

[90] Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906. Л., 1929, с. 28, 33; Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб., 1914, с. 179; *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 62. М., 1953, с. 429; *Серебровская Е. С.* Записка Николая I о казни декабристов.— Новый мир, 1958, № 9, с. 277—278. Ср.: *Давыдов Д. В.* Записки. Лондон — Брюссель, 1863, с. 12.

[91] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 468, л. 123, 124—124 об.; *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба..., с. 179.

[92] Восстание декабристов, т. XVII, с. 252.

[93] ЦГВИА, ф. 14719, оп. 2, д. 32, л. 1.

[94] Русский инвалид, 1826, 14 июля, № 166, с. 676; 23 июля, № 176, с. 716; Восстание декабристов, т. XVII, с. 253.

[95] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 895; *Цявловская Т. Г.* Примечания к стихотворению «Под небом голубым страны своей родной...».— *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 10-ти т., т. II. М., 1959, с. 688; *ее же.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина.— Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 199—201. Ср. другое прочтение этих двух строк: «Усл. о см. 25» и «У о с. Р.П.М.К.Б. 24», которые расшифровывают так: «Усл[ышал] о см[ерти Ризнич] 25 [июля 1826 г.]» и «У[слышал] о с[мерти] Р[ылеева] П[естеля] М[уравьева-Апостола] К[аховского] Б[естужева-Рюмина] 24 [июля 1826 г.]» (Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.— Л., 1935, с. 307). Так читает пометы Д. Д. Благой: «О смерти возлюбленной он «услышал» 25 июля, а накануне узнал о повергшей его в «великую скорбь», вытеснившую на время из его души все остальное, казни Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского и Бестужева-Рюмина» (*Благой Д. Д.* Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. Изд. 2-е. М., 1979, с. 375). По мнению М. Л. Нольмана, разъяснение пушкинских помет на беловом автографе стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...», предложенное Б. В. Томашевским и Т. Г. Цявловской, не является бесспорным. Отметив, что Пушкин не всегда придерживался правил написания прописных и строчных букв, исследователь обращает внимание на то, что в первой строке пушкинской пометы начальное «с» («Усл.») немногим меньше «с» второго («о С. 25»). Следовательно, большое «с» может означать «смерть Ризнич» (*Нольман М. Л.* «Недоступная черта» (Об одном цикле любовной лирики Пушкина).— Болдинские чтения. Горький, 1976, с. 56—57). Я. Л. Левкович, возражая Томашевскому и Цявловской, замечает: «Прописное «С» в первой строке записи не обяза-

тельно должно соответствовать географическому названию («Сибирь»). Прописной буквой Пушкин часто начинал существительные, особенно отвлеченные слова, если хотел придать им особую выразительность, в данном случае так могло быть написано слово «Смерть»» (*Левкович Я. Л.* Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.).— Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973, с. 62).

[96] Северная пчела, 1826, 15 июля, № 84, с. 1—10 (приложение); Санкт-Петербургские ведомости, 1826, 20 июля, № 58, с. 674—685.

[97] Русский инвалид, 1826, 16 июля, № 168—169, с. 684—690; 17 июля, № 170—171, с. 692—698; 19 июля, № 172, с. 699—702; 21 июля, № 174, с. 714.

[98] Восстание декабристов, т. XVII, с. 250.

[99] Пушкин. Письма, т. II, с. 172; *Петров А. Г.* Штрихи ложились на бумагу...— Пушкинский праздник, 1969, 30 мая — 6 июня, с. 18; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы, с. 380—381; *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг.— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983. с. 90.

[100] Journal de Saint-Pétersbourg, 1826, 15(17) juillet, N 86, p. 346.

[101] Северная пчела, 1826, 17 июля, № 85, с. 2. Впервые на публикацию сообщения о казни декабристов в «Северной пчеле» указал Б. Л. Модзалевский, поместивший полный текст этого сообщения в своем комментарии к письмам А. С. Пушкина (Пушкин. Письма, т. II, с. 172). Сведения Модзалевского были учтены М. А. Цявловским (*Цявловский М. А.* Летопись, с. 715). Впоследствии сообщение «Северной пчелы» было вновь опубликовано А. Г. Петровым, полагавшим, что этот документ «остался незамеченным» (*Петров А. Г.* Незамеченное сообщение.— История СССР, 1963, № 4, с. 227).

[102] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 1, д. 8, л. 52—52 об.

[103] Constitutionnel, 1826, 10 août; Times, 1826, 10 august; Journal de Paris, 1826, 11 août; Quotidienne, 1826, 11 août; Magyar kurir, 1826, 15 augustus; Journal des Débats, 1826, 11 août.

[104] Русский инвалид, 1826, 31 августа, № 209.

[105] Рукою Пушкина, с. 310.

[106] Старина и новизна, кн. VIII. М., 1904, с. 39.

[107] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 291.

[108] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 612.

[109] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 284 (из письма П. А. Вяземского Пушкину от 12 июня 1826 г.), 286.

[110] *Вульф А. Н.* Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929, с. 137.

[111] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 326.

[112] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 289.

[113] Там же, с. 291.

[114] Там же, с. 293.

[115] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 373—374.

[116] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 461.

[117] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 8.

[118] *Цявловский М. А.* Заметки о Пушкине.— Звенья, т. VI. М.— Л., 1936, с. 153.

[119] *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1813—1826). М.— Л., 1950, с. 533—542; *его же.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, с. 29, 674.

[120] *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов..., с. 201—202. Такого же мнения придерживается А. Л. Слонимский, считающий, что в основе свидетельств о варианте окончания «Пророка» — не дошедший до нас «стихотворный экспромт Пушкина по поводу своего «Пророка» с намеком на что-нибудь вроде того, что в России вешают пророков, как повесили, например, Рылеева...» (*Слонимский А. Л.* Мастерство Пушкина. М., 1963, с. 144—146).

[121] Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. Л., 1925, с. 87, 319.

[122] *Модзалевский Б. Л.* В. П. Зубков и его «Записки».— Пушкин и его современники, вып. 4. СПб., 1906, с. 90—186.

[123] *Зубков В. П.* Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 года. Пер. с франц.— Декабристы. Тайные общества. М., 1907, с. 244.

[124] *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 349, 460—461, 38—39; *Боровков А. Д.* Автобиографические записки, с. 351.

[125] *Анненкова П. Е.* Воспоминания. Изд. 3-е. Красноярск, 1977, с. 85.

[126] ГБЛ, ф. 231, разд. I, д. 31, л. 154 об. (ср.: *Веневитинов Д. В.* Полн. собр. соч. М.— Л., 1934, с. 375); л. 155.

[127] *Герцен А. И.* Собр. соч., т. VIII. М., 1956, с. 61.

[128] Московские ведомости, 1826, 24 июля, № 59, с. 2341—2351.

[129] Остафьевский архив кн. Вяземских, т. V, вып. 2. СПб., 1913, с. 54, 89, 93. Заметим, что в словарь своих знакомств, составлявшийся П. А. Вяземским в старости, он включил имена всех пяти казненных декабристов (*Лотман Ю. М.* П. А. Вяземский и движение декабристов.— Труды по русской и славянской филологии, т. III. Тарту, 1960, с. 27).

[130] Из записной книжки Н. В. Путяты.— Русский архив, 1899, № 6, с. 350.

[131] Казнь декабристов. Рассказы современников. Н. В. Путята.— Русский архив, 1881, № 2, с. 343—344.

[132] Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, т. 1. Пг., 1921, с. 42.

[133] *Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.* Декабристы и салон Лаваль.— Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 170—181.

[134] *Веневитинов Д. В.* Полн. собр. соч., с. 17.

[135] *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. Л., 1925, с. 61—62.

[136] *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 371; *Лебцельтерн З. И.* Екатерина Трубецкая.— Звезда, 1975, № 12, с. 186.

[137] *Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.* Декабристы и салон Лаваль, с. 177.

[138] *Оболенский Е. П.* Воспоминания.— Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. 1. СПб., 1905, с. 263—264.

[139] *Трубецкой С. П.* Записки. СПб., 1906, с. 115.

[140] *Зубков В. П.* Записки о заключении в Петропавловской крепости, с. 219.

[141] *Шаховская Е. А.* Дневник 1826—1827 гг.— Голос минувшего, 1920—1921, с. 111.

[142] *Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.* Декабристы и салон Лаваль, с. 182.

[143] *Волконская М. Н.* Записки. СПб., 1904, с. 32; *Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.* Декабристы и салон Лаваль, с. 173.

[144] *Анненкова П. Е.* Воспоминания, с. 75; *Трубецкой С. П.* Записки, с. 115.

[145] *Анненкова П. Е.* Воспоминания, с. 139.

[146] *Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.* Декабристы и салон Лаваль, с. 182.

[147] *Голубовский П. В.* Письма декабриста А. П. Юшневского и его жены [М. К. Юшневской] из Сибири. Киев, 1908, с. 2—3.

[148] [*Веневитинов Д. В.*] Проводы княгини Марии Волконской.— Русская старина, 1875, № 4, с. 822—827; *Волконская М. Н.* Записки, с. 20, 22; *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 43.

[149] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. 2. М., 1961, с. 174.

[150] *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма, с. 101.

[151] *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. 2, с. 174.

[152] ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экс., д. 61, ч. 15, л. 2; ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 241, д. 237, л. 61—62.

[153] *Анненкова П. Е.* Воспоминания, с. 172; см. также: *Волконская М. Н.* Записки, с. 192; *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907, с. 151; *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 115.

[154] *Штрайх С. Я.* Из быта декабристов в Сибири.— Русское прошлое, 1923, т. 1, с. 125—128.

[155] *Томашевский Б. В.* Пушкин, кн. 2. М.— Л., 1961, с. 244—249.

[156] *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма, с. 84, 85, 261, 395—396.

[157] *Волконская М. Н.* Записки, с. 24.

[158] *Цявловская Т. Г.* Мария Волконская и Пушкин (Новые материалы).— Прометей, т. 1. М., 1966, с. 59.

[159] Русский архив, 1874, № 9, стб. 703.

[160] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 43.

[161] По версии Н. И. Лорера, стихотворение «Во глубине сибирских руд» было прислано Пушкиным А. Г. Муравьевой в Сибирь в 1827 г. «чрез неизвестного купца» (*Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982, с. 64—65). Все приведенные свидетельства (М. Н. Волконская, П. И. Бартенев, И. Д. Якушкин, Н. И. Лорер) подтверждают традиционную датировку пушкинского послания в Сибирь — конец 1826 — начало января 1827 г. Есть еще одно свидетельство — С. А. Соболевского. В одной из тетрадей П. И. Бартенева 1850-х гг. рукой Соболевского написано стихотворение «Во глубине сибирских руд». Под текстом Соболевский сделал запись о том, что эти стихи он слышал в чтении Пушкина, «а они сочинены им у меня дома» (*Цявловский М. А.* Из пушкинианы П. И. Бартенева.— Летописи Государственного Литературного музея, кн. 1. М., 1936, с. 539—540). По мнению М. П. Алексеева, это сообщение очень правдоподобно, так как на квартире Соболевского (на Собачьей площадке) Пушкин жил с 19 декабря 1826 до 19 мая 1827 г. (*Алексеев М. П.* Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 433; см. также: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 386). М. К. Азадовский, высказавший предположение о том, что «Во глубине сибирских руд» следует датировать концом 1828 г., рассматривал замечание С. А. Соболевского как недостоверное и не заслуживающее доверия (*Азадовский М. К.* Статьи о литературе и фольклоре. М.— Л., 1960, с. 441, 443—454). Это предположение о более позднем происхождении пушкинского послания в Сибирь противоречит имеющимся документальным данным и остается недоказанным.

[162] *Цявловская Т. Г.* Мария Волконская и Пушкин, с. 59.

[163] Там же, с. 63 (ср.: *Султан-Шах М. П.* М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 годов.— Пушкин. Исследования и материалы, т. 1. М.— Л., с. 260).

[164] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 838, л. 26 об.; *Керцелли Л. Ф.* Мир Пушкина в его рисунках: 1820-е годы. М., 1983, с. 53—65.

[165] *Удимова Н. И.* Стихотворение Пушкина памяти сына С. Г. Волконского.— Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 405—410.

[166] *Попова О. И.* История жизни М. Н. Волконской.— Звенья, т. III—IV. М., 1934, с. 67; *Удимова Н. И.* Стихотворение Пушкина..., с. 405, 410.

[167] *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг Пушкина. СПб., 1903, с. 129; *Попова О. И.* Неизданные письма М. Н. Волконской.— Труды Государственного Исторического музея, вып. 1. М., 1926, с. 24; ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, д. 2, л. 133—134 (черновик рукой С. Г. Волконского); ф. 244, оп. 3, д. 20 (собрание И. А. Шляпкина); ф. 244, оп. 1, д. 838, л. 4; д. 841, л. 116 (определено Р. Г. Жуйковой); *Керцелли Л. Ф.* Мир Пушкина в его рисунках, с. 19—51. Рисунки датируются 1829 г.

[168] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 84.

[169] *Цявловская Т. Г.* Мария Волконская и Пушкин, с. 65; *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма, с. 85.

[170] Переписка А. С. Пушкина, т. 2. М., 1982, с. 243.

[171] *Орлов В. Н.* В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке (Новые материалы).— Декабристы и их время. М.— Л., 1951, с. 29.

[172] Переписка А. С. Пушкина, т. 2, с. 241.

[173] Там же, с. 245; Письма В. К. Кюхельбекера из крепостей и ссылки (1829—1846).— Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 410, 416.

[174] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 107, 108; *Гуревич А. В.*

Пушкин и Сибирь. Красноярск, 1952, с. 23—24, 140; ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 147, л. 1—1 об.

175 Переписка А. С. Пушкина, т. 2, с. 247.

176 *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма, с. 86.

177 *Шадури В. С.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, с. 379—389; *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 300—323.

178 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 466.

179 *Гангеблов А. С.* Воспоминания декабриста. М., 1888, с. 188.

180 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 90—91, 109; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 446, 481; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 291.

181 О членстве Н. Н. Раевского в тайном обществе сохранились свидетельства М. А. Бестужева (Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, с. 55—56) и А. Е. Розена (*Розен А. Е.* Н. Н. Раевский.— Русская старина, 1873, № 7, с. 379), но прямых доказательств его участия в движении декабристов нет.

182 *Гессен С. Я.* Источники десятой главы «Евгения Онегина».— Декабристы и их время, т. 2. М., 1932, с. 155.

183 *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма, с. 109.

184 Там же, с. 363—364, 367.

185 *Пущин И. И.* Записки о Пушкине и письма из Сибири. М., 1925, с. 320.

186 *Якушкин Е. И.* Воспоминания об И. И. Пущине.— *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. СПб., 1907, с. 92—93 (ср.: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, с. 151—152).

187 Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, т. 1, с. 22. Ю. Г. Оксман, первым обративший внимание на это обстоятельство, предположил, что И. И. Пущин передал П. А. Вяземскому свой портфель в Москве перед отъездом в Петербург в декабре 1825 г. (*Оксман Ю. Г.* Агитационная песня «Ах, тошно мне и в родной стороне».— Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 87, 100).

188 Летописи Государственного Литературного музея, кн. III. М., 1938, с. 278. В комментариях к этому письму Н. П. Чулков ограничился лишь указанием на то, что данное свидетельство И. И. Пущина опровергает «семейное предание, сохранившееся в семье Якушкиных» (там же). Т. Г. Цявловская, используя наблюдения Ю. Г. Оксмана и Н. П. Чулкова, убедительно показала, что рассказ Е. И. Якушкина о П. А. Вяземском, «пришедшем после восстания к Пушкину с предложением помощи, несомненно является легендой» (*Цявловская Т. Г.* Автограф стихотворения «К морю».— Пушкин. Исследования и материалы, т. 1. М.— Л., 1956, с. 194—196). По предположению Н. Я. Эйдельмана, портфель был передан И. И. Пущиным Е. А. Энгельгардту 14 или 15 декабря 1825 г. (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы, с. 172—175).

189 *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма, с. 364.

190 Восстание декабристов. Материалы, т. II. М.— Л., 1926, с. 142, 180, 161, 173.

191 А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 425.

192 К истории восстания 14 декабря 1825 г. (Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново).— Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. III. М., 1939, с. 15.

193 Восстание декабристов, т. VIII, с. 391; *Пушкин Б. С.* Арест декабристов.— Декабристы и их время, т. 2. М., 1932, с. 403. Ср.: Восстание декабристов. Материалы, т. I. М.— Л., 1925, с. 152—153.

194 По мнению М. В. Нечкиной, Л. С. Пушкин оставался на площади до «конца восстания» и потом «пошел на квартиру Рылеева» (*Нечкина М. В.* О нас в истории страницы напишут... Из истории декабристов. Иркутск, 1982, с. 81). В этом случае Л. С. Пушкин должен был встретиться на квартире К. Ф. Рылеева с П. Г. Каховским, показавшим на следствии: «...толпа, ударенная картечью, разбежалась. Тогда пришел я к Рыле-

еву, который вскоре после меня домой возвратился. Ввечеру ходил я на площадь, но за цепью не мог перебраться и возвратился к Рылееву, где застал стражу, за ним присланную» (Восстание декабристов, т. I, с. 339).

[195] *Невелев Г. А.* Запретная рукопись о 14-м декабря.— Дружба народов, 1975, № 12, с. 279.

[196] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 320.

[197] *Нечкина М. В.* О нас в истории страницы напишут..., с. 97—98.

[198] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 100.

[199] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 215—216; т. 17, с. 70—71.

[200] *Шадури В. С.* Покровитель сосланных на Кавказ декабристов и опальных литераторов. Неизвестные материалы о лицейском друге Пушкина В. Д. Вольховском. Тбилиси, 1979, с. 14—17, 29—33.

[201] *Гастфрейнд Н. А.* Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею. Материалы для словаря лицеистов 1-го курса 1811—1817 гг., т. III. СПб., 1913, с. 249.

[202] *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 136.

[203] ЦГАОР СССР, ф. 1708, оп. 1, д. 7.

[204] Восстание декабристов, т. VIII, с. 388; *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 163—164.

[205] *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 163—164.

[206] *Гастфрейнд Н. А.* Товарищи Пушкина..., с. 260.

[207] *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 164.

[208] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 102.

[209] ЦГАОР СССР, ф. 1708, оп. 1, д. 8, л. 1—14 об. (на франц. яз.); *Невелев Г. А.* Путешествие в Сибирь. Письмо А. В. Розен.— Сибирь и декабристы, вып. 3. Иркутск, 1983, с. 220—241.

[210] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 390.

[211] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 19, 317.

[212] *Якубович Д. П.* «Дневник» Пушкина.— Пушкин, 1834 год. Л., 1934, с. 29.

[213] *Казанский Б. В.* Дневник Пушкина (По поводу интерпретации Д. П. Якубовича).— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 1. М.— Л., 1936, с. 278.

[214] Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа.— Русская старина, 1899, № 7, с. 29.

[215] Русский архив, 1905, № 4, с. 694. Эти свидетельства очевидцев в копии сохранились в архиве Н. К. Шильдера (ГПБ, ф. 859, карт. 3, д. 6).

[216] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 390.

ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТИНЫ.
Графические документальные записи (с. 62—124)

[1] *Плетнев П. А.* Соч. и переписка, т. 1. СПб., с. 366.

[2] *Алексеев М. П.* Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 6.

[3] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., т. XII. М., 1952, с. 406—407 (из письма к С. Т. Аксакову от 22 декабря 1844 г.).

[4] *Лернер Н. О.* Памяти Пушкина.— Былое, 1924, № 25, с. 3—8; *Беляев М. Д.* Рисунки Пушкина, их изучение и роль в пушкиноведении. Дисс. М., 1946, с. 316; *Ланда С. С.* Кюхельбекер и Рылеев 14 декабря 1825 года.— Пушкинский праздник, 1972, 31 мая — 7 июня, с. 10; *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина.— Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 198—199; *ее же.* Рисунки Пушкина. Изд. 2-е. М., 1980, с. 293—295. А. М. Эфрос, познакомившийся с рисунком «Кюхельбекер, Рылеев. 14 декабря 1825» по публикации Н. О. Лернера, считал авторство Пушкина «более нежели сомнительным» (*Эфрос А. М.* Рисунки поэта. М., 1930, с. 320).

[5] Восстание декабристов. Материалы, т. II. М.— Л., 1926, с. 242.

[6] Восстание декабристов. Материалы, т. I. М.— Л., 1925, с. 438, 462.

[7] Неопубликованные воспоминания об А. А. Бестужеве-Марлинском.— Вопросы литературы, 1976, № 2, с. 213.

[8] *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907, с. 67; *Бестужев М. А.* Рассказы [в записи М. И. Семевского].— Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, с. 391.

[9] Восстание декабристов, т. I, с. 377.

[10] *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 200.

[11] *Ланда С. С.* Кюхельбекер и Рылеев 14 декабря 1825 года, с. 10.

[12] *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов..., с. 198.

[13] *Нечкина М. В.* О нас в истории страницы напишут... Из истории декабристов. Иркутск, 1982, с. 96—97.

[14] *Орлов В. Н.* В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке (Новые материалы).— Декабристы и их время. М.— Л., 1951, с. 31—32; *Рахматуллин М. А.* Рядом с декабристами.— История СССР, 1979, № 1, с. 182—184.

[15] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 307.

[16] Переписка А. С. Пушкина, т. 2. М., 1982, с. 241.

[17] *Дрезен А. К.* Казнь моряков-декабристов.— Красный архив, 1925, т. 13(6), с. 292—297; *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов.— Там же, 1926, т. 4(17), с. 174—181; *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. 2. Изд. 2-е. М., 1951, с. 149—156; *Нечкина М. В.* Движение декабристов, т. II. М., 1955, с. 409—411; *Эйдельман Н. Я.* Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975, с. 329—391.

[18] *Котляревский Н. А.* Рылеев. СПб., 1908, с. 191.

[19] Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, с. 779—780.

[20] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 836, л. 38 (по жандармской пагинации) или л. 37 (по архивной).

[21] *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов..., с. 206.

[22] *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг.— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 95.

[23] *Измайлов Н. В.* Вновь найденный автограф Пушкина — записка «О народном воспитании».— Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967, с. 9.

[24] *Городецкий Б. П.* Пушкин после восстания декабристов (Загадочная запись Пушкина 1826 г.).— Проблемы современной филологии. М., 1965, с. 366.

[25] *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве.— Русская старина, 1884, № 6, с. 550.

[26] *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 6-ти тт., т. II. СПб., 1908, с. 527.

[27] *Венгеров А. С.* По поводу рисунка Пушкина на листе 38 тетради № 2368.— Там же, с. 529.

[28] Там же, с. 530.

[29] *Боцяновский В. Ф.* Пушкин и декабристы.— Вестник литературы, 1921, № 2(26), с. 8—9.

[30] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 188.

[31] *Лернер Н. О.* Пушкин о казненных декабристах.— Книга и революция, 1921, № 1(13), с. 80—81.

[32] *Благой Д. Д.* Социология творчества Пушкина. Изд. 2-е. М., 1931, с. 287; *его же.* Душа в заветной лире. Очерки жизни и творчества Пушкина. Изд. 2-е. М., 1979, с. 380.

[33] Об этой версии см.: *Нечкина М. В.* О Пушкине, декабристах и их общих друзьях (По неисследованным архивным материалам).— Каторга и ссылка, 1930, № 4, с. 20—24 (ср.: *Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982, с. 58—63); *Гессен С. Я.* Пушкин накануне декабрьских событий 1825 года.— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.— Л., 1936, с. 361—384; *Шебунин А. Н.* Пушкин и декабристы. Обзор литературы за 1917—1936 гг.— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 3. М.— Л., 1936, с. 461; *Нечкина М. В.* Пушкин и декабристы.— Историк-марксист, 1937, № 1, с. 41; *Вацуро В. Э.* Пушкин и деятельность тайных обществ.— Пушкин. Итоги и проблемы изу-

чения. М.— Л., 1966, с. 175—177; *его же*. Пушкин в сознании современников.— А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1974, с. 16—17; *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М., 1979, с. 281—283.

[34] *Эфрос А. М.* Декабристы в рисунках Пушкина.— Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 935. Ср.: *Гессен С. Я.* Пушкин накануне декабрьских событий 1825 года, с. 366—371; *Нечкина М. В.* Пушкин и декабристы, с. 41.

[35] *Эфрос А. М.* Рисунки поэта. М.— Л., 1933, с. 360.

[36] Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.— Л., 1935, с. 159, 160.

[37] *Томашевский Б. В.* Из пушкинских рукописей.— Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 317.

[38] *Гессен С. Я.* Рецензия на кн. «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты».— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2, с. 423—424. Ср.: *Шебунин А. Н.* Пушкин и декабристы, с. 457.

[39] *Крестова Л. В.* Пушкин и декабристы.— Временник Пушкинской комиссии. 1962. Л., 1963, с. 46, 48.

[40] *Городецкий Б. П.* Пушкин после восстания декабристов, с. 369—370, 371.

[41] *Цявловская Т. Г.* Невоплощенный замысел Пушкина.— Литературная газета, 1972, 15 марта, № 11, с. 7; *ее же.* Отклики на судьбы декабристов..., с. 203, 211—212.

[42] *Домбровский Ю. О.* «И я бы мог...» Заметки и размышления писателя.— Новый мир, 1975, № 12, с. 208, 214.

[43] *Лотман Л. М.* «И я бы мог, как шут...»— Временник Пушкинской комиссии. 1978. Л., 1981, с. 48, 55.

[44] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 1733; *Цявловская Т. Г.* Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта.— Временник Пушкинской комиссии. 1963. Л., 1966, с. 5—30.

[45] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 833, л. 78; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 1055.

[46] *Кашлякова Е. А.* Судьба архива С. П. Трубецкого.— Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981, с. 107.

[47] *Эфрос А. М.* Декабристы в рисунках Пушкина, с. 923; *его же.* Автопортреты Пушкина. М., 1945, с. 14; *его же.* Рисунки поэта, с. 358—359; *его же.* Казнь декабристов в рисунках Пушкина.— Литературная газета, 1930, 15 июля, № 29 (66), с. 2.

[48] *Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов..., с. 202—206; см. также: *Чижова И. Б.* После декабря...— Советская Россия, 1982, 24 октября, № 246 (7997), с. 4.

[49] *Эфрос А. М.* Автопортреты Пушкина, с. 15—16.

[50] *Эфрос А. М.* Рисунки поэта, с. 358.

[51] По мнению Р. В. Иезуитовой, записи на 38-м листе сделаны разными чернилами и в два «приема» (*Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг., с. 96). Заметим, однако, что количество типов чернил, обнаруженных Р. В. Иезуитовой на этом листе, может и не соответствовать числу «приемов» в его заполнении и уж никак не определяет последовательности появления на нем записей и рисунков. Единственный вывод, который следует из наблюдения Р. В. Иезуитовой,— это тот, что верхний рисунок виселицы появился на листе позднее строки «И я бы мог, как шут...» и портретов С. П. Трубецкого и В. Л. Пушкина. Это обстоятельство впервые было отмечено Т. Г. Цявловской и учтено в предложенной ею реконструкции заполнения 38-го листа (*Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов..., с. 202—206).

[52] *Крестова Л. В.* Пушкин и декабристы, с. 46; *Петров А. Г.* Штрихи ложились на бумагу...— Пушкинский праздник, 1969, 30 мая — 6 июня, с. 18; *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина, с. 182; *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина, с. 93—94.

[53] ГИМ, ф. 457, д. 6, л. 12—13; *Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la

Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825, t. II. Paris, 1847, p. 305—308. В примечании к своему рассказу И.-Г. Шницлер отметил: «...это — свидетельство очевидца, который отвечает за точность всех сообщаемых подробностей» (Ibid., p. 306).

[54] Казнь декабристов. Рассказы современников. И.-Г. Шницлер (в дальнейшем — Рассказ И.-Г. Шницлера).— Русский архив, 1881, № 2, с. 342; там же. Н. В. Путята (в дальнейшем — Рассказ Н. В. Путяты), с. 342.

[55] *Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la Russie..., t. II, p. 306; Рассказ И.-Г. Шницлера, с. 341. Неточность перевода ввела в заблуждение многих исследователей. М. Н. Гернет, основываясь на журнальной публикации свидетельства И.-Г. Шницлера, писал: «Виселица устраивалась у крепостного вала близ церкви Троицы на берегу Невы» (*Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. 2, с. 149). П. Я. Канн предположил, что казнь пяти декабристов «состоялась вблизи Троицкой площади...» (*Канн П. Я.* Петропавловская крепость. Л., 1957, с. 122). И. М. Белобородов пришел к выводу, что смертная казнь происходила на плацу кронверка (*Белобородов И. М.* Кронверк — место казни декабристов. Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Сб. № 3. Л., 1958, с. 422). Неисправный русский перевод рассказа И.-Г. Шницлера и поныне пользуется авторитетом достоверного источника (см. Писатели-декабристы в воспоминаниях современников, т. 1. М., 1980, с. 267—268, 433).

[56] *Герасимова Ю. И.* Восстание 14 декабря 1825 г. и современники (По записным книжкам А. И. Сулакадзева).— Исторические записки, т. 96. М., 1975, с. 87.

[57] *Шкапская М. М.* Семинарист о событиях 14 декабря.— Былое, 1925, № 5, с. 75—78.

[58] *Герасимова Ю. И.* Восстание 14 декабря 1825 г. и современники, с. 88.

[59] *Невелев Г. А.* Запретная рукопись о 14-м декабря (в дальнейшем — Рассказ Н. С. Щукина).— Дружба народов, 1975, № 12, с. 279. О воспоминаниях Н. С. Щукина, в 1825—1826 гг. коллежского секретаря, помощника столоначальника департамента исполнительной полиции, впоследствии писателя, см.: *Постнов Ю. С.* Н. С. Щукин и его очерк «Александр Бестужев в Якутске».— Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер. общ. наук, 1975, вып. 3, № 11, с. 116—123; Неопубликованные воспоминания об А. А. Бестужеве-Марлинском, с. 207—217.

[60] Рассказ Н. В. Путяты, с. 343; К истории 14 декабря 1825 года (Из воспоминаний петербургского старожила) (в дальнейшем — Рассказ «помощника квартального надзирателя» *).— Исторический вестник, 1904, № 1, с. 86 (мемуарист — «петербургский старожил», в качестве помощника квартального надзирателя принимавший участие в казни декабристов. Редактор «Русского слова» Н. А. Благовещенский, посещая одного из своих знакомых в «долговом отделении», заинтересовался «добрым и разговорчивым стариком» и записал его рассказ «почти дословно», дав ему вымышленное имя «Шипов».— Там же, с. 69); *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906, с. 247; *Пржецлавский О. А.* Воспоминания.— Русская старина, 1874, № 11, с. 681.

[61] К истории восстания 14 декабря 1825 г. (Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново) (в дальнейшем — Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново).— Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. III. М., 1939, с. 21.

[62] Рассказ Н. В. Путяты, с. 343.

[63] *Пржецлавский О. А.* Воспоминания, с. 681; Рассказ Н. В. Путяты, с. 343; Казнь декабристов. Рассказы современников. Н. А. Рамазанов. Примечания [к рассказу В. И. Беркопфа].— Русский архив, 1881, № 2, с. 346. Рассказ бывшего начальника кронверка В. И. Беркопфа Н. А. Рамазанов услышал и записал на вечере у скульптора П. К. Клодта в конце 1850-х гг. (Казнь декабристов. Рассказы современников. В. И. Беркопф (в дальней-

* Впервые рассказ опубликован в «Вестнике Народной Воли» (1886, № 5, с. 15—38).

шем — Рассказ В. И. Беркопфа).— Там же, с. 344—346; ГИМ, ф. 457, д. 32, л. 7—8 об.). 9 июля 1866 г. Н. А. Рамазанов составил к свидетельству В. И. Беркопфа «Примечания», имеющие значение самостоятельного документального источника.

[64] *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907, с. 99; *Трубецкой С. П.* Записки. СПб., 1906, с. 76; *Лорер Н. И.* Записки декабриста. М., 1931, с. 114; *Бестужев М. А.* Казнь Рылеева.— Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, с. 391; *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 247; *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине (Из записок декабриста).— Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 1. М., 1931, с. 263. И. Д. Якушкин утверждал даже, что «вообще перед крепостью не было народа» (*Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 81).

[65] *Муравьев А. М.* Мой журнал (Mon journal).— Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 1, с. 131; *Пржецлавский О. А.* Воспоминания, с. 681—682.

[66] Из дневников имп. Марии Федоровны.— Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.— Л., 1926, с. 102; Journal de Paris, 1826, 11 août, N 223, p. 4; Quotidiènne, 1826, 11 août, N 223, p. 2; Moniteur universel, 1826, 12 août, N 224, p. 1171.

[67] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 346.

[68] Рассказ Н. В. Путяты, с. 344; ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. архив, оп. 1, д. 6, л. 1—2; *Бучина Л. И.* Записки А. Я. Булгакова (1825—1826 гг.) как источник по истории восстания декабристов (в дальнейшем — Записки А. Я. Булгакова).— Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов. Л., 1979, с. 74.

[69] ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. архив, оп. 1, д. 6, л. 1.

[70] *Толстой В. С.* Воспоминания.— Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с. 43.

[71] *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 263, 279.

[72] Moniteur universel, 1826, 18 septembre, N 261, p. 1319.

[73] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 81.

[74] *Пыпин А. Н.* Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, с. 182.

[75] *Custine A. de.* La Russie en 1839. 2 éd. T. III. Bruxelles, 1844, p. 36—37; *Cadot M.* L'image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839—1856). Paris, 1967, p. 225. Информатором А. де Кюстина мог быть, впрочем, также и упомянутый выше К.-А. Воше, библиотекарь и секретарь отца Е. И. Трубецкой, высланный из России в декабре 1826 г. Вернувшись во Францию, К.-А. Воше, по свидетельству Н. И. Тургенева, доставил, в частности, «некоторые сведения о положении ссыльных» (*Тургенев Н. И.* Россия и русские, т. I. М., 1915, с. 151).

[76] *Тарасюк Л. И.* Огюстен Гризье, преподаватель фехтования Пушкина.— Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, с. 103—109.

[77] *Dumas A.* Le maître d'armes, ou dix-huit mois a Saint-Pétersbourg, vol. I—III. Paris, 1840—1841. В России роман был запрещен и впервые издан на русском языке только в 1925 г. со значительными сокращениями, в том числе и текста главы, посвященной казни декабристов (*Дюма А.* Учитель фехтования. Исторический роман из времен декабристов. Л., 1925). То, что О. Гризье был в это время в Петербурге и, следовательно, мог быть очевидцем казни, подтверждается, в частности, свидетельством П. Е. Анненковой (*Анненкова П. Е.* Воспоминания. Изд. 3-е. Красноярск, 1977, с. 95).

[78] *Dumas A.* Le maître d'armes, vol. III, p. 58—59. По словам одного из учеников О. Гризье, А. Дюма писал роман «Учитель фехтования» «под диктовку» их учителя (*Тарасюк Л. И.* Огюстен Гризье, с. 105). Рассказ О. Гризье о казни в пересказе А. Дюма хотя и является по своему происхождению свидетельством очевидца и содержит ряд интересных подробностей, но подвергся столь значительной обработке и беллетризации, что практически утратил значение исторического источника (Опыт критического

анализа этого текста см.: *Дурылин С. Н.* Александр Дюма-отец и Россия.— Литературное наследие, т. 31—32. М., 1937, с. 514). Любопытно, что позднее в своих записках «Впечатления путешествия в Россию» А. Дюма уже не воспользовался рассказом О. Гризье и в очерке о декабристах целиком поместил (без указания авторства, естественно) свидетельство И.-Г. Шницлера (*Dumas A.* Impressions de voyage en Russie. T. V. Paris, 1859, p. 32—36; *Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la Russie..., t. 11, p. 305—308). Это заимствование осталось незамеченным, и рассказ о казни декабристов из «Впечатлений путешествия в Россию» А. Дюма рассматривается как оригинальный источник (*Дюма А.* Мученики.— Неделя, 1975, 22—28 декабря, № 52 (824), с. 8—9). Так же как и А. Дюма, свидетельство И.-Г. Шницлера заимствовали писавшие о казни декабристов В.-И. Линтон и Ж. Мишле (*Linton W.-J.* Pestel and Russian Republicans.— Антология чартистской литературы. М., 1956, с. 369; *Michlet J.* Légendes démocratiques du Nord. Paris, 1854, p. 228—229).

[79] Рассказ Н. В. Путяты, с. 344; *Тарасюк Л. И.* Огюстен Гризье, с. 106—107.

[80] Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902, с. 96; приложение, с. 7—24; *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1903, с. 401.

[81] *Raeff M.* American view of the Decembrist Revolt.— The Journal of Modern History, 1953, vol. XXV, N 3, p. 286—293; *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения 1815—1832 гг. М., 1975, с. 515—521. Рассказ Д. Ингерсона, как это явствует из пометы Д. Сэвейджа на конверте полученного письма, предлагался в печать (Отдел рукописей Библиотеки конгресса США, архив семьи Хейл) *.

[82] *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба..., с. 179—180. См. также чертеж-схему расположения войск при исполнении приговора, составленную И. И. Дибичем в процессе разработки ритуала казни (ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 468, л. 127 об.).

[83] *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба..., с. 179—180. При выяснении возможных свидетелей казни следует также иметь в виду, что на внутренней территории кронверка находились кордегардия, «артиллерийский парк с магазейнами», артиллерийские казармы инженерного ведомства, гауптвахта и караульный дом, а в блиндажах земляного вала размещался военный гарнизон кронверка (*Белобородов И. М.* Кронверк — место казни декабристов, с. 421—422).

[84] *Свиньин П. П.* Историческое описание священнейшего коронования императора Николая Павловича.— Отечественные записки, 1827, август, № 88, с. 174; сентябрь, № 89, с. 375—379; Русский инвалид, 1826, 10 августа, № 191, с. 776—778.

[85] *Ancelot J.-F.* Six mois en Russie. Lettres écrites a M. X.-B. Saintines, en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. L'empereur, 2 éd. Paris, 1827, p. 410—411. Рассказ Ж.-Ф. Ансело явился источником для описания казни и рисунка в кн.: *Galli H.* Français et Russes (De Talsit à Chalons), t. II. Paris, 1897, p. 961, 967.

[86] *Эйдельман Н. Я.* Пушкин и декабристы, с. 402.

[87] *Кюстин А. де.* Николаевская Россия. М., 1930, с. 111—113.

[88] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 279.

[89] Северная пчела, 1826, 15 мая, № 58, с. 1; 20 мая, № 60, с. 4.

[90] *Ancelot J.-F.* Six mois en Russie, p. 48.

[91] *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910, с. 139; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 54. По мнению Б. С. Мейлаха, «смысл заметки заключался прежде всего в том, чтобы привлечь внимание читателей к этой запрещенной в России книге» (*Мейлах Б. С.* Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975, с. 67). Книга

---

* Приношу глубокую благодарность Д. Брауну, обнаружившему и любезно предоставившему в наше распоряжение этот архивный документ.— *Г. Н.*

Ж.-Ф. Ансело была известна и П. А. Вяземскому, поместившему рецензию на нее в «Московском телеграфе» (1827, часть 15, отд. 1, с. 232).

[92] Из писем А. Я. Булгакова к его брату.— Русский архив, 1901, № 7, с. 405.

[93] *Цявловский М. А.* Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1. М., 1951, с. 207, 222 и др.; Из писем А. Я. Булгакова к его брату. Примеч. [П. И. Бартенева].— Русский архив, 1901, № 1, с. 46; Записки А. Я. Булгакова, с. 59—69, 74.

[94] ГПБ, ОЛДП, F 506, л. 75 об.— 77; см. также: Остафьевский архив кн. Вяземских, т. V. СПб., 1913, вып. 2, с. 10, 13, 22; Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, т. 1. Пг., 1921, с. 30—32, 35. О возможных встречах Пушкина в Москве осенью 1826 года с вюртембергским посланником Х. Л. Гогенлоэ см.: *Глассе А.* Пушкин и Гогенлоэ (по материалам Штутгартского архива).— Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982, с. 360—363. Об общении Пушкина с М. И. Римской-Корсаковой и ее детьми осенью 1826 г. см.: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 348—349.

[95] Рассказ Н. В. Путяты, с. 344.

[96] ГПБ, ОЛДП, F 506, с. 76 об.

[97] Записки А. Я. Булгакова, с. 73—74.

[98] ГПБ, ф. 859, карт. 3, д. 6, л. 3—4, 11 об.— 12 (в копии Н. К. Шильдера). Подлинник «Записок» А. Х. Бенкендорфа см.: ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, кн. 3, д. 1353.

[99] *Толстой В. С.* Воспоминания, с. 43; Рассказ Н. С. Щукина, с. 279.

[100] Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 75—76.

[101] *Лернер Н. О.* Таинственные щепочки (Из истории отношений Пушкина к декабристам).— Каторга и ссылка, 1931, № 6, с. 179—181; *Февчук Л. П.* Личные вещи А. С. Пушкина. Л., 1970, с. 74.

[102] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 262.

[103] *Пржецлавский О. А.* Воспоминания, с. 682.

[104] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 83.

[105] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 83.

[106] Санкт-Петербургские ведомости, 1826, 16 июля, № 57, с. 672. Это подтверждает и В. И. Штейнгель: «Утро было мрачное, туманное» (*Штейнгель В. И.* Записки.— Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I. СПб., 1905, с. 460).

[107] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345.

[108] *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. М., 1963, с. 106.

[109] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345.

[110] Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново, с. 21; *Dumas A.* Le maître d'armes, vol. III, p. 58—59; *Atkinson T. W.* Recollections of Tartar Steppes and their inhabitants. London, 1863, p. 24—25 (запись рассказа М. И. Муравьева-Апостола от 23 марта 1848 г.).

[111] *Ancelot J.-F.* Six mois en Russie, 2 éd., p. 410—411.

[112] *Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la Russie..., t. 11, p. 306.

[113] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 344—345. Ср.: *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина, т. 1. М., 1937, с. 195.

[114] *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 261—262.

[115] *Бестужев Н. А.* Воспоминание о Рылееве.— Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, с. 40; *Лунин М. С.* Сочинения и письма. Пг., 1923, с. 65.

[116] Из дневников имп. Марии Федоровны, с. 102.

[117] Казнь 14 июля 1825 года (Со слов присутствовавшего по службе при казни) (в дальнейшем — Рассказ «присутствовавшего... при казни») [в названии — хронологическая ошибка.— *Г. Н.*— Полярная Звезда, 1861, кн. VI, с. 72. Происхождение этого источника и его автор неизвестны, так же как и «тайный корреспондент», доставивший эти воспоминания в «Полярную Звезду» (Полярная Звезда. Факсимильное издание, кн. IX. М., 1969, с. 124).

[118] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 81.

[119] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 85.

[120] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 72, 75; Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345—346; Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 80—81.

[121] Казнь декабристов [извлечение из частного письма от 16 июля 1826 г.]. — Древняя и новая Россия, 1880, № 3, с. 623. По версии очевидца, повешенные «оборвались вниз по случаю обрушившейся верхней перекладины, к коей прикреплены были веревки» (там же, с. 624).

[122] Рассказ Н. С. Щукина, с. 279.

[123] *Герцен А. И.* Собр. соч., т. VIII. М., 1956, с. 61.

[124] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. М.— Л., 1926, с. 121.

[125] Moniteur universel, 1826, 18 septembre, N 261, p. 1319; *Трубецкой С. П.* Записки, с. 43—44, 76, 95; *Семенова А. В.* Николай I и П. И. Пестель (Письмо В. И. Пестеля о разговоре с Николаем I).— Исторические записки, т. 96. М., 1975, с. 374—375.

[126] Остафьевский архив кн. Вяземских, т. V, вып. 2. СПб., 1913, с. 52.

[127] *Кошелев А. И.* Записки. Berlin, 1884, с. 18. Приведем также записанный М. П. Погодиным рассказ Е. Ф. Муравьевой: «С. И. Муравьев-Апостол, служивший в гвардии, зашел однажды, во время занятия Парижа нашими войсками, к знаменитой предсказательнице Ленорман. Обратясь к С. И. Муравьеву, она сказала: «Вы будете повешены». «Верно, вы считаете меня за англичанина,— заметил ей Муравьев,— я — русский, у нас отменена смертная казнь» (*Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873, с. 179—180). Этот эпизод связывается также с именем К. Ф. Рылеева (*Тимирязев Ф. И.* Страницы прошлого.— Русский архив, 1884, № 1, с. 172).

[128] ГПБ, ОЛДП, F 506, л. 69.

[129] Письма В. А. Олениной к П. И. Бартеневу.— Летописи Государственного Литературного музея. М., 1938, кн. 3, с. 485—486.

[130] *Трубецкой С. П.* Записки, с. 95.

[131] *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 247. Ср.: *Бестужев Н. А.* Воспоминание о Рылееве, с. 39.

[132] *Трубецкой С. П.* Записки, с. 71.

[133] *Анненкова П. Е.* Воспоминания, с. 86.

[134] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 80, 81. Рассказ Якушкина подтверждает С. П. Трубецкой: «Вдруг входит священник, я к нему подошел, он меня отвел к окошку. ...Он сказал: «Не пугайтесь того, что я вам скажу. Они будут приговорены к смертной казни и даже их поведут, но они будут помилованы. Я хотел вас предупредить». Меня обступили, хотели знать, что сказал ушедший священник» (*Трубецкой С. П.* Записки, с. 73). Вечером того же дня П. Н. Мысловский зашел в камеру Е. П. Оболенского. Из слов священника Оболенский «понял, что испытание будет, но что оно кончится помилованием» (*Оболенский Е. П.* Воспоминания.— Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. 1. СПб., 1905, с. 251).

[135] *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 261; *Трубецкой С. П.* Записки, с. 76.

[136] *Оболенский Д. Д.* По поводу казней декабристов.— Наша старина, 1917, № 2, с. 34.

[137] ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. архив, оп. 1, д. 6, л. 1—2.

[138] Journal de Paris, 1826, 11 août, N 223, p. 4.

[139] *Custine A. de.* La Russie en 1839, t. III, p. 36—37.

[140] Мемуары для истории оппозиции в России (Из дневника С. Ф. Уварова).— Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 36. М., 1975, с. 147.

[141] Остафьевский архив кн. Вяземских, т. V, вып. 2, с. 54—55; Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 80, 85.

[142] *Рамазанов Н. А.* Примечания, с. 346.

[143] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 72.

[144] *Пржецлавский О. А.* Воспоминания, с. 481; *Басаргин Н. В.* Записки. Пг., 1917, с. 78; *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 247; *Муравь-*

ев А. М. Мой журнал, с. 131; *Трубецкой С. П.* Записки, с. 76; *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 261; *Руликовский И.-К.-И.* Восстание Черниговского полка.— Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 2. М., 1933, с. 421.

145 *Эфрос А. М.* Рисунки поэта, с. 360.

146 Свидетельство неизвестного «самовидца» о том, что «преступники на досуге, сорвав травки, бросали жребий, кому за кем идти на казнь, и досталось первому Пестелю, за ним Муравьеву, Бестужеву-Рюмину, Рылееву и Каховскому» (Рассказ самовидца о казни, совершенной в Петербурге 1826 года 13 июля (в дальнейшем — Рассказ самовидца).— Красная нива, 1925, № 53, с. 1258), следует признать вымыслом.

147 Выписка из «Протокола Верховного уголовного суда от 11 июля 1826 года» была отпечатана также в типографии отдельным листком (ЦГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 4580, л. 39). Дата издания неизвестна, но, очевидно, не ранее 13 июля 1826 г., т. е. после казни.

148 ГИМ, ф. 18, д. 97, л. 5—5об., франц.

149 *Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la Russie..., t. 11, p. 306.

150 *Бестужев М. А.* Казнь Рылеева, с. 337.

151 *Лорер Н. И.* Записки декабриста, с. 115.

152 *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 83.

153 Рассказ «присутствовавшего... при казне», с. 74—75.

154 Из дневников имп. Марии Федоровны, с. 102.

155 Вопросы, заданные Н. А. Благовещенским рассказчику, «помощнику квартального надзирателя», обнаруживают его знакомство со свидетельством «присутствовавшего по службе при казни», впервые опубликованным в 1861 г. в «Полярной Звезде» (кн. VI, с. 72—75) и перепечатанным в том же году Н. В. Гербелем в Полном собрании сочинений К. Ф. Рылеева (Лейпциг, 1861, с. 85—86).

156 Восстание декабристов. Документы, т. XVII. М., 1980, с. 252; Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново, с. 21. См. также: *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория).— Литературное наследие декабристов. Л., 1975, с. 66—69.

157 Остафьевский архив кн. Вяземских, т. V, вып. 2, с. 54.

158 *Эфрос А. М.* Автопортреты Пушкина, с. 20.

159 *Эфрос А. М.* Декабристы в рисунках Пушкина, с. 928—931; *его же.* Рисунки.— Летописи Государственного Литературного музея, кн. 1. М., 1936, с. 367; *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина, с. 127, 172—173, 293.

160 *Удодов Б. Т.* К. Ф. Рылеев в Воронежском крае. Воронеж, 1971, с. 47, 88; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 359—360; *Цявловский М. А.* Летопись, с. 209.

161 *Эфрос А. М.* Рисунки, с. 367—368; *Цявловская Т. Г.* Новые определения портретов в рисунках Пушкина. Пестель.— Пушкин и его время, вып. 1. Л., 1962, с. 344—355; *ее же.* Рисунки Пушкина, с. 154—160, 285; *Мейлах Б. С.* «Только революционная голова...» Неизученный замысел Пушкина.— Литературная газета, 1979, 14 февраля, № 7.

162 *Цявловский М. А.* Летопись, с. 291, 298—299, 761; *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 308.

163 ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 1733; *Цявловская Т. Г.* Новые автографы Пушкина, с. 25.

164 *Принцева Г. А.* Николай Иванович Уткин. 1780—1863. Л., 1983, с. 52, 186; Русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX века из музеев РСФСР. М., 1983, ил. № 137.

165 Восстание декабристов. Документы, т. IX. М., 1950, с. 119; *Цявловский М. А.* Летопись, с. 696.

166 Восстание декабристов, т. IX, с. 119. В записках В. И. Анненковой, дочери киевского губернатора И. Я. Бухарина, найденных И. Л. Андрониковым, рассказывается о встречах с Пушкиным в доме ее родителей в середине мая 1820 — январе — феврале 1821 г. И. Л. Андроников обратил внимание на то, что «среди тех, кто посещал салон ее родителей, Анненкова выделила

(вероятно, видела их чаще других!)... С. Муравьева-Апостола и его «неотступного приятеля» М. Бестужева-Рюмина» (*Андроников И. Л.* Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964, с. 162—163). Указывая, что в конце января — начале февраля 1821 г. Пушкин был в Киеве «на контрактах» (*Цявловский М. А.* Летопись, с. 275—277), Андроников пишет: «Новых знакомств Пушкина с декабристами записки Анненковой не устанавливают, но позволяют думать теперь, что поэт встречал их и в Киеве — в губернском доме» (*Андроников И. Л.* Лермонтов, с. 164).

Предположение Андроникова о том, что Пушкин встречался в конце января — начале февраля 1821 г. в Киеве в доме И. Я. Бухарина с С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым, по расформировании л.-гв. Семеновского полка получившим назначение в Полтавский полк (М. П. Бестужев-Рюмин уехал из Петербурга в Полтаву 29 декабря 1820 г.; в это же время, очевидно, покинул столицу и С. И. Муравьев-Апостол), противоречит следственному показанию М. П. Бестужева-Рюмина (Восстание декабристов, т. IX, с. 119) и остается недоказанным. Сообщение Л. А. Черейского о том, что, «по свидетельству В. И. Анненковой», Пушкин общался с С. И. Муравьевым-Апостолом «в Белой Церкви (середина мая 1820 — янв.-февр. 1821)» (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 258), следует признать неверным. Записки В. И. Анненковой свидетельств об этом не содержат, а встречи Пушкина с С. И. Муравьевым-Апостолом в Белой Церкви являются лишь предположением исследователя.

167 Предложенное С. Я. Гессеном (*Цявловская Т. Г.* Новые определения портретов, с. 345) и поддержанное Л. Б. Модзалевским и Б. В. Томашевским (Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. М.— Л., 1937, с. 283) определение мужских профилей в рисунках Пушкина как портретов С. И. Муравьева-Апостола по «полицейской графике» (зарисовке декабриста, сделанной в Следственной комиссии) приходится признать ошибочным. Эти контурные зарисовки С. И. Муравьева-Апостола, К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, М. П. Бестужева-Рюмина, С. П. Трубецкого, Е. П. Оболенского и А. П. Юшневского хранятся в собраниях Эрмитажа и Всесоюзного музея А. С. Пушкина. Их авторство раскрывается свидетельствами С. П. Трубецкого («Адлерберг... рисовал на бумаге, перед ним лежащей, и, как мне многие сказывали, это было вообще его занятие во время допросов») и В. С. Толстого («Полковник В. Адлерберг... рисовал наши портреты и карикатуры карандашом») (*Трубецкой С. П.* Записки, с. 53; *Толстой В. С.* Воспоминания, с. 39).

Сомнение в портретном сходстве карандашных зарисовок флигель-адъютанта В. Ф. Адлерберга, присутствовавшего на заседаниях Следственной комиссии, впервые высказал А. М. Эфрос, определивший, в частности, К. Ф. Рылеева в карандашном рисунке с обозначением «Каховский. Поруч[ик]» (*Эфрос А. М.* Декабристы в рисунках Пушкина, с. 928). Атрибуция А. М. Эфроса, к сожалению, забыта и не учитывается в современной литературе (ср.: *Принцева Г. А.* Декабристы в изобразительном искусстве. Из собрания Эрмитажа. Изд. 2-е. Л., 1975, с. 42—44). Во время допросов рисовал декабристов также чиновник канцелярии Следственной комиссии А. А. Ивановский. Его портретные рисунки С. И. Муравьева-Апостола, С. П. Трубецкого, Д. И. Завалишина, А. З. Муравьева, В. Л. Давыдова, А. Ф. Бриггена (ИРЛИ, д. 9294) почти столь же непрофессиональны, как и зарисовки В. Ф. Адлерберга, но отличаются от последних техникой, более тщательной отделкой с наложением теней, штриховкой. Ивановский не раз возвращался к своим рисункам, подправлял их, делал повторную прорисовку пером. В научной литературе рисунки В. Ф. Адлерберга и А. А. Ивановского рассматриваются как произведения одного автора (чаще авторство приписывается А. А. Ивановскому).

168 Предположение о принадлежности Пушкину серии мужских портретов (среди которых определяется и П. Г. Каховский), выполненных на двух смежных листах альбома Е. Н. Ушаковой (*Плаксин С.* Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декб. 825 года...— Литературная газета, 1983, 1 июня, № 22 (4932), с. 5), не подтверждается графическим анализом рисунков —

характера линии, метода штриховки, композиция, «формулы» лица (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 1723, л. 96, 96 об., негативы № 9501, 9502).

Исследователь ограничился определением портретного сходства выявленных рисунков, указанием на приятельские отношения Пушкина с владелицей альбома и наличие в нем других рисунков поэта. Но эти сведения недостаточны для решения вопроса об авторстве данных рисунков (ср. портрет П. Г. Каховского в альбоме приятельницы поэта С. Д. Пономаревой: *Барановская М. Ю.* Летучие листки альбома...— Пушкинский праздник, 1977, 2—8 июня, с. 10—11). Предположительное определение М. Д. Беляевым и Т. Г. Цявловской (*Цявловский М. А.* Летопись, с. 169) одного из мужских профилей в лицейской тетради Пушкина (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 829, л. 53) как портрета П. Г. Каховского неубедительно.

[169] Восстание декабристов, т. IX, с. 119; *Модзалевский Б. Л.* Роман декабриста Каховского. Л., 1926, с. 52; *Цявловский М. А.* Летопись, с. 203, 510, 750.

[170] Рассказ И.-Г. Шницлера, с. 342.

[171] Рассказ самовидца, с. 1258.

[172] Из дневника флигель-адъютанта Н. Д. Дурново, с. 21.

[173] Рассказ Н. С. Щукина, с. 279.

[174] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 74; Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 85.

[175] Восстание декабристов, т. XVII, с. 252.

[176] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 74.

[177] ЦГИА ВМФ, ф. 3, оп. 34, д. 2836, 3048.

[178] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 81.

[179] *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба..., с. 177.

[180] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 85.

[181] *Лорер Н. И.* Записки декабриста, с. 115.

[182] Записки А. Я. Булгакова, с. 73.

[183] ГПБ, ф. 859, карт. 3, д. 6, л. 11 об.— 12.

[184] Из дневников имп. Марии Федоровны, с. 102.

[185] *Бестужев М. А.* Казнь Рылеева, с. 337.

[186] Там же, с. 337—338.

[187] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 74—75.

[188] *Горбачевский И. И.* Записки. Письма, с. 167.

[189] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 83. А. П. Волконская в письме от 13 июля 1826 г., сообщая о трагических подробностях казни, подтверждает свидетельство И. Д. Якушкина: «Сергей Муравьев жестоко разбился от падения с виселицы» (ГИМ, ф. 18, д. 97, л. 6—6 об., франц.).

[190] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 85.

[191] Казнь декабристов [извлечение из частного письма], с. 624.

[192] *Гиллельсон М. И.* По следам воспоминаний о К. Ф. Рылееве, с. 153.

[193] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 468, л. 126. Ср.: К истории казни декабристов 1826 года.— Русская старина, 1882, № 7, с. 215.

[194] [Романов] Николай Михайлович. Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 года и император Николай I.— Исторический вестник, 1916, № 7, с. 109.

[195] По предположению Б. Е. Сыроечковского, «стоял где-нибудь поблизости от виселицы» также и «самовидец» (Рассказ самовидца, с. 1256). Однако ряд фактических неточностей, встречающихся в свидетельстве «самовидца», не позволяет причислить его к лицам, находившимся в момент казни около виселицы.

[196] *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 247; Рассказ Н. С. Щукина, с. 279; ГИМ, ф. 18, д. 97, л. 6—6 об. (письмо А. П. Волконской к В. А. Репниной от 13 июля 1826 г., франц.); *Лебцельтерн З. И.* Екатерина Трубецкая.— Звезда, 1975, № 12, с. 185; *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 103.

[197] Архив графов Мордвиновых, т. V. СПб., 1902, с. 698.

[198] *Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. Б. м., б. г., с. 96—97.

[199] Архив графов Мордвиновых, т. V, с. 684.
[200] *Фейнберг И. Л.* Читая тетради Пушкина. Изд. 2-е. М., 1981, с. 28.
[201] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 416.
[202] *Фейнберг И. Л.* Читая тетради Пушкина, с. 31.
[203] Архив графов Мордвиновых, т. V, с. 686.
[204] *Студенкин Г. И.* Заплечные мастера.— Русская старина, 1873, № 8, с. 202.
[205] Там же, с. 202—203.
[206] С.-Петербургская городская тюрьма с 1808 г. находилась в ведомстве столичной полиции (С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903, с. 87).
[207] *Студенкин Г. И.* Заплечные мастера, с. 208; Заплечные мастера и кнуты.— Русская старина, 1887, № 10, с. 216.
[208] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 74; Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 81, 84; *Раевский В. Ф.* Воспоминания.— Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 97.
[209] Из дневников имп. Марии Федоровны, с. 102; Рассказ Н. С. Щукина, с. 279; Рассказ И.-Г. Шницлера, с. 342; см. также: *Бестужев Н. А.* Воспоминание о Рылееве, с. 40; *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 83.
[210] *Руликовский И.-К.-И.* Восстание Черниговского полка, с. 421, 427.
[211] ЦГАОР СССР, ф. 109, секр. архив, оп. 1, д. 6, л. 1—2.
[212] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 75.
[213] *Гангеблов А. С.* Воспоминания декабриста. М., 1888, с. 100.
[214] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 84—85.
[215] Там же, с. 85.
[216] ЛГИА, ф. 254, оп. 1, д. 1, л. 1, 5, 7, 99.
[217] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345; Восстание декабристов, т. XVII, с. 252.
[218] ЛГИА, ф. 254, оп. 1, д. 1, л. 105—109.
[219] *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 257.
[220] ЛГИА, ф. 254, оп. 1, д. 1, л. 13, 18—19.
[221] *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1971, с. 211.
[222] *Бестужев Н. А.* Воспоминание о Рылееве, с. 26—27.
[223] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 184.
[224] А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 29.
[225] *Цявловский М. А.* Замечания М. П. Погодина на «Материалы для биографии Пушкина» П. В. Анненкова.— Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 354.
[226] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 47.
[227] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 94.
[228] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 344—345.
[229] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 82.
[230] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345.
[231] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 82.
[232] *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 260—261. Мемуарист, однако, ошибается: вечером 12 июля в камеры смертников были принесены только «цепи», облачение их в «саваны» произошло позднее.
[233] *Оболенский Е. П.* Воспоминания, с. 256.
[234] *Трубецкой С. П.* Записки, с. 74.
[235] *Басаргин Н. В.* Записки, с. 78.
[236] *Мысловский П. Н.* Из записной книжки.— Русский архив, 1905, № 9, с. 133.
[237] *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 261.
[238] *Горбачевский И. И.* Записки. Письма, с. 166.
[239] ГПБ, ф. 859, карт. 3, д. 6, л. 11 об.— 12. По данным А. Е. Розена, смертники после выхода из казематов Кронверкской куртины «еще при жизни слушали свое погребальное отпевание» (*Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 103) в крепостной церкви, т. е. или в Петропавловском соборе,

или в «домовой церкви» комендантского дома, о которой упоминает С. П. Трубецкой (*Трубецкой С. П.* Записки, с. 44). По версии Н. В. Басаргина, эта служба состоялась в кронверке (*Басаргин Н. В.* Записки, с. 78). Факт погребального отпевания осужденных перед смертной казнью, остающийся неподтвержденным и противоречащий ритуалу православной церкви, едва ли мог иметь место.

240 Рассказ самовидца, с. 1258.

241 Journal de Paris, 1826, 11 août, N 223, p. 4; Moniteur universel, 1826, 12 août, N 224, p. 1171.

242 Рассказ Н. С. Щукина, с. 279.

243 Рассказ И.-Г. Шницлера, с. 341.

244 *Трубецкой С. П.* Записки, с. 76.

245 Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 83—84.

246 Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 73.

247 Рассказ самовидца, с. 1258; *Басаргин Н. В.* Записки, с. 78.

248 *Раевский В. Ф.* Воспоминания, с. 96—97.

249 *Мысловский П. Н.* Из записной книжки, с. 133. Эти слова П. И. Пестеля в несколько иной редакции приведены также в дневнике Марии Федоровны и в записках А. Я. Булгакова (Из дневников имп. Марии Федоровны, с. 102; Записки А. Я. Булгакова, с. 73).

250 *Бестужев М. А.* Записки в виде ответов на вопросы М. И. Семевского 1860—1861 гг.— Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, с. 136.

251 *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 98.

252 *Бестужев М. А.* Записки в виде ответов..., с. 136; *Трубецкой С. П.* Записки, с. 75; *Горбачевский И. И.* Записки. Письма, с. 166.

253 *Штейнгель В. И.* Записки, с. 460.

254 Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 212.

255 Из дневников имп. Марии Федоровны, с. 102.

256 *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 98.

257 Там же, с. 99; *Пржецлавский О. А.* Воспоминания, с. 682.

258 *Мысловский П. Н.* Из записной книжки, с. 133.

259 Из дневников имп. Марии Федоровны, с. 102.

260 Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 72; Казнь декабристов [извлечение из частного письма], с. 624; Рассказ И.-Г. Шницлера, с. 342. Иное время указывает «самовидец»: «Через три четверти часа было 6 часов», но и время начала гражданской казни он указывает более позднее: «В 4 часа» (Рассказ самовидца, с. 1258).

261 Journal de Paris, 1826, 11 août, N 223, p. 4.

262 Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 73. По другой версии, М. П. Бестужев-Рюмин «насилу мог идти», и П. Н. Мысловский «вел его под руку» (*Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 82).

263 Рассказ самовидца, с. 1258.

264 Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345.

265 Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 73.

266 Рассказ самовидца, с. 1258. Это свидетельство подтверждается, в частности, ритуалом казни петрашевцев, в основу которого было положено исполнение приговора над декабристами. Обряд казни петрашевцев, состоявшийся 22 декабря 1849 г., предусматривал, что «при прочтении конфирмации» приговора с «преступников», приведенных на место казни, «при барабанном бое... скидаются мундиры и надеваются... белые длинные рубахи» (*Гроссман Л. П.* Гражданская смерть Ф. М. Достоевского.— Литературное наследство, т. 22—24. М., 1935, с. 696). Заметим, кстати, что одним из авторов ритуала казни петрашевцев был А. И. Чернышев.

267 Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 73.

268 *Оболенский Е. П.* Воспоминания, с. 256.

269 *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 98.

270 *Раевский В. Ф.* Воспоминания.— Литературное наследство, т. 60, кн. 1. М., 1957, с. 96.

271 Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 82; *Раевский В. Ф.* Воспоминания, с. 97.

[272] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 82.
[273] Там же, с. 82—83.
[274] *Цебриков Н. Р.* Воспоминания о Кронверкской куртине, с. 261. Свидетелем казни был также М. А. Назимов, находившийся в камере № 13. Его рассказ лег в основу описания событий 13 июля 1826 г. в мемуарах А. Е. Розена (*Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 97—103). Записки М. А. Назимова, о существовании которых имеется несколько литературных свидетельств, остаются неразысканными (*Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов.— Литературное наследство, т. 59, кн. 1. М., 1954, с. 752).
[275] *Раевский В. Ф.* Воспоминания, с. 96. Указанное Раевским расстояние между домом П. А. Сафонова и виселицей подтверждается данными о длине второго эполимента вала, вдоль которого осужденных вели к месту казни. Она составляла около 50 метров (ЦГИА ВМФ, ф. 3, оп. 34, д. 2836, 3048).
[276] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 83, 84.
[277] *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 99.
[278] *Серебровская Е. С.* Записки Николая I о казни декабристов.— Новый мир, 1958, № 9, с. 278. Ср.: *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба..., с. 179; ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 468, л. 127.
[279] *Оболенский Е. П.* Воспоминания, с. 256.
[280] *Бестужев М. А.* Записки в виде ответов, с. 136; *Крестова Л. В.* Пушкин и декабристы, с. 41—48.
[281] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 73—74. Ср.: Восстание декабристов, т. XVII, с. 247.
[282] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 74.
[283] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 84; Рассказ самовидца, с. 1258.
[284] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345; *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 83.
[285] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 84—85.
[286] Из дневников имп. Марии Федоровны, с. 102.
[287] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345.
[288] Рассказ самовидца, с. 1258; Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 74; *Раевский В. Ф.* Воспоминания, с. 97.
[289] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 84.
[290] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345.
[291] ГПБ, ф. 859, карт. 3, д. 6, л. 11 об.— 12; *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма, с. 83; *Dumas A.* Le maître d'armes, vol. III, p. 58—59.
[292] ГБЛ, ф. 96, д. 87.5, л. 205; *Герасимова Ю. И.* Восстание 14 декабря 1825 г. и современники, с. 88.
[293] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 838, л. 38 об., 39, 43 об. (по жандармской пагинации) или л. 39 об., 40, 44 об. (по архивной). А. М. Эфрос датирует эти рисунки «первыми числами (1—3) октября 1828 года» (*Эфрос А. М.* Рисунки поэта, с. 372—376). Т. Г. Цявловская также считает, что они сделаны в октябре 1828 г. (*Цявловская Т. Г.* Отклики на судьбы декабристов..., с. 206). Мы придерживаемся датировки Н. В. Измайлова, отметившего ошибочность отнесения рисунков к октябрю 1828 г.: «...на самом деле они сделаны в сентябре» (*Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1976, с. 59). По мнению В. Б. Сандомирской, наиболее интенсивная работа над черновиками «Полтавы» началась после 19 августа 1828 г. и поэма была окончена в двадцатых числах сентября 1828 г. (*Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838) (История заполнения).— Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982, с. 253). Однако вопрос о датировке рисунков в черновике «Полтавы» Сандомирской не рассмотрен.
[294] [*Лернер Н. О.*] Рисунки Пушкина.— Речь, 1912, № 28, 29 января (11 февраля), с. 3. Сведения об этих рисунках в рукописи «Полтавы» впервые были приведены В. Е. Якушкиным (*Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве.— Русская старина, 1884, № 7, с. 47).

[295] *Эфрос А. М.* Рисунки поэта. М., 1930, с. 321—322 (ср.: изд. 2-е. М.— Л., 1933, с. 372); *его же.* Декабристы в рисунках Пушкина, с. 946.

[296] *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина, с. 59—60.

[297] *Беляев М. Д.* Рисунки Пушкина..., с. 91; *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина, с. 82, 417.

[298] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 52, 66.

[299] *Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la Russie..., t. II, p. 306 (ср. с рассказом Ж.-Ф. Ансело: «...осужденные были одеты в широкие серые халаты с капюшонами, которыми закрывались их головы...»— *Ancelot J.-F.* Six mois en Russie, p. 410—411).

[300] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 74; Рассказ В. И. Беркопфа, с. 445; Рассказ самовидца, с. 1258; ГПБ, ф. 859, карт. 3, д. 6, л. 11 об.— 12; *Schnitzler J.-H.* Histoire intime de la Russie..., t. II, p. 306; *Dumas A.* Le maître d'armes, vol. III, p. 58—59 (ср.: *Дюма А.* Учитель фехтования. Роман из времен декабристов. Изд. 2-е. Горький, 1957, с. 150).

[301] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 75. Этот факт подтверждает «помощник квартального надзирателя», но, по его версии, Пестель «достал» ногами до «помоста» между первым и вторым повешением («когда помост был поднят», привязывали к перекладине другие веревки и готовились ко второй казни): «Пестель был еще в это время жив и, кажется, начал немного отдыхать» (Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 85).

[302] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 194—195 (стихи 123—127 «Песни первой»).

[303] Рассказ самовидца, с. 1258. Ср.: Рассказ В. И. Беркопфа, с. 345.

[304] ЦГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 6, л. 482—484; *Цейтлин А. Г.* Имущественные дела Рылеева во время его пребывания в Петропавловской крепости.— Литературное наследство, т. 59. М., 1954, с. 329.

[305] *Эфрос А. М.* Рисунки поэта, с. 374—375.

[306] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 84.

[307] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 74.

[308] Рассказ самовидца, с. 1258 (см. также свидетельство И. И. Горбачевского: «...руки были связаны назад».— *Горбачевский И. И.* Записки. Письма, с. 167); Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 82.

[309] *Бестужев Н. А.* Казнь Рылеева, с. 337.

[310] *Бестужев Н. А.* Воспоминание о Рылееве, с. 40.

[311] ГПБ, ф. 601, д. 1288, л. 1.

[312] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 497. Об источниках и месте записи Пушкиным рассказа об аресте Пугачева заговорщиками 8 сентября 1774 г. см.: *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина, с. 297; *Овчинников Р. В.* Над «пугачевскими» страницами Пушкина. М., 1981, с. 130—133.

[313] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 77.

[314] *Цявловская Т. Г.* Новые автографы Пушкина, с. 8, 28.

[315] *Лотман Л. М.* «И я бы мог, как шут...», с. 50, 52.

[316] *Цявловская Т. Г.* Новые автографы Пушкина, с. 28. В автографе отчетливо читается только год; число и месяц восстанавливаются предположительно (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 1733).

[317] *Цявловская Т. Г.* Новые автографы Пушкина, с. 25—26.

[318] *Щеголев П. Е.* Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.— Л., 1928, с. 256.

[319] *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 38, 92—93, 99, 218, 300—301. О знакомстве поэта с Н. Ф. Пальмшерной см.: *Алексеев М. П.* Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча.— Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977, с. 109—113. Состав дипломатического корпуса на осень 1826 г. см.: ГПБ, ОЛДП, F 506, л. 75 об.— 77.

[320] *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. М., 1925, с. 67—68.

[321] *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба..., с. 180; Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии... СПб., 1828, с. 81; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 327. См. также упо-

минание о К. К. Мердере в письме Пушкина к жене от 22 апреля 1834 г. (там же, т. 15, с. 130).

[322] Рассказ самовидца, с. 1256; *Данилов В. В.* Декабристские материалы в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.— Декабристы и их время. Материалы и сообщения. М.— Л., 1951, с. 279; Историко-литературные материалы в местных архивах.— Литературное наследство, т. 22—24, с. 784; ГПБ, ф. 859, карт. 18, д. 10, л. 1—2 об. Рассказ «самовидца», подготовленный к печати по этому списку Н. К. Шильдером, не был пропущен цензурой.

[323] Сведений о знакомстве Пушкина с П. Д. Дурново не сохранилось. Однако, по мнению Р. Е. Теребениной, «то, что поэт был знаком с его женой, делает это весьма вероятным» (*Теребенина Р. Е.* Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново.— Пушкин. Исследования и материалы, т. VIII. Л., 1978, с. 252).

«НА ТАЙНЫЕ ЛИСТЫ ЗАПИСЫВАЛ Я ЖИЗНЬ...» (с. 126—157)

[1] *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968, с. 164.

[2] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 403—405.

[3] *Оксман Ю. Г.* Повесть о прапорщике Черниговского полка (Неизвестный замысел Пушкина).— Звезда, 1930, № 7, с. 217—222.

[4] См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 415—417. См.: *Чичерин А. В.* Возникновение романа-эпопеи, 2-е изд. М., 1975, с. 106—107; *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 341—343.

[5] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 974.

[6] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 307.

[7] Русская старина, 1901, № 3, с. 578.

[8] *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина, изд. 7-е. М., 1979, с. 288—289.

[9] *Левкович Я. Л.* Незавершенный замысел Пушкина.— Русская литература, 1981, № 1, с. 123—136.

[10] *Вульф А. Н.* Дневники (Любовный быт пушкинской эпохи). М., 1929, с. 137.

[11] *Левкович Я. Л.* Кавказский дневник Пушкина.— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 5—26.

[12] *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы, с. 320; *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники, с. 205—208.

[13] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 321.

[14] *Смирнова А. О.* Записки (Из записных книжек 1826—1845 гг.), ч. I. СПб., 1895, с. 89.

[15] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 321. Сообщение Л. А. Черейского о том, что Пушкин встречался с А. О. Смирновой 14 декабря 1833 г. (*Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 383), основано на записи в пушкинском «Дневнике»: «[1833] 14 дек. Обед у Блая, вечер у Ст.» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 843, л. 5 об.), опубликованной Т. Г. Цявловской в следующей редакции: «[1833] 14 дек[абря]. Обед у Блая, вечер у См[ирновых]» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 317). Такое произвольное прочтение второй буквы и ненаписанной части последнего слова в записи не подтверждается автографом и в свое время было справедливо оспорено Б. Л. Модзалевским (Дневник Пушкина 1833—1835. Под ред. Б. Л. Модзалевского. М.— Пг., 1923, с. 4, 72).

[16] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 321. Буквы «ц. н.» в этой записи Б. Л. Модзалевский расшифровал как «цициановские», т. е. анекдоты Д. Е. Цицианова (Дневник Пушкина, с. 99—100), тогда как можно предположить и другое, более обоснованное в данном случае прочтение — «ц[елую] н[очь]». Сокращение «См.» в записи может иметь и иной вариант: «См[ирновых]».

[17] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 321.

[18] Там же, с. 320—321.

[19] *Якубович Д. П.* «Дневник» Пушкина.— Пушкин. 1834 год. Л., 1934, с. 22. М. А. Цявловский, анализируя запись в пушкинском «Дневнике» о семейной истории флигель-адъютанта С. Д. Безобразова, также пришел к выводу об убедительности гипотезы П. Д. Якубовича («совершенно справедливые утверждения») (*Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 242).

[20] *Смирнова А. О.* Записки, ч. I, с. 89.

[21] Дневник Пушкина, с. 99; Голос минувшего, 1917, № 11—12, с. 164.

[22] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.— Л., 1926, с. 93. Свидетельства Н. И. Лорера, Н. В. Басаргина и В. И. Штейнгеля о том, что во время казни «каждые четверть часа скакали... в Царское село фельдъегеря» с донесениями о «происходящем на месте казни» (*Лорер Н. И.* Записки декабриста. М., 1931, с. 114; *Басаргин Н. В.* Записки. Пг., 1917, с. 79; *Штейнгель В. И.* Записки.— Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. 1. СПб., 1905, с. 465—466), не подтверждаются.

[23] К истории казни декабристов 1826 года.— Русская старина, 1882, № 7, с. 215. Ср.: *Сыроечковский Б. Е.* Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов.— Красный архив, 1926, т. 4(17), с. 180—181.

[24] Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов, с. 208.

[25] *Смирнова А. О.* Записки (Из записных книжек 1826—1845 гг.), ч. II. СПб., 1897. Эти свидетельства, очевидно, являются мемуарным отголоском распространившихся слухов о том, что Николай I прослезился, когда донесли ему «о совершении казни над пятерыми злоумышленниками» (*Левкович Я. Л.* Литературная и общественная жизнь пушкинской поры в письмах А. Е. Измайлова к П. Л. Яковлеву.— Пушкин. Исследования и материалы, т. VIII. Л., 1978, с. 188).

[26] См., например, письмо А. П. Волконской к В. А. Репниной от 13 июля 1826 г.: «Сегодня утром, в 5 часов, пять приговоренных к смерти повешены в крепости» (ГИМ, ф. 18, д. 97, л. 6, франц.).

[27] *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина, с. 300.

[28] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 321.

[29] Там же, с. 322.

[30] Там же, с. 317.

[31] Там же, с. 334.

[32] Там же.

[33] Там же, с. 335.

[34] *Щеголев П. Е.* Пушкин о Николае I.— Дневник Пушкина 1833—1835 гг., с. XIII. Вопрос о характере и назначении пушкинского «Дневника» 1833—1835 гг. остается спорным (см.: *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза.— Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.— Л., 1966, с. 522—527).

[35] *Дельвиг А. И.* Мои воспоминания, т. I. М., 1912, с. 158 (из письма В. П. Титова к А. В. Головину от 29 августа 1879 г.)

[36] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти тт., т. IX. М., 1965, с. 507—508 (приложение).

[37] *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье.— Прометей, т. 10. М., 1974, с. 220—225. Это исследование А. А. Ахматовой, датированное 23 января 1963 г. (впервые опубликовано: Литературная газета, 1969, 4 июня, № 23, с. 7), предназначалось для второй части готовившейся работы «Пушкин в 1828 году». Черновые наброски к первой части этой работы, в которых, в частности, содержатся ценные наблюдения А. А. Ахматовой над текстом «Уединенного домика на Васильевском», не вошедшие в статью, см.: Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине.— Вопросы литературы, 1970, № 1, с. 195—206.

[38] *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье, с. 221. Ср.: *Алпатов М. В.* Этюды по истории русского искусства, т. 2. М., 1967, с. 67. Б. В. Томашевский отождествлял описание северной стороны Васильевского острова в «Уединенном домике на Васильевском» с топографией домика, в котором жила Параша из «Медного всадника» (*Томашевский Б. В.* Петербург в творчестве Пушкина.— Пушкинский Петербург. Л., 1949, с. 27).

[39] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 149.

[40] *Тархов А. Е.* Повесть о петербургском Иове.— Наука и религия, 1977, № 2, с. 64.

[41] *Пушкин А. С.* Медный всадник. Литературные памятники. Л., 1978, с. 270.

[42] *Борев Ю. Б.* Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981, с. 341.

[43] *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье, с. 221—222.

[44] *Томашевский Б. В.* Пушкин, кн. 2. М.— Л., 1961, с. 264; см. также: *Клейман Н. И.* О тексте пушкинского наброска «Когда порой воспоминанье...» — Болдинские чтения. Горький, 1977, с. 62—79.

[45] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти тт., т. III. М., 1957, с. 215—216.

[46] *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье, с. 224—225.

[47] Казнь декабристов. Рассказы современников. Рамазанов Н. А. Примечания (к рассказу В. И. Беркопфа).— Русский архив, 1881, № 2, с. 346.

[48] Рассказ «присутствовавшего... при казни», с. 75. К этому свидетельству редакцией было сделано примечание: «Другие говорят, что преступники были зарыты на острове Голодай».

[49] *Розен А. Е.* Записки декабриста. СПб., 1907, с. 103.

[50] *Лунин М. С.* Сочинения и письма. Пг., 1923, с. 65. Со слов декабристов эту версию повторила М. Н. Волконская: «Их тела были положены в два больших ящика, наполненных негашеной известью, и погребены на Голодаевском острове» (*Волконская М. Н.* Записки. СПб., 1904, с. 14).

[51] *Муравьев А. М.* Мой журнал (Mon journal).— Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. I. М., 1931, с. 131; *Штейнгель В. И.* Записки, с. 461; *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906, с. 248.

[52] *Горбачевский И. И.* Записки. Письма. М., 1963, с. 167, 334. Свидетельство М. А. Бестужева подтверждает М. Н. Волконская: «Часовой не допускал до могил...» (*Волконская М. Н.* Записки, с. 14).

[53] Рассказ Н. С. Щукина, с. 279.

[54] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 86.

[55] Русская воля, 1917, 4 июня, № 132, с. 6; Петроградский листок, 1917, 11(24) июня, № 140 (прилож.), с. 6.

[56] Известия, 1926, 25 июня, № 169(2800), с. 2.

[57] *Басаргин Н. В.* Записки, с. 78. Этот факт, бывший, очевидно, общеизвестным, отметил, в частности, П. А. Вяземский, который в 1830 г. писал А. И. Тургеневу, намеревавшемуся хлопотать о пересмотре дела своего брата, Н. И. Тургенева: «Как дотронуться до одного осуждения, не расшевелив всех осуждений, не подняв со дна Сибири всего дела, не повернув мертвых без гробов...» (Остафьевский архив кн. Вяземских, т. III. М., 1899, с. 188. Разрядка наша.— *Г. Н.*).

[58] *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 248

[59] Красная газета, 1926, 26 июля, № 168, с. 4; Ленинградская правда, 1926, 26 июля, № 169, с. 4.

[60] *Каменская М. Ф.* Воспоминания.— Исторический вестник, 1894, № 4, с. 42.

[61] Стихи и семейные бумаги Рылеевых.— Былое, 1925, № 5(33), с. 40.

[62] Там же.

[63] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 86.

[64] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 346.

[65] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 86.

[66] *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 248.

[67] *Руликовский И.-К.-И.* Восстание Черниговского полка.— Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов, т. 2. М., 1933, с. 421. Иную версию захоронения казненных сообщает В. И. Беркопф: «В следующую ночь извощик явился с лошадью в крепость и оттуда повез трупы по направлению к Васильевскому острову; но когда он довез их до

Тучкова моста, из будки вышли вооруженные солдаты и, овладев возжами, посадили извощика в будку. Чрез несколько часов пустая телега возвратилась к тому же месту; извощик был заплачен и поехал домой» (Рассказ В. И. Беркопфа, с. 346). И. Й. Горбачевский вспоминал впоследствии слышанные им в крепости разговоры, будто «работали яму и прочее... солдаты инженерной команды Петербургской крепости вместе с палачами» (*Горбачевский И. И.* Записки. Письма, с. 167).

[68] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 468, л. 121—122.

[69] *Лунин М. С.* Сочинения и письма, с. 65.

[70] *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания из прошлого. М., 1926, вып. 1, с. 133.

[71] *Удодов Б. Т.* К. Ф. Рылеев в Воронежском крае. Воронеж, 1971, с. 55.

[72] *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 187, 145—146.

[73] А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, с. 277.

[74] *Горбачевский И. И.* Записки. Письма, с. 334.

[75] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 86.

[76] *Медведев М. М.* Грибоедов под следствием и надзором.— Литературное наследие, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 482.

[77] Это предположение тем более вероятно, что А. С. Грибоедов был ближайшим другом К. Ф. Рылеева, хорошо знал П. Г. Каховского, был знаком с С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым (*Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е. М., 1977, с. 595—596).

[78] *Кропотов Д. А.* Жизнь графа М. Н. Муравьева. СПб., 1874, с. 229.

[79] *Пушкин А. С.* Медный всадник, с. 270; *Жемчужников Л. М.* Мои воспоминания, с. 133.

[80] Этот вывод подтверждает предположение А. Белого о сближении во времени гибели Евгения в «Медном всаднике» и казни декабристов (*Белый А.* Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929, с. 175. Ср.: *Борев Ю. Б.* Искусство интерпретации, с. 280—281). Наводнение 7 ноября 1824 г. занесло «домишко ветхий» на «пустынный остров» Невского взморья. «У порога» дома нашли умершего Евгения и похоронили «прошедшею весною», т. е. весной, прошедшей после его бунта на Сенатской площади, видимо, ранней осенью 1825 г. («Дни лета клонились к осени. Дышал ненастный ветер...»). Следовательно, в конце 1825 — начале 1826 г. Евгений, найдя «домишко ветхий», умирает у его «порога», «на острове малом», и там же «хладный труп его» хоронят весной 1826 г.: сближение во времени смерти подчеркивается совпадением места погребения. Толкование слов «прошедшею весною» как имеющих отношение ко времени создания поэмы (октябрь 1833 г.) и, следовательно, отнесение финала «петербургской повести» к весне 1833 г. (*Еремин М. П.* «В гражданстве северной державы...» (Из наблюдений над текстом «Медного всадника»).— В мире Пушкина. М., 1974, с. 202) не представляются убедительными. Заметим, что слово «прошедшею» появилось только на заключительном этапе работы над текстом. См. варианты второй черновой рукописи: «[Рыболовы] Его увидели весной И осмотрели», «Его увидели весною и посетили» — и первой беловой (Болдинский автограф): «Уж весною Его у[видели]», «Его увидели весною И осмотрели» (*Пушкин А. С.* Медный всадник, с. 62, 72).

[81] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 329.

[82] *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье, с. 221.

[83] Рассказ «помощника квартального надзирателя», с. 86; *Руликовский И.-К.-И.* Восстание Черниговского полка, с. 421; А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, с. 277.

[84] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 853. Б. В. Томашевский отмечал, что в этом стихотворении «пейзаж теряет значение художественной абстракции и приобретает что-то личное» (*Томашевский Б. В.* Пушкин, кн. 2, с. 264).

[85] *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье, с. 221.

[86] А. А. Ахматова пришла, по-видимому, к такому же выводу. В одном

из черновых набросков к работе об «Уединенном домике на Васильевском» (недатированном, но более позднего происхождения, чем статья «Пушкин и Невское взморье») есть запись: «Описание могилы декабристов (место)» (Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине, с. 198).

[87] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 58.

[88] Строка «Сушу на солнце под скалою» подтверждается свидетельством Б. Я. Княжнина о том, что тела казненных были увезены на «далекие скалистые берега Финского залива» (*Руликовский И.-К.-И.* Восстание Черниговского полка, с. 421). «Скалистым» берег Голодая делал высокий «вал», служивший острову «оплотом от разлитий».

[89] *Виноградов В. В.* Сюжет о влюбленном бесе в творчестве Пушкина и в повести Тита Космократова (В. П. Титова) «Уединенный домик на Васильевском».— Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982, с. 121—146.

[90] *Цявловская Т. Г.* «Влюбленный бес» (Неосуществленный замысел Пушкина).— Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.— Л., 1960, с. 129.

[91] *Вацуро В. Э.* К истории пушкинских изданий (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу).— Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Л., 1969, с. 289—290.

[92] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 843, л. 88.

[93] *Якушкин В. Е.* Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве.— Русская старина, 1884, № 5, с. 353.

[94] Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.— Л., 1935, с. 307; *Алексеев М. П.* Пушкин и бразильский поэт.— Научный бюллетень Ленинградского гос. университета, 1947, № 14-15, с. 54—61.

[95] Рукою Пушкина, с. 311.

[96] Там же, с. 295, 311.

[97] *Анненков П. В.* А. С. Пушкин в александровскую эпоху.— Вестник Европы, 1874, № 2, с. 548. Толкование Анненкова оспорил М. А. Цявловский: «...эта запись не имеет никакого отношения к декабристам» (Рукою Пушкина, с. 312).

[98] На полях принадлежавшего ей экземпляра книги «Рукою Пушкина» (хранится в Пушкинском кабинете ИРЛИ) против строки «4 août R.J.P. Jich. en songe» Т. Г. Цявловская пометила: «М[ожет] б[ыть], Рылеева, Жанно, Пестеля, Жихарева». По агентурным сведениям, осенью 1826 г. в Москве Пушкин в числе других «наиболее часто» посещал дом С. П. Жихарева (*Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. Л., 1925, с. 62).

[99] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 520—526. По предположению И. М. Дьяконова, «декабристские строфы» «Евгения Онегина», известные как часть «десятой главы», представляют собой фрагмент первоначальной восьмой главы романа («Странствие»), написанной в 1829 г. (*Дьяконов И. М.* О восьмой, девятой и десятой главах «Евгения Онегина».— Русская литература, 1963, № 3, с. 37—61; *его же.* Об истории замысла «Евгения Онегина».— Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982, с. 70—105).

[100] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 310.

[101] *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1980, с. 414—415; *Дьяконов И. М.* Об истории замысла «Евгения Онегина», с. 96.

[102] *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина. Изд. 3-е. М., 1950, с. 377—378; *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Примеч. и пояснит. статьи С. М. Бонди. М., 1976, с. 275; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», с. 406—407.

[103] Воспоминания Бестужевых. М.— Л., 1951, с. 53.

[104] Там же.

[105] *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина, с. 374; *Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина». История разгадки.— Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 406, 420.

[106] *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине и декабристах.— Литературное наследство, т. 58. М., 1952, с. 158—159.

[107] *Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина», с. 406; *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Примеч. и пояснит. статьи С. М. Бонди, с. 276; *Нечкина М. В.* Новое о Пушкине, с. 159—160.

[108] Восстание декабристов. Материалы, т. IV. М.— Л., 1927, с. 135.

[109] Там же, с. 159, 179.

[110] ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 829, л. 51 об. (под рисунком подпись: «Lounin»). См. также: *Эфрос А. М.* Пушкин — портретист. М., 1946, с. 118—122. О лунинском плане цареубийства упоминалось и в одном из подстрочных примечаний «Донесения» Следственной комиссии (Восстание декабристов. Документы, т. XVII. М., 1980, с. 27).

[111] *Боричевский И. А.* Пушкин и «нераскаянные» декабристы.— Звезда, 1940, № 8-9, с. 262.

[112] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951, с. 40, 41.

[113] Там же, с. 17—18.

[114] Там же, с. 16.

[115] Восстание декабристов, т. IV, с. 82—83, 112, 221.

[116] Восстание декабристов, т. XVII, с. 27.

[117] *Гессен С. Я.* Источники десятой главы «Евгения Онегина».— Декабристы и их время, т. 2. М., 1932, с. 137—138.

[118] *Истрин В. М.* Из документов архива братьев Тургеневых.— Журнал министерства народного просвещения, 1913, № 3, с. 16.

[119] Записка Н. И. Тургенева.— Красный архив, 1925, с. 6(13), с. 68—147; *Заэерский А. И.* Вторая оправдательная записка Н. И. Тургенева.— Памяти декабристов, т. 2. Л., 1926, с. 99—163.

[120] *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина, с. 371.

[121] Описание конструкций черновых набросков стихов см.: *Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина», с. 399—400.

[122] *Гессен С. Я.* Источники десятой главы..., с. 138.

[123] Восстание декабристов, т. IV, с. 134, 143, 215, 219; т. XVII, с. 27.

[124] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 303.

[125] *Гессен С. Я.* Источники десятой главы..., с. 138, ср.: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина, с. 380, 406.

[126] Восстание декабристов, т. XVII, с. 32.

[127] *Томашевский Б. В.* Примечания — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти тт., т. V, с. 608. Ср.: *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», с. 410—411.

[128] Восстание декабристов, т. XVII, с. 40.

[129] Там же, с. 36; т. IV, с. 110.

[130] По справедливому замечанию Б. В. Томашевского, слово «сначала» показывает, что содержание этой строфы относится не к Союзу Спасения и не к Союзу Благоденствия, но к «раннему периоду оппозиции до окончательного сформирования ее в революционные организации» (*Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина», с. 408—410. Ср.: *Цявловская Т. Г.* Неясные места биографии Пушкина.— Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.— Л., 1962, с. 39). Стихи этой строфы совершенно лишены какой бы то ни было иронии или осуждения, которые находили в них, в частности, Н. О. Лернер и В. Я. Брюсов (*Лернер Н. О.* Из десятой (сожженной) главы «Евгения Онегина».— *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 6-ти тт., т. VI. Пг., 1915, с. 214—215; *Брюсов В. Я.* Собр. соч., т. VII. М., 1975, с. 126). Пушкин лишь констатирует исторический факт: оппозиционное движение началось именно с «дружеских споров» «между Лафитом и Клико» и его начальные формы действительно в большей степени походили на «забавы взрослых шалунов», чем на действия заговорщиков, «мятежная наука» на первых порах «не входила глубоко в умы». «Необходимо учитывать,— отмечал Б. В. Томашевский,— что это не заключительные слова, а лишь вводная фраза к резкому переходу в повествовании к «самому главному»; характеристики здесь давались не в порядке осуждения, а для конт-

раста» (*Томашевский Б. В.* Десятая глава «Евгения Онегина», с. 410).

[131] *Истрин В. М.* Из документов архива братьев Тургеневых, с. 16.

[132] Мнение Н. Л. Бродского о том, что в <13—15> строфах дана историческая картина Северного тайного общества (*Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина, с. 374. Ср.: *Лернер Н. О.* Пушкин о декабристах.— Речь, 1913, 10 июня, № 155, с. 3; *его же.* Из десятой (сожженной) главы «Евгения Онегина», с. 214—215), справедливо оспорено М. В. Нечкиной (*Нечкина М. В.* Новое о Пушкине, с. 162, 166).

[133] Классификацию приемов, которыми пользовался Пушкин при разработке декабристской темы в конце 20-х — начале 30-х гг., см.: *Мейлах Б. С.* Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975, с. 48—49. Ср.: *Иезуитова Р. В.* К истории декабристских замыслов Пушкина 1826—1827 гг.— Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. Л., 1983, с. 101—106.

[134] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 61. Тема виселицы и всадника повторяется и в стихотворении «Альфонс садится на коня...» (там же, с. 436—437). См. об этом: *Бэлза И. Ф.* Пушкин и Ян Потоцкий.— Искусство слова. М., 1973, с. 125—134.

[135] *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941, с. 217.

[136] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 48.

[137] *Гиллельсон М. И.* По следам воспоминаний о К. Ф. Рылееве.— Звезда, 1975, № 12, с. 153.

[138] *Толстой В. С.* Воспоминания.— Декабристы. Новые материалы. М., 1955, с. 43.

[139] Рассказ В. И. Беркопфа, с. 346.

[140] *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение, с. 37; ГИМ, ф. 18, д. 97, л. 1—1 об., 6 об.

[141] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 64, 67.

[142] *Ахматова А. А.* Пушкин и Невское взморье, с. 223.

[143] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 63—64.

[144] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 375—376.

[145] ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 468, л. 124. Карандашная приписка вверху листа с наброском ритуала казни была сделана И. И. Дибичем, очевидно со слов самого царя. Так, в собственноручной записке об исполнении приговора над «14-ю обер-офицерами Черниговского пехотного полка, участвовавшими в политическом возмущении» Николай I писал 12 июля 1826 г.: «Барона Соловьева, Сухинова и Мозалевского, по лишении чинов и дворянства и переломлении шпаг над их головами пред полком, поставить в г. Василькове, при собрании команд из полков 9-й пехотной дивизии, под виселицу и потом отправить в каторжную работу вечно. К той же в и с е л и ц е   п р и б и т ь   и м е н а убитых Кузьмина, Щепиллы и Муравьева-Апостола, как изменников, по выключке их из списков» (К истории казни декабристов 1826 года, с. 214; разрядка наша.— *Г. Н.*).

[146] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 366—367.

[147] *Овчинников Р. В.* Карательная деятельность судебно-следственных учреждений правительства Екатерины II.— Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. III. Изд. ЛГУ, 1970, с. 382.

[148] Закование в кандалы производилось по особым запискам Николая I (*Щеголев П. Е.* Декабристы. Очерки. М.— Л., 1926, с. 263—276).

[149] *Зубков В. П.* Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 года. Пер. с франц.— Декабристы. Тайные общества. М., 1907, с. 225, 240; *его же.* Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 года. СПб., 1906, вклейка между с. 44—45 (план квартиры коменданта Петропавловской крепости).

[150] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 369.

[151] Русский инвалид, 1826, 7 января, № 5, с. 20; Восстание декабристов, т. XVII, с. 221—222, 226—235. 244—245.

[152] Рассказ Н. О. Щукина, с. 279; Казнь декабристов. Рассказы современников. И.-Г. Шницлер — Русский архив, 1881, № 2, с. 342.

[153] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 99; см.: *Алексеев М. П.* Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 208—239;

Листов В. С., Тархова Н. А. К истории ремарки «Народ безмолвствует» в «Борисе Годунове».— Временник Пушкинской комиссии, 1979. Л., 1982, с. 96—102.

[154] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 7, с. 302.

«Для веков и потомства» (с. 158—163)

[1] *Штейнгель В. И.* Записки.— Общественные движения в России в первую половину XIX века, т. I. СПб., 1905, с. 468.

[2] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 168.

[3] *Анненков П. В.* А. С. Пушкин в александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, с. 331.

[4] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 127.

[5] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 335. Ср.: *Щеголев П. Е.* Из жизни и творчества Пушкина. М.— Л., 1931, с. 127.

[6] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 310; *Томашевский Б. В.* Пушкин, кн. 1. М.— Л., 1956, с. 567; кн. 2. М.— Л., 1961, с. 169; *Фейнберг И. Л.* Незавершенные работы Пушкина. Изд. 7-е. М., 1979, с. 227—239; *Левкович Я. Л.* Пушкин в работе над «Записками».— Русская литература, 1982, № 2, с. 141—148.

[7] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 310.

[8] *Толстой Ф. П.* Записка о состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства.— Отдел рукописей Государственного Русского музея, ф. 4, д. 18, л. 17; *Базанов В. Г.* Ученая республика. М.— Л., 1964, с. 330; *Вяземский П. А.* Записные книжки (1813—1848). М., 1963, с. 129—131.

[9] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 43.

[10] *Плеханов Г. В.* Соч., т. XXIII. М.— Л., 1926, с. 4, 9.

[11] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 261; т. 11, с. 14.

[12] Там же, т. 11, с. 14. Ср.: *Шебунин А. Н.* К вопросу о генезисе исторических воззрений Пушкина (машинопись, 1937 г.).— ГПБ, ф. 849, д. 58, л. 63—66.

[13] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 244; т. 16, с. 261.

[14] *Плеханов Г. В.* Соч., т. X. М.— Л., 1925, с. 346; *Аронсон М. И.* «Конрад Валленрод» и «Полтава» (к вопросу о Пушкине и московских любомудрах 20-х — 30-х годов).— Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.— Л., 1936, с. 43—56; *Оксман Ю. Г.* Белинский и политические традиции декабристов.— Декабристы в Москве. М., 1963, с. 206—208.

[15] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 15.

[16] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 335.

[17] Там же, с. 205—206; *Сакулин П. Н.* Классовое самоопределение Пушкина.— Пушкин, сб. 2. М.— Л., 1930, с. 18; *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982, с. 41—67.

[18] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 18.

[19] Ср.: *Блюм Р. Н.* О понятиях «политическая» и «социальная» революция.— Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по философии, т. XVII. Тарту, 1974, с. 75—84; *его же.* Проблема революции в русской общественной мысли дореформенного периода (конец XVIII—XIX век).— Там же, с. 124—155.

[20] *Томашевский Б. В.* Пушкин, кн. 2. М.— Л., 1961, с. 195.

[21] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 330.

[22] *Никитенко А. В.* Дневник, т. I. М., 1955, с. 143.

[23] *Баратынский Е. А.* Стихотворения, поэмы, проза, письма. М., 1951, с. 496.

[24] Русская старина, 1896, № 1, с. 84—85.

[25] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 172—173.

[26] Там же, с. 68.

[27] *Герцен А. И.* Собр. соч., т. VII. М., 1956, с. 223—224.

[28] Старина и Новизна, кн. VIII. М., 1904, с. 42.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Невелев Г. А.

Н40 „Истина сильнее царя...“: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов).— М.: Мысль, 1985.— 205 с., 16 л. ил.

1р. 20 к.

Книга посвящена А. С Пушкину как историку революционного движения в России. Автор исследует методы исторической работы Пушкина, показывает его творческую лабораторию, анализирует графику великого поэта, посвященную декабристам, «прочитывая» серию пушкинских рисунков как конспекты исторических реалий. Авторский текст подкрепляют многочисленные рисунки А. С. Пушкина, которыми богато иллюстрирована книга.

Рассчитана на историков, литераторов, а также широкие читательские круги.

Н $\frac{0505010000-107}{004(01)-85}$ 74-85

ББК 63.3(2)47 + 83.3Р1
9(С)15 + 8Р1

ГЕННАДИЙ АБРАМОВИЧ НЕВЕЛЕВ

„ИСТИНА СИЛЬНЕЕ ЦАРЯ...“

Заведующий редакцией **В. С. Антонов**
Редактор **Т. В. Мальчикова**
Младший редактор **О. В. Карева**
Оформление художника **И. А. Дутова**
Художественный редактор **А. М. Павлов**
Технический редактор **О. А. Барабанова**
Корректор **Ч. А. Скруль**

ИБ № 2695

Сдано в набор 12.12.84. Подписано в печать 02.07.85. А 03995. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 1. Академическая гарнитура. Высокая печать. Усл. печатных листов 15 с вкл. Усл. кр.-отт. 17,75. Уч.-изд. л. 17,23 с вкл. Тираж 50000 экз. Заказ № 507. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

Татьяна верила преданьям
[illegible] старины
И снам [redacted] и карточным гаданьям
И предсказаниям луны —
со тревожили приметы
Простонародные приметы
Таинственно ей все предметы
Провозглашали что-нибудь
Предчувствия теснили грудь
[illegible]
[illegible]
[redacted] рыло мыл
[redacted] [illegible]
[illegible]
То несомненный знак ей был
Что едут гости — вдруг увидя
На небе с левой стороны
Младой двурогий лик луны
Она [illegible]
[illegible]
Она дрожала и бледнела —
Когда падучая звезда
По небу темному летела
И рассыпалася — тогда
[redacted] [illegible] торопилась
[illegible] звезда еще катилась
[illegible] желанье сердца ей шепнуть
Когда случалось где-нибудь
Ей встретить [illegible] [redacted]
Иль быстрый заяц — [illegible] полей
Перебегал дорогу ей
[illegible]
[redacted]
[illegible]
[illegible]

1 р. 20 к.